Имре Кертэс

Тактика и психологические основы допроса

Под общей редакцией проф. А. И. ВИНБЕРГА

Издательство
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1965

34И
К36

Криминалистам Советского Союза и зарубежных социалистических стран хорошо известен венгерский криминалист кандидат юридических наук д-р Имре Кертэс в области криминалистической техники и тактики.

Публикуемая монография выполнена автором на основе успешно защищенной им кандидатской диссертации в Ученом совете юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (научный руководитель проф. А. И. Винберг).

В данной работе Имре Кертэс освещает один из центральных вопросов криминалистики — тактику допроса в свете современных требований науки психологии.

Проблемы судебной психологии нуждаются в серьезной творческой разработке. В этом плане монография Имре Кертэса, несомненно, вызовет интерес среди широкого круга юристов.

Книга рассчитана на прокурорско-следственных и судебных работников, студентов высших юридических учебных заведений, аспирантов и научных работников, интересующихся вопросами криминалистики и психологии.

Введение

Тактика допроса есть часть науки криминалистики, или точнее — часть следственной тактики. Следственную тактику советские криминалисты рассматривают как систему тактических приемов, используемых следователем для достижения наиболее эффективных результатов при проведении отдельных следственных действий по делу. Следственные действия, среди которых особенно большую роль играет допрос, направлены на получение судебных доказательств.

Основой тактических приемов допроса являются нормы уголовно-процессуального закона. Так, ст. 150 УПК[1] определяет порядок допроса обвиняемого, а ст. 158 УПК— порядок допроса свидетеля. Тактические приемы направлены на более эффективное выполнение этих норм.

Тактика всегда предполагает возможность маневрирования одним из двух или более возможных, не противоречащих нормам УПК приемов на основе оценки всех обстоятельств дела. Например, вопрос о том, предъявить ли на допросе обвиняемому доказательства и какие, в какой последовательности, каким образом, упоминать ли о них или умолчать, подлежит оценке с точки зрения целесообразности использования этих приемов в целях эффективности допроса. А такие нормы закона, как запрещение добиваться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер, не подлежат никакой оценке с точки зрения целесообразности их применения.

Особо следует подчеркнуть тесную взаимосвязь процессуальных норм и тактических приемов. Она проявляется не только в том, что тактические приемы направлены на осуществление правовых норм, на выполнение их требований, но и в том, что они никогда не могут противоречить друг другу: нарушение одного, как правило, влечет нарушение и другого. Так, процессуально не оформлен-

[1] Здесь и в дальнейшем при ссылках на статьи УПК имеются в виду статьи УПК РСФСР и соответствующие им статьи УПК других союзных республик, если не оговорено иное.

ный допрос не имеет доказательственного значения, как не имеет значения и признание обвиняемого, добытое путем угрозы, насилия или другими незаконными методами.

Приемы организации допроса направлены на правильный выбор места, времени допроса, вызова допрашиваемого, соблюдение требования закона о том, чтобы не допускать общения между собой допрашиваемых, на подготовку материалов к допросу, предъявляемых доказательств, на вызов лиц, с которыми нужно провести очную ставку, на собирание сведений о допрашиваемом и его отношении к другим участникам процесса.

Планирование допроса состоит в основном из двух главных элементов: а) из установления того, какие факты, интересующие следствие, могут быть предположительно известны допрашиваемому; б) из установления основной линии поведения следователя на допросе для выяснения известных допрашиваемому фактов, имеющих значение для расследования дела. Линия поведения следователя на допросе включает в себя и приемы по установлению психологического контакта с допрашиваемым, а также очередность вопросов и предъявления доказательств. При проведении допроса следователь должен продумать целесообразность дополнения и изменения плана допроса по ходу его исполнения.

Приемы допроса, вместе взятые, должны обеспечить наиболее эффективное выяснение, фиксацию, предварительную проверку и оценку всех фактических данных, имеющих значение для расследования дела, а также изобличение допрашиваемого, если он дает ложное показание.

Требование строго соблюдать нормы УПК при допросе отнюдь не превращает следователя в пассивного регистратора показаний свидетелей и обвиняемых и не лишает его возможности творчески вести следствие[1]. Ряд тактических приемов допроса, разработанных криминалистикой, направлены на освежение памяти допрашиваемого, оказание помощи в мобилизации его памяти, словом, на наиболее эффективное выяснение фактов, известных допрашиваемому.

---

[1] См. Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит, Тактика допроса на предварительном следствии, М., 1958, стр. 4.

Допрашиваемому могут быть известны факты из разных источников: он может знать о них из литературы, разговоров, может вспоминать их как единичные события, как свои переживания. Из двух специфических человеческих форм памяти — т. е. из знаний и воспоминаний — следователь при допросе должен особое внимание обратить на содержание воспоминаний[1]. В основе их лежат факты, лично воспринятые допрашиваемым; они и выясняются на допросе.

Выяснить факты на предварительном следствии недостаточно; их следует облечь в соответствующую процессуальную форму, должным образом закрепить в протоколах, чтобы они имели доказательственное значение. Составление протокола имеет не только процессуальную, но и тактическую сторону. Тактические приемы составления протокола допроса направлены на то, чтобы затруднить последующий отказ допрашиваемого от ранее данных правдивых показаний, на то, чтобы необходимый психологический контакт с допрашиваемым не был нарушен во время фиксации показаний и т. д.

Проверка и оценка показаний — необходимая часть допроса. В соответствии со ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года оценка доказательств производится не только судом, как это было определено ст. ст. 20 и 23 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 года, но и прокурором, следователем, а также лицом, производящим дознание, хотя окончательная проверка и оценка показаний имеют место только в суде.

Следователь оценивает достоверность, доказанность и значение фактов в ходе допроса прежде всего на основе имеющихся уже по делу доказательств и путем сопоставления отдельных частей самого показания. Достоверность показаний должна проверяться как во время допроса, так и после него.

Способами проверки являются прежде всего сопоставление содержащихся в показаниях фактов с фактами, установленными иными следственными действиями (до-

---

[1] По этому поводу А. С. Прангишвили пишет, что «психология свидетельских показаний, по существу,— это психология воспоминания» («К проблеме основ уверенности в воспоминании», «Труды Института психологии им. Д. Н. Узнадзе Академии наук Грузинской ССР», т. X, 1956, стр. 396).

просом других лиц, осмотром, экспериментом, экспертизой и пр.), и сопоставление фактов, содержащихся в показаниях этого же допрашиваемого.

В. И. Ленин учил, что критика действительности факта состоит в его сопоставлении с другим фактом, так «чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития...»[1].

Вопрос о достоверности сообщенных на допросе фактов окончательно решается на основе оценки в их совокупности, в их взаимосвязи.

Чтобы иметь материал для сопоставления, допрашиваемому часто задают так называемые контрольные вопросы. Они, по определению С. А. Голунского, «сами по себе непосредственного отношения к предмету расследования не имеют, но которые необходимы для проверки и оценки показаний допрашиваемого»[2].

Некоторые криминалисты считают, что контрольные вопросы свидетелю задаются в случае сомнения в достоверности показаний. Нам представляется, что они должны задаваться не в зависимости от сомнения в достоверности показания или от веры в нее, ибо проверять и оценивать нужно каждое доказательство, в том числе и каждое показание. Контрольные вопросы служат средством такой проверки, и решать вопрос об их необходимости следует в зависимости от того, нуждаемся ли мы в этом средстве или проверка и оценка вполне могут быть осуществлены без него, располагает ли следствие достаточным материалом, чтобы проверять сообщаемые факты.

Проверка и оценка показаний путем сопоставления сообщенных фактов с другими, достоверно установленными, — это наиболее надежный метод оценки и проверки. Но оценка и проверка могут осуществляться как по существу сообщенных фактов, так и по источнику. В последнем случае проверяется и оценивается добросовестность допрашиваемого и выясняются обстоятельства, при которых восприняты и сохранены в его памяти интересующие следствие факты. Это имеет большое практическое значение при изучении тех психических процессов, которые участвуют в формировании показаний допрашива-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр 149.

[2] С. А. Голунский, Допрос на предварительном следствии. М., 1942, стр. 2.

емых. Доброкачественность источника доказательства можно проверить и путем анализа тех фактов, которые этим источником доставляются, с точки зрения соответствия их действительному положению вещей. При оценке показаний свидетеля следует учитывать возможность не только ложных показаний, но и неосознанного заблуждения его вследствие дефектов восприятия и памяти.

Для проверки достоверности показаний следователь выполняет ряд следственных действий: вызывает и допрашивает новых свидетелей, производит очные ставки, обыски и т. д. Конечно, приемы проведения следственных действий, производимых с целью проверки показаний, не могут считаться приемами допроса. Приемами допроса являются только те из них, которые направлены на проверку и оценку показаний на основе уже имеющихся по делу доказательств или фактов, содержащихся в этом показании. Такую проверку и оценку мы кратко называем предварительной.

Задачей допроса может являться и разоблачение лжи допрашиваемого. Оно необходимо и с точки зрения исследования обоснованности защиты обвиняемого, если последний дает ложное показание, и с точки зрения разоблачения лжесвидетельства, если оно имело место со стороны свидетеля. Разоблачение лжи является в то же время самым эффективным методом получения правдивых показаний от недобросовестного допрашиваемого.

Таким образом, тактика допроса является частью следственной тактики и содержит систему приемов организации, планирования и проведения допроса.

При определении тактики допроса следователь должен учитывать особенности тех психических процессов, которые участвуют в формировании показаний (ощущение, восприятие, память и мышление), личные особенности (характер, темперамент, возраст, интересы, склонности) и процессуальное положение (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) допрашиваемого, состояние следствия (количество и качество уже добытых по делу доказательств) и уголовноправовые особенности (разные стороны данного состава преступления) расследуемого дела.

В настоящем исследовании автор рассматривает тактические особенности допроса, вытекающие из психических процессов формирования показаний. В советской

уголовно-процессуальной и криминалистической литературе уже давно признано, что «психология свидетельских показаний имеет громадное методическое значение в судебно-следственной практике в смысле создания у следователя и судьи умения критически подходить к свидетельским показаниям и путем их обстоятельного анализа выявить ошибки, искажения и пр. »[1]. Тот факт, что «вопросы психологии свидетелей, вопросы приспособления данных психологии к задачам расследования должны быть отнесены к компетенции криминалистики»[2], признал даже Шавер, считавший, что тактика допроса относится к уголовному процессу. Изучение психологических особенностей формирования показаний может способствовать не только правильной оценке показаний, но и правильному проведению допроса.

Как криминалистическая техника разрабатывает и приспособляет для расследования преступлений данные физики, химии, фотографии и ряда других, так и криминалистическая тактика должна разрабатывать ряд научных приемов расследования на основе науки психологии. Для обнаружения и исследования материальных следов преступлений и иных вещественных доказательств могут быть применены результаты естественных и технических наук, для обнаружения и исследования следов преступлений в сознании людей должны быть использованы достижения науки психологии. Изучая психическую жизнь человека, психические процессы (ощущения и восприятия, мышление и воображение, память, чувство, волю) и такие свойства личности, как интересы и склонности, способности, темперамент и характер, психология «вскрывает закономерности, знание которых необходимо каждому, кто призван воздействовать на людей, направлять их усилия, воспитывать их»[3].

Следственная тактика разрабатывает приемы допроса на основе обобщения следственной практики. Это — правильный метод ее исследования, но не единственный. Основной порок данного метода исследования заключается в том, что он создает возможность для широкого распространения уже имеющихся приемов, но не способст-

---

[1] М. С. Строгович, Научные методы расследования преступлений. «Вестник советской юстиции» 1930 г. № 4.

[2] Б. М. Шавер, Предмет и метод советской криминалистики, «Социалистическая законность» 1938 г. № 6.

[3] «Коммунист» 1956 г. № 4, стр. 87.

вует внедрению в практику новых приемов. Изучение и приспособление результатов экспериментальной психологии и даже проведение научных экспериментов должно входить в методический арсенал науки криминалистики.

В социалистических странах специальная систематическая экспериментальная работа по исследованию вопросов, связанных с психологией формирования показаний, еще не проводилась. Из единичных попыток в этой области самая значительная инициатива принадлежит румынским криминалистам.

Настоящая работа написана на основе анализа следственной практики, и, кроме того, в ней использованы лабораторные опыты советских психологов, выполненные не с целью их криминалистического использования. Совместная разработка и проведение экспериментов криминалистами и психологами в лабораторных условиях имели бы большое значение для дальнейшего развития следственной тактики. При проведении этих лабораторных экспериментов особенно следует подчеркнуть, что психологические эксперименты проводятся с людьми и не допускают никакой кустарщины, они должны проводиться совместными усилиями криминалистов и психологов.

Изучение вопросов психологии формирования показаний и тактические выводы допроса часто касаются здоровья, личной жизни допрашиваемого.

В работе даются рекомендации, как выяснить у допрашиваемого состояние его органов зрения, слуха, особенности памяти и даже эмоционального состояния во время восприятия интересующего следствие факта. Возникает вопрос, имеет ли следователь право задавать свидетелю такие и подобные вопросы.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ст. 74) установил: «Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними». Круг фактов, «подлежащих установлению по данному делу», должен быть установлен предусмотренными законом средствами, но в таком объеме, который обеспечивает всестороннее, полное и объективное исследование дела. Подлежат установлению не только те факты, которые имеют непосредственное значение в данном деле, но и те, которые позво-

ляют самому свидетелю лучше вспомнить происшедшее, а следователю и суду лучше оценить его показания. Поэтому понятие факта, подлежащего установлению по делу, шире понятия факта, имеющего непосредственное значение с точки зрения установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. В таком толковании понимают, видимо, это указание и те советские криминалисты, которые, в частности, для освежения памяти свидетеля рекомендуют ряд тактических приемов допроса, заключающихся в постановке вопросов, не имеющих значения для дела. С. А. Голунский предлагает, например, при забывчивости свидетеля, если промежуток между временем допроса и события, составляющего предмет показаний, небольшой, допрашивать его подробно обо всех тех событиях, которые имели место в тот день, хотя бы сами по себе эти события никакого значения для дела не имели[1]. В таком, более широком смысле определяет круг выясняемых на допросе свидетелей вопросов § 62 (1) УПК ВНР: «Должно быть допрошено в качестве свидетеля лицо, которое имеет сведения, нужные для решения дела».

Формирование показаний как совокупность сложных психологических процессов протекает при активном участии личности. Вот почему, чтобы выяснить это, необходимо задавать не только вопросы, касающиеся их самих, но и вопросы, относящиеся к личности допрашиваемого. Все работы по криминалистической тактике подчеркивают большое значение индивидуального подхода к допрашиваемому, важность учета психологических особенностей его личности.

Советская психология имеет большие успехи в области изучения личности, исследования типов высшей нервной деятельности человека, установок, интересов, склонностей, характера человека. В то же время в литературе по следственной тактике эти успехи психологии пока еще не находят отражения и преломления. Дальнейшее глубокое изучение психологических процессов формирования показаний и личных особенностей допрашиваемых совместными усилиями психологов и криминалистов во многом способствовало бы успешной научной разработке методики проведения допроса.

---

[1] См. С. А. Голунский, цит. работа, стр. 49.

ГЛАВА I

Использование данных о закономерностях ощущений в процессе допроса

I

На допросе допрашиваемые излагают, как они ощущали, восприняли свойства предметов и факты, связанные с уголовным делом.

Проблема ощущений изучается теорией познания для решения вопроса о познаваемости мира.

Буржуазные криминалисты, опираясь на различные идеалистические философские учения, отрицают вообще познаваемость мира. При этом одни из них отрицают, что наши ощущения являются образами внешнего мира[1], другие признают объективность и правильность наших ощущений, но считают, что они искажаются, проходя через наше сознание[2].

Диалектико-материалистическое понимание ощущений исходит из того, что ощущение есть результат воздействия внешнего мира на органы чувств, что «существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи...»[3]. Это, конечно, не означает, что ощущения обусловлены только воздействием внешнего мира и совершенно не зависят от устройства и состояния органов чувств. Ощущение, отражая объективную действительность, является результатом воздействия материи на наши органы чувств, поэтому оно объективно по содержанию. Но

---

[1] См. А. У. Фрезе, Очерк судебной психологии, Казань, 1871, стр. 26.
[2] H. Gross, Kriminalpsychologie, Leipzig, 1905, S. 230.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 43.

имеется и частичное несоответствие между нашими ощущениями и качествами предметов: «Изображение никогда не может всецело сравняться с моделью...»[1].

Результаты изучения природы таких несоответствий могут быть полезны для криминалиста при оценке достоверности показаний, однако при этом нельзя забывать, что нет никаких оснований не доверять показаниям органов чувств, что «человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему *объективно-правильного* представления о ней»[2].

Посредством органов чувств мы отображаем и познаем внешний мир. Ощущения служат непосредственной связью организма со средой, они есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания[3]. Наши ощущения являются субъективными образами объективной реальности, отражением свойств объективно существующих предметов материального мира.

Многие буржуазные криминалисты частичное несоответствие образа, полученного в ощущении, действительности, возвели в принцип, считая, что органам чувств нельзя доверять, что они постоянно обманывают нас и не могут дать правильный образ окружающих предметов и явлений. Критерием истинности познания буржуазные криминалисты считают данные человеческой психологии и не признают основной критерий — практику.

Человек в состоянии узнать об этих частичных несоответствиях субъективного образа и объективного предмета, может установить причины такого несоответствия, вооружать свои органы чувств различными приборами, постоянно усовершенствовать и контролировать их в ходе своей повседневной практической деятельности. Практика является и основным процессом познания, и критерием истинности познания, начинающегося с ощущения.

В. И. Ленин учил, что нет оснований не доверять нашим органам чувств, их показания повседневно корректируются практикой.

Многие свидетели и нередко обвиняемые дают правильные показания на основе своих объективно правильных представлений о предметах и событиях. В их ощу-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 223.
[2] Там же, стр. 166.
[3] См. там же, стр. 39.

щениях в основном правильно отражаются свойства предметов материального мира. Обычно они правильно воспринимают интересующие нас предметы и факты, удерживают их в памяти и точно излагают на предварительном следствии и в суде. Однако на практике приходится сталкиваться и с ошибочными или ложными показаниями. Изучив те психологические факторы, которые могут привести к ошибочности или ложности показания, можно, с одной стороны, разработать правильную тактику ведения допроса, обеспечивающую предупреждение таких показаний, и получения правдивых, достоверных и полных показаний, а с другой — найти правильный подход к оценке результатов допроса.

Изучение психологических процессов формирования показаний рекомендуется начинать с простейшего психологического процесса отражения отдельных качеств предметов или явления внешнего мира, а именно с ощущения.

Ощущением называется простейший психологический процесс отражения в сознании человека отдельных свойств внешних предметов и явлений, а также внутренних состояний организма, непосредственно воздействующих на органы чувств.

Физиологически ощущения являются процессами возбуждения раздражителями органов чувств специальных нервных аппаратов, называемых анализаторами.

Анализатор — это сложнейший нервный механизм, состоящий из периферического прибора — рецептора, проводящих путей и мозговых концов. Внешние раздражители, воздействуя на периферические окончания анализаторов, вызывают нервное возбуждение, т. е. энергия раздражения в рецепторах трансформируется в нервный импульс. Нервное возбуждение передается по проводящим отделам, так называемым центростремительным (эфферентным) путям, в центральные отделы анализаторов, находящихся в коре больших полушарий головного мозга. Однако кора головного мозга не только воспринимает идущие к ней от рецепторов импульсы, но и играет руководящую роль в процессе формирования ощущений, оказывает регулирующее воздействие на периферические окончания рецепторов.

Нельзя представить себе, что бывают ощущения изолированные, имеющиеся только в пределах одного како-

го-либо анализатора. Учение И. П. Павлова о коре как о комплексе анализаторов и о взаимосвязи участков коры головного мозга, с одной стороны, и всего организма в целом — с другой, показывает, что в формировании ощущения участвует весь организм, все его процессы.

Не всякий воздействующий на рецепторы раздражитель в состоянии вызвать ощущение. Слишком большие или слишком маленькие, слишком сильные или слишком слабые раздражители не вызывают ощущения. Так, колебания, частоты которых ниже 20 в сек. или выше 20 000 в сек., не вызывают слуховых ощущений.

Минимальная величина раздражителя, способная еще вызвать ощущение, называется нижним порогом ощущения. Максимальная величина раздражителя, сверх которой этот раздражитель перестает ощущаться, называется верхним порогом ощущения.

Если два однородных раздражителя действуют на анализатор и различие их по силе или величине очень невелико, то вызываемые ими ощущения оказываются одинаковыми. Например, мы не можем отличить две поверхности, различные по цвету, если это различие очень небольшое. Минимальная разница в интенсивности двух однородных раздражителей, которая еще достаточна для того, чтобы возникающие ощущения оказались отличными друг от друга, называется разностным порогом ощущения. Чем больше исходное раздражение, тем больше его надо усилить, чтобы возникающие ощущения отличались друг от друга. Если к 10 г прибавить еще 10 г, различие будет ощутимо, а два груза весом 700 и 710 г на вес кажутся одинаковыми. Зависимость силы ощущения различия от разницы сил раздражителей имеет закономерный характер. Необходимое увеличение исходного раздражителя для возникновения еле заметного ощущения различия интенсивности раздражения всегда составляет определенную часть величины или силы данного исходного раздражителя. Имеют значение также и показания об отдаленности предметов от наблюдателя. Разница в отдаленности, впервые замечаемая двумя глазами, следующая[1]:

---

[1] См. С. В. Кравков, Глаз и его работа, М., 1950, стр. 406.

Удаленность отправной точки сравнения (в м)	Минимальная замечаемая разница в удаленности
2 000	862 м
1 000	276 „
500	79 „
200	14 „
100	3,4 „
50	1 „
20	15 см
10	4 „
5	13 мм
2	1,5 „
1	0,4 „
0,50	0,1 „
0,20	0,017 „

Знание закономерностей изменений порогов ощущений имеет большое значение для следователя.

В практике встречаются показания, содержание которых противоречит нашим знаниям о порогах ощущения. Например, если потерпевшая заявляет об ограблении или изнасиловании ее неизвестным человеком, ночью, в лесу, и при этом дает точный словесный портрет преступника, то ясно, что она не могла видеть такие детали, как цвет глаз, одежды, ибо нижний порог ощущения цветного зрения выше, чем интенсивность света при данных условиях. В подобных случаях нужно проверить, почему ошибается или искажает правду потерпевшая и в чем состоит ошибка или искажение.

Когда же в показаниях содержатся данные, невероятные с точки зрения наших знаний о порогах ощущения, целесообразно произвести следственный эксперимент, чтобы установить возможность восприятия того или иного явления.

При возникновении подозрения в симуляции повышенности нижнего или разностного или пониженности верхнего порога ощущения, например при подозрении в симуляции тугоухости, следует назначить судебномедицинскую экспертизу.

Пороги ощущения не являются раз и навсегда установленными: человек может изменить их соответствующей тренировкой. Пороги ощущения изменяются также в ходе трудовой и иной деятельности. Индивидуальные особенности порогов ощущений отчасти прирожденные,

а частично зависят от опыта, деятельности, тренировки. Особенно поддается уменьшению в ходе трудовой деятельности порог различения. Например, текстильщики, специализировавшиеся на выработке черных тканей, различают до 40 оттенков черного цвета. Поразительного развития достигает цветоразличение у сталеваров[1]. Дегустаторы, работающие в области пищевой, табачной и парфюмерной промышленности, вырабатывают у себя чрезвычайно высокую чувствительность к различению вкусов и запахов. Низкий порог различения звуков по громкости имеют музыканты, инженеры, имеющие дело с моторами, логопеды и другие лица, которым по роду профессии приходится иметь дело с различиями звуков по громкости[2].

Сведения о чувствительности наших анализаторов под влиянием упражнений дают возможность сделать некоторые выводы и относительно тактики допроса.

Если путем допроса требуется выяснить факты, для восприятия которых нужно иметь низкий нижний или разностный порог, то среди свидетелей, по возможности, нужно выявить человека, натренированного в данной области ощущения.

По делу о хищении готовой продукции на кожевенной фабрике старый мастер цеха после предъявления ему образцов кожи, изъятых у подозреваемого, показал на допросе, что товар был произведен на фабрике в разное время. Это он установил по блеску и цвету кожи и рассказал, что месяц тому назад ввели новый краситель и технологию, но это не повлияло на качество товара. Различить на глаз товар следователь не мог и даже усомнился в правдивости показаний свидетеля. Однако произведенная товароведческая экспертиза полностью подтвердила правильность свидетельских показаний, что явилось ценным доказательством по делу.

Из изложенного вытекает и тактический вывод о том, что если на допросе возникает вопрос о видимости, слышимости и других явлениях, связанных с порогами ощущения, то всегда нужно интересоваться трудовыми или иными навыками допрашиваемого.

---

[1] См. Л. И. Селецкая, Упражнения и перенос упражнения в функции различения яркостей, «Бюллетень ВИЭМ» 1936 г. № 6.

[2] См. В. И. Кауфман, Различение громкости звука, «Труды Государственного института мозга им. В. М. Бехтерева», т. 15, 1947.

При оценке правдивости показаний нужно учитывать также упражняемость органов чувств. Это особенно важно тогда, когда невозможно провести следственный эксперимент или нельзя проверить правдивость показания иным путем. В случае расхождения показаний свидетелей при прочих равных условиях предпочтение отдают показанию того из них, у кого профессиональные и иные навыки способствуют восприятию данного явления и свидетель не вызывает подозрений в лжесвидетельстве.

Пороги ощущения зависят и от общего состояния организма. При насморке, например, набухает слизистая оболочка в полости носа, что сильно повышает нижний порог ощущения запахов. У беременных женщин, как правило, понижается чувствительность к запахам, хотя к отдельным запахам она может быть и повышена. Большие сдвиги в сторону понижения претерпевает верхний порог частоты слышимости звука в преклонном возрасте. У стариков этот порог может снижаться с 20 000 колебаний в сек. (20 000 герц) на 50% и даже ниже.

Величина порога ощущений в большей мере зависит от адаптации (приспособления) органа ощущения к условиям ощущения. Чувствительность органов чувств меняется в зависимости от действующих на них раздражителей. Под действием слабых раздражителей она, как правило, повышается, а под действием сильных — снижается. Это особенно явно выступает при ощущении запахов: сначала мы ощущаем их очень резко, а потом наше ощущение быстро ослабевает и даже прекращает существовать, хотя сам запах объективно остается постоянным и даже может стать более сильным. Сидя в накуренном помещении, мы не слышим запаха табачного дыма, но стоит выйти из комнаты и вновь войти, чтобы почувствовать его. Это может вызвать и необоснованное подозрение. При еле заметной утечке газа находящийся в помещении человек может не почувствовать его даже тогда, когда нашло уже много газа. Если же человек удалился хотя бы на минутку, то по возвращении ему может показаться, что кран открыли в его отсутствие. Всем известна способность глаза приспосабливаться к темноте или к интенсивному освещению. Орган ощущения приспосабливается в течение определенного времени. Данное обстоятельство необходимо учитывать. Это мо-

жет предупредить некоторые ошибки в работе следователя и суда. Так, темноадаптированный глаз за время винтовочного или пистолетного выстрела не может адаптироваться к свету, вызванному данным выстрелом. Если на допросах возникает вопрос, связанный с явлением адаптации, то следует тщательно выяснить все обстоятельства, влияющие на приспособление органов чувств. Например, если шофер, допрошенный по делу об автомобильной аварии, происходившей ночью, ссылается на то, что он был ослеплен фарами встречного транспорта, чрезвычайно важно выяснить, имел ли место такой факт и за какое время до происшествия. Если шофер вышел из сильноосвещенного помещения на слабоосвещенную улицу и сразу же сел в машину, необходимо выяснить, сколько времени ему потребовалось, чтобы завести мотор и поехать, ждал ли он, пока его глаза привыкли к темноте, и сколько, или поехал немедленно.

Чувствительность органов ощущений зависит и от их взаимодействия. Слабые раздражители, воздействующие на одни органы чувств, как правило, увеличивают чувствительность к другим, одновременно действующим на другие анализаторы, раздражителям. Сильные раздражители в основном уменьшают чувствительность и к другим «побочным» раздражителям. Но взаимодействие органов чувств бывает и более сложным. Установлено, например, что зеленый свет повышает, а красный понижает слуховую чувствительность[1], раздражение органа слуха усиливает ощущение белого при дневном зрении и ослабляет при сумеречном[2]. Под действием очень сильного шума авиационного мотора световая чувствительность сумеречного зрения падала до 20% своего уровня, имевшегося в условиях тишины, до начала слухового раздражителя[3].

Все эти экспериментальные данные говорят о важности исключительной детализации допроса при показаниях о виденных, слышанных или другими анализатора-

---

[1] См. Л. А. Шварц, Влияние светового освещения на чувствительность слуха при различных состояниях человека, «Проблемы физиологии» 1949 г. № 7.

[2] См. С. В. Кравков, Очерк общей психофизиологии органов чувств, М.—Л., 1946, стр. 57.

[3] См. С. В. Кравков, Взаимодействие органов чувств, М.—Л., 1948, стр. 17.

ми ощущаемых свойствах и качествах предметов и явлений. Особенно большое значение следует придавать на допросе выяснению действия побочных раздражителей, если может возникнуть необходимость в проведении следственного эксперимента. При организации его большое внимание необходимо уделять и этим обстоятельствам.

Неправильно поступает следователь, когда при организации эксперимента с целью проверки видимости не обращает внимания на одновременно действующие слуховые раздражители или, наоборот, при проверке слышимости — на условия освещенности. По делу о производственной аварии на текстильной фабрике неправильно было бы проводить, например, эксперимент в нерабочий день, если это необходимо для того, чтобы установить видимость определенных предметов в рабочее время.

Значительное влияние на работу органов чувств оказывают и различные наркотики. Так, кофеин, как правило, хорошо влияет на работу органов чувств. Доза 0,1 увеличивает максимальную чувствительность адаптированного к темноте глаза приблизительно на $^1/_3$. Действие кофеина на глаза начинается через $^1/_2$ часа и продолжается $1^1/_2$ часа. Обратное действие оказывает употребление спиртных напитков. Даже небольшое количество спирта (100 г водки), повышающее сначала чувствительность, затем значительно снижает ее[1]. Вот почему приносит большой вред употребление водителями автомобилей даже минимального количества спиртных напитков, особенно ночью. Мизерное количество, не имеющее никакого видимого влияния на сознание, отрицательно влияет на работу анализаторов, снижает их чувствительность и способность адаптироваться. После употребления 200—300 г сухого вина количество алкоголя в литре крови достигает примерно 300 мг, и это уже достаточно для того, чтобы нижние пороги ощущения заметно повысились: человек в таком состоянии чувствует повышенную работоспособность и повышенную деятельность всех органов. Однако экспериментальные данные свидетельствуют о том, что даже при таком невысоком уровне наличия алкоголя в крови притупляются обоняние и осяза-

---

[1] См. П. А. Шеварев, Психология, М., 1946, стр. 60—61.

ние; чувство холода, тепла, давление кажутся меньше, чем они есть на самом деле; больше времени требуется для восприятия. Человек под влиянием алкоголя медленнее чувствует запах, чем обычно, сравнительно сильные запахи и звуки кажутся ему слабыми. Снижается и острота зрения, ухудшается глазомер, а также восприятие пространственных отношений и времени. После того как содержание алкоголя в литре крови превысит 1 г, влияние его повышается не только в данный момент, но и в течение определенного времени, а это очень важно именно с точки зрения оценки показаний. Через 24—36 час. все еще чувствуется вредное влияние такого количества спиртного напитка. Это проявляется не только в головной боли, но и в снижении нижних порогов ощущений, особенно в увеличении разностных порогов[1].

Все указанные моменты следует учитывать при допросах. Следователь должен всегда выяснять и уточнять, когда и сколько спиртных напитков употреблял допрашиваемый, и не только непосредственно перед восприятием интересующего нас факта, но и за день до этого.

Снижают чувствительность темноадаптированного глаза также недоедание, недосыпание, утомительная физическая работа, переполнение желудка. Всеми этими вопросами следователю необходимо интересоваться при расследовании дел, связанных с авариями на транспорте или на производстве.

Ощущение, как и любой психический процесс, связано также со всеми другими психическими процессами. Чувствительность сумеречного зрения понижается от неприятных вкусовых и других ощущений, вызывающих эмоции отрицательного характера. Приятные звуковые раздражители (созвучия) повышают цветовую чувствительность темноадаптированного глаза к красно-желтым частям спектра.

С нашей точки зрения, еще важнее связь ощущения с мышлением. Для выяснения вопроса о единстве ощущения и мышления В. А. Артемов производил специальные опыты[2]. На разных рисунках он помещал совершенно одинаковые по светлоте два белых кружочка — один на

---

[1] Faragó István Alhohol, koffein, kábitószerek, Budapest, 1959, 34—35 old.

[2] См. В. А. Артемов, Курс лекций по психологии, Харьков, 1953, стр. 86—89.

белой, другой на черной поверхности. При таких условиях белый кружочек на черном фоне кажется более белым, чем такой же белый кружочек на белом фоне (рис. 1). Это явление называется светлотным контрастом. На других рисунках белые кружочки воспринимаются как две лампы одного и того же фонаря (рис. 2),

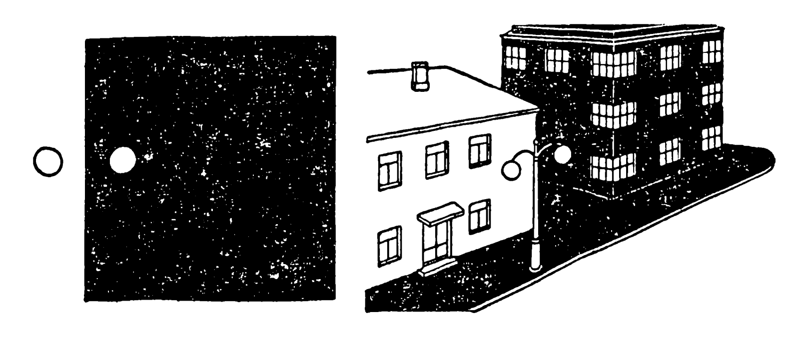

Рис. 1. Рис. 2

из которых один находится на белом, другой — на черном фоне. Опыт показал, что светлотный контраст тем слабее, чем сильнее выражены, чем более значимы объекты восприятия.

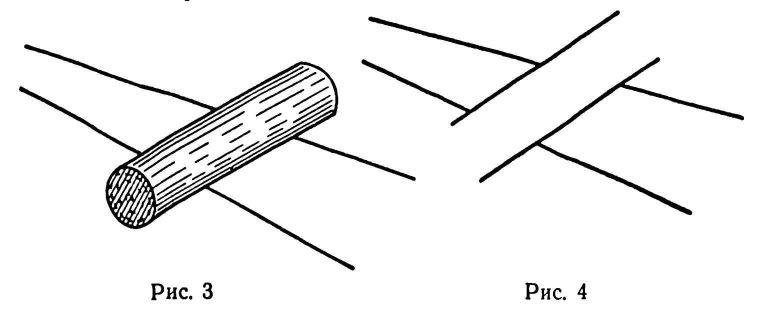
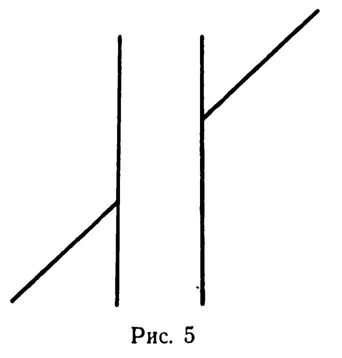

Рис. 3 Рис. 4

А. Л. Ярбус[1] на примере иллюзии смещения отрезков прямой показал также, что чем более реальны изображения предметов на рисунках, тем меньше иллюзии (рис. 3, 4, 5).

[1] См. А. Л. Ярбус, Адэкватность восприятия на материале исследования оптических иллюзий, М., 1950, рукопись, стр. 125.

Все это говорит о том, что «ощущения во взаимодействии с мышлением более правильно отражают объективные свойства вещей материального мира»[1]. Ярбус считает, что существование оптических иллюзий есть результат развития человека и объясняется человеческой практикой. Возникающие иногда при ощущениях иллюзии «не дают основания для выражения недоверия нашим органам чувств, ибо иллюзии в своей основе носят приспособительный характер и легко корректируются практикой»[2]. Это очень важно, ибо буржуазные криминалисты чаще всего именно явлениями иллюзии пытаются обосновать недоверие к органам чувств человека и к показаниям допрашиваемых. Следует подчеркнуть, что свидетели на допросах дают показания не о линиях и кружочках, а о реальных предметах мира, реже вводящих в заблуждение наши органы чувств, чем линии и кружочки.

Рис. 5

Понимание роли мышления в ощущениях имеет значение не только в отношении критики агностических взглядов буржуазных криминалистов. Сенсибилизация органов чувств знанием предмета ощущения наблюдается и в повседневной жизни. Представление об ожидаемом болевом ощущении заметно повышает болевую чувствительность, особенно у людей малодушных и тяжело переносящих болевые ощущения[3]. Все эти моменты имеют значение при оценке некоторых показаний о воспринятых при неблагоприятных условиях, явлениях. В таких случаях всегда следует спросить у допрашиваемого, не был ли он раньше знаком с этим явлением.

---

[1] В. А. Артемов, цит. работа.

[2] В. М. Ковалчин, Проблема ощущений и рефлекторная теория, Минск, 1959, стр. 231.

[3] См. З. М. Беркенблит, К вопросу о влиянии представлений на изменение болевой чувствительности, «Труды Государственного института по изучению мозга им. В. М. Бехтерева», т. XII, под ред. В. П. Осипова, стр. 49—50.

Различные виды ощущений возникают в результате воздействия разных видов раздражителей на отдельные органы чувств. Ощущения отражают свойства предметов и явления внешнего мира. К ним относятся: зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые и кожные ощущения. Наряду с этими ощущениями человек испытывает также ощущения, отражающие различные изменения в состоянии и положении собственного тела, в том числе органов движения и внутренних органов. К ним относятся: мышечно-двигательные, болевые ощущения, органические и ощущения равновесия. Из них мы рассмотрим только два первых.

Зрительные ощущения имеют чрезвычайно большое значение в формировании показаний. Почти во всех допросах свидетелей речь идет о виденных ими явлениях[1] или предметах.

Способность глаза приспособляться к темноте или яркому свету носит индивидуальный характер, но тем не менее для допрашивающего большое значение имеет и знание общих закономерностей. Приспосабливаемость глаза к темноте, как правило, в показаниях значительно переоценивается. Особенно осторожно следует подходить к оценке показаний о фактах, виденных при свете луны.

Выходя из освещенного помещения в темноту, в зависимости от разницы в освещении, мы или ничего не видим, или видим слабые контуры некоторых больших или контрастных предметов. Со временем эти контуры становятся все определеннее, предметы как бы «отдаляются» друг от друга и начинают уже вырисовываться детали. Этот процесс, называемый адаптацией в темноте, происходит постепенно. Чувствительность глаза возрастает в первые 20—30 мин. с заметной быстротой, потом все медленнее и примерно через 1 час практически заканчивается. Быстрота адаптации зависит от освещенности помещения, в котором находился человек до выхода в темноту. Если освещенность была умеренной[2], то адаптация практически заканчивается через 20 мин., а если большой, то примерно только через час.

---

[1] Многие немецкие и венгерские процессуалисты выделяют очевидцев в особую группу свидетелей.

[2] Примерно 10 люксов.

По-иному происходит световая адаптация глаза. Выходя из темного помещения на свет, глаз «привыкает» к свету, т. е. его чувствительность понижается очень быстро. Вначале мы чувствуем себя «ослепленными», но вскоре перед нами появляется ясная и детализированная картина действительности, и незаконченность процесса адаптации к свету проявляется только в чувстве боли или неприятности ощущения сильного света. Адаптация к свету проходит быстро и практически заканчивается в первые 3—5 мин.

Относительно медленный процесс адаптации к темноте может дать основу для суждения о времени, проведенном в темноте. Оно может быть определено с приблизительной точностью с помощью следственного эксперимента. Поэтому на допросах в случае необходимости нужно выяснить точно условия освещенности до попадания в темноту.

Это может иметь значение тогда, когда нужно установить, сколько времени находился спрятавшийся преступник в темноте, мог ли он видеть в темноте или мог ориентироваться только на ощупь. Не менее важно знать и использовать данные об условиях адаптации к темноте при проведении допросов свидетелей. Для этого на допросе следует точнее выяснить условия освещенности места не только во время восприятия данного факта, но и где предварительно находился допрашиваемый, а также сколько времени был свидетель в темноте до восприятия факта.

Иногда свидетели на допросе уклоняются от ответов на некоторые вопросы, ссылаясь на свою ослепленность сильным светом в интересующий следствие или суд момент. Нередко подозреваемые или обвиняемые, особенно по делам об автотранспортных происшествиях и авариях на производстве, ссылаются на невозможность предупредить происшествие из-за ослепленности сильным светом. Во всех таких случаях при оценке показаний допрашиваемого нужно принимать во внимание быстротечность световой адаптации. При оценке показания водителя, допустившего аварию и ссылающегося на ослепленность фарами встречного транспорта, нужно учитывать, что под влиянием такого блесткового источника света ухудшаются не только зрительные восприятия, но и нарушаются двигательные реакции, увеличивается

продолжительность и количество пауз при осуществлении отдельных операций[1].

Если в поле зрения находятся предметы, в освещенности которых имеется большая разница, то глаза приспосабливаются к более освещенному предмету. Хорошо видны предметы и в слабо освещенной комнате, если наблюдать через окно ночью с неосвещенной улицы, и, наоборот, не видны в яркий день, хотя в это время освещенность комнаты будет выше. Днем легкая занавеска и даже прозрачное оконное стекло могут отражать столько света, что через них можно увидеть предметы, находящиеся в комнате, только непосредственно прислонясь к окну и заслонив доступ бокового света к глазам. Лжесвидетели часто упускают из виду эти обстоятельства. Они думают иногда, что оконное стекло вполне прозрачно и не мешает наблюдать через него происходившие в помещении события, или, несколько раз наблюдая вечером за событиями через окно или через занавеску, на допросе рассказывают о якобы замеченных ими днем событиях, упуская из виду изменившиеся условия видимости. Правдивость таких показаний легко можно проверить правильно организованным следственным экспериментом.

В следственной практике в связи с показаниями о зрительно воспринятых фактах сравнительно часто возникает вопрос о возможности видения определенных предметов на том или ином расстоянии, т. е. вопрос о пространственных порогах зрения. Когда находящийся от нас очень далеко предмет приближается к нам, то вначале мы видим издалека «нечто», т. е. темную точку или пятнышко, но по мере приближения предмет выделяется больше, мы видим промежутки между предметами, а потом уже и форму предмета. В соответствии с этим различают пространственный порог простого нерасчлененного видения, пространственный порог раздельного видения и пространственный порог узнавания формы[2].

В условиях обычного дневного освещения под откры-

---

[1] См. О. Л. Канавец-Яковлева, Влияние яркости фона и угла действия блесткового источника на сложные двигательные реакции человека, «Биофизика», т. 1, вып. 3, 1956.

[2] См. Б. М. Теплов, Пространственные пороги зрения, «Зрительные ощущения и восприятия», М.—Л., 1935.

тым небом острота зрения достигает максимума и в тени, и на солнце и одинакова и там, и здесь.

Ссылка допрашиваемого на то, что он при таких условиях какое-то явление не мог наблюдать потому, что находился в тени и там было мало света, неправдоподобна. Снижение остроты зрения в тени на деле имеет место только при пасмурной погоде или с наступлением сумерек.

Пространственные пороги зрения во многом зависят от различия в светлоте объекта и фона: они возрастают с уменьшением различия и наоборот. Например, пространственный порог раздельного видения при сочетании белого и черного равен 28″, а при двух близких серых достигает 44″[1].

Особенно хорошо выделяются дополнительные цвета. Так, зеленый предмет на красном фоне будет казаться зеленее, чем на сером.

На допросах часто возникает вопрос о цвете воспринятых допрашиваемым предметов. При расхождении ответов разных свидетелей или обвиняемых или при противоречии данных, добытых из других источников, нужно вспомнить, что около 8% мужчин (а некоторые авторы утверждают, что около 20%) страдают дефектами цветоощущения. Из них самым частым является так называемая красно-зеленая слепота. Страдающие этой болезнью не отличают некоторые красные цвета от некоторых зеленых, т. е. не различают два основных цветовых сигнала безопасности уличного движения. Многие люди имеют ослабленное цветоощущение. Они умеют различать цвета только при сравнительно сильном освещении. Отметим, что есть немало людей, даже можно сказать преобладающее большинство, из страдающих ненормальностью цветоощущения, которые не знают об этом дефекте своего зрения. Поэтому отрицательный ответ допрашиваемого не должен успокаивать следователя, а в случае, когда по делу установление нормальности цветоощущения данного лица имеет значение, нужно направить его на медицинскую экспертизу[2].

---

[1] См. Б. М. Теплов, Пространственные пороги зрения, «Зрительные ощущения и восприятия», М.—Л., 1935, стр. 219.

[2] Дефекты цветоощущения устанавливаются очень просто при помощи цветных таблиц, состоящих из разноцветных кружочков. Цветные кружочки составляют цифры, из которых некоторые не

В других случаях, когда необходимо установить, есть ли какие-то дефекты зрения у лица, следует обратиться также к медицинскому эксперту. Допрашиваемые иногда ссылаются на свою близорукость или дальнозоркость и при этом заявляют, что интересующий следствие предмет или его особенности не видели потому, что были без очков. Если следователь желает иметь примерное представление о зрении без очков близорукого или дальнозоркого, что иногда очень полезно, то можно одеть очки противоположной диоптрии, чем носит свидетель или обвиняемый. Например, если обвиняемый страдает близорукостью и нуждается в очках 3 диоптрии, то человек с нормальным зрением, одевая очки для дальнозорких такой же диоптрии, может иметь представление о зрении данного близорукого субъекта. Конечно, такая примерка очков самим следователем не имеет никакого доказательственного значения, но ему полезно иметь примерное представление о зрении допрашиваемого, так как это позволит по-другому оценить в ходе допроса отдельные заявления допрашиваемого и на основе этого иначе построить и допрос.

Когда имеется подозрение, что обвиняемый симулирует близорукость или дальнозоркость, то следует назначить экспертизу и в присутствии судебномедицинского эксперта одеть обвиняемому очки, соответствующие его показаниям о дефекте зрения. Если допрашиваемый показывает правду, то очки корригируют дефект зрения, а значит простая проба чтения даст положительные результаты, а если показания неправдивы, то проба чтения даст отрицательный результат.

В деле, по которому обвиняемый признался в убийстве по неосторожности, он утверждал, что, починив свое охотничье ружье, решил его попробовать и выстрелил без очков, не увидев при этом стоящую неподалеку свою жену. Как только на него одели очки 9 диоптрии, соответствующие его показаниям, у него началось головокружение, он не мог прочитать предложенную ему

могут быть прочтены человеком, имеющим дефект цветоощущения. Для проведения этого испытания не нужно иметь никаких особых знаний или навыков. Следователи, часто проводящие расследование по делам об автотранспортных происшествиях, могли бы иметь такие таблицы для предварительной проверки цветного зрения допрашиваемого перед направлением его на экспертизу.

статью и вскоре признался в ложности прежних показаний. Эксперт установил, что обвиняемый страдает близорукостью, но ему нужны очки только 1,5 диоптрии и такая степень близорукости не могла препятствовать тому, чтобы в данных условиях освещения и при таком расстоянии можно было заметить человеческую фигуру.

Иногда обвиняемые симулируют близорукость или дальнозоркость на допросах и отказываются подписывать протокол допроса. В подобных случаях правильным методом опровержения таких показаний является также примерка обвиняемому требуемых очков и наряду с ними очков с вставленными простыми стеклами. Подобную тактику выбрал, например, следователь в отношении некоего И., заявившего на допросе, что обо всем он напишет сам, если ему дадут очки. Следователь взял в аптеке 11 пар различных очков, причем в одни из них, по его просьбе, были вставлены простые стекла. И., примерив все очки, в присутствии врача-окулиста заявил, что ему подходят только одни, это были очки с простыми стеклами. Тогда ему предложили написать свои показания, но И. потребовал, чтобы очки дали в камеру, где он все подробно напишет. После этого И. разъяснили, что выбранные им очки имеют простые стекла. Об этом был составлен протокол с участием эксперта — врача-окулиста. После этого И. отказался от симуляции. Интересно отметить, что И. раньше требовал, чтобы ему выдали очки, и продолжал предъявлять такие требования и после того, когда судебномедицинской экспертизой было установлено, что в очках он не нуждается и может читать и писать без очков. Однако в бесполезности симуляции его убедило лишь правильное тактическое мероприятие, «наглядно» показавшее ее бессмысленность[1].

II

Вопросы о слуховых ощущениях также часто задают на допросах. Хотя человек может более подробно и точно рассказать о событии, которое он видел, чем о слышанном им явлении, и все же нет основания считать виденное «надежнее и ценнее, чем слышанное», как это считает Ганс Гросс[2]. Человек, видевший, как грабители

[1] См. «Следственная практика», вып. 37, стр. 37—38.
[2] H. Gross, Kriminalpsychologie, Leipzig, 1905, s. 241.

сели в машину и уехали с места преступления, возможно, расскажет о типе машины, направлении движения и т. д., и его показания будут полнее, чем если бы он только слышал, как захлопнули дверь машины, как завели мотор и как они уехали. Трудно сказать, что показание о свете дульного огня пистолета ценнее, чем показание о звуке выстрела.

Слуховые ощущения являются отражениями звуков, различных по частоте амплитуд и форме колебаний.

Частота колебаний определяется их количеством на единицу времени. Частота колебаний ощущается слуховыми анализаторами в качестве высоты звука. Слуховой анализатор человека может воспринимать в среднем звуки с частотой от 15—19 колебаний в секунду до 20 000 (от 15—19 герц до 20 000 герц). Наибольшей чувствительностью ухо обладает в области от 1000 до 4000 герц.

Выше и ниже этих частот чувствительность уха значительно понижена. Как правило, человеческая речь попадает в область повышенной чувствительности (от 500 до 3000 герц).

Чувствительность к высоким тонам с возрастом падает. У тугоухих отмечаются иногда определенная полоса высоты, слуховые пробелы или люки, в которых звуки не воспринимаются, но у них также чаще всего встречаются случаи пониженной чувствительности именно к высоким тонам.

Может случиться так, что на допросе тугоухие расскажут обо всем, за исключением отдельных высоких звуков, криков, звонков. Такое показание по неполноте может вызвать подозрение в неискренности. Грессбергер указывает, что подозрение часто усиливается еще тем, что тугоухий, плохо слышавший человеческую речь, повышенно реагирует на нее, если говорят о нем. Это вызвано недоверчивостью и повышенной наблюдательностью у людей, страдающих дефектами слуха.

Звуковые волны по своим амплитудам (силе колебания) могут быть менее или более интенсивными: в процессе слуховых ощущений имеются своеобразные взаимоотношения между объективной интенсивностью звука и его субъективным ощущением, называемым громкостью.

Высокие звуки при одной и той же интенсивности со звуками низкими ощущаются как более громкие и нао-

борот. Вот почему, войдя в помещение, где разговаривают мужчины и женщины, обычно кажется, что говорит больше женщин, чем мужчин, хотя женщин в помещении может быть и не больше, чем мужчин, и говорят они не больше и не громче, чем мужчины. Это следует учитывать при оценке суждений свидетеля о количестве мужчин и женщин на основе своих слуховых ощущений. Но здесь нужно указать еще на одну закономерность. Мы наблюдаем явление заглушения одного тона другим, которое носит название маскировки звука. Особенно большое маскирующее действие имеют низкие тона, для нижележащих тонов маскировка очень мала, а вышележащие тона подвергаются очень сильному маскирующему воздействию[1]. Если в помещении разговаривают много мужчин и одна-две женщины, то свидетель их голоса может не услышать из-за маскирующего действия низких тонов. Если в том же помещении разговаривают много женщин и один-два мужчины, то более вероятно, что они будут услышаны свидетелем.

Большое криминалистическое значение имеет и маскирующее действие шумов. Под действием маскировки порог слышимости значительно повышается.

Если в показаниях речь идет о слышимости, то при оценке правдивости показания во внимание необходимо принимать не только громкость и тон слышанного звука, но и громкость, а также тон всех одновременно действующих звуков. Правдивость таких показаний проверяется с помощью следственного эксперимента в каждом отдельном случае и с учетом всех конкретных обстоятельств. О степени заглушения речи разными шумами следователь может получить общее представление из экспериментальных данных Флетчера[2].

На ощущение громкости влияние оказывает и длительность восприятия. Из звуков одной и той же интенсивности звук, длящийся большее время, кажется более громким, чем длящийся короткое время. Это может иметь значение при опознании различных звуковых сигналов. В случаях, когда свидетель слышал на месте происшествия короткий сигнал автомобиля, а при опо-

[1] См. С. Н. Ржевский, Слух и речь в свете современных физических исследований, М., 1936, стр. 114—117.

[2] Л. А. Андреев, Физиология органов чувств, М., 1941, стр. 207.

знании слышит длительный, может быть дан ошибочно отрицательный ответ на вопрос о сходстве звука. При этом часто заявляют, что предъявленный сигнал звучит намного сильнее.

Величина изменения порога шума	Максимальное расстояние, на котором воспринимается речь (в м)	Типичные места для такого шума
0	375,0	звуконепроницаемая камера
10	118,5	тихая квартира
20	37,5	тихая контора
30	12,0	шумная контора
40	3,6	очень шумная контора, многолюдный магазин
50	1,2	трамвайный вагон автомобиль
60	0,375	метро в Нью-Йорке

Ощущение более длительного звука более громким проходит только в определенных рамках. Ухо адаптируется к тишине или к звуку, как глаз к свету или темноте. Если свидетель или обвиняемый на допросе рассказывает о подслушанном разговоре, то всегда необходимо выяснить, случайно ли услышал он эту речь или прислушивался. При проверке слышимости нужно учесть это, и если, например, проверяется слышимость выстрела, то следует обеспечить такую обстановку, чтобы субъект, слух которого проверяется, не ожидал выстрела, а, по возможности, занимался тем же, чем и во время первоначального восприятия. Достигается это тем, что экспериментальные выстрелы производят и раньше, и позже ожидаемого времени, т. е. тогда, когда субъект еще не думает, что эксперимент начался, и когда думает, что он уже кончился.

В случаях, когда, например, на шумных производствах звук действует на слуховые органы в течение длительного времени, слуховой анализатор перераздражается и снижение его чувствительности носит более резкий и более длительный характер, чем при адаптации. При этом слуховые органы переутомляются и их чувствительность восстанавливается только после более или менее длительного пребывания в тишине. У людей, много проработавших на шумных производствах, чувстви-

тельность слухового аппарата значительно снижается. У них может развиваться профессиональная тугоухость. Все это может иметь значение особенно при расследовании дел об авариях на производстве или на транспорте. Показание, например, ткачихи, жертвы автомобильного происшествия, о том, что, когда она выходила с работы, на нее наехала машина внутризаводского транспорта, не подававшая сигналов, подлежит тщательной проверке.

Колебания тел кроме слуховых ощущений вызывают у человека и так называемые вибрационные. Они играют определенную роль и в показаниях. Когда свидетель, например, рассказывает о том, что слышал, как у соседей упал какой-то тяжелый предмет, завязалась драка или под окном проехала грузовая машина, то в этих восприятиях обычно кроме слуховых ощущений свидетеля участвуют и вибрационные. Поэтому такие показания нельзя отвергать, ссылаясь на то, что свидетель не мог видеть, отчего произошел шум, и не мог знать причины, вызвавшей его.

Вибрационные чувства приобретают чрезвычайно большое значение при поражениях слуха. Это может быть использовано для разоблачения симуляции глухоты. За спиной подозревающегося в симуляции глухоты лица роняют на пол тяжелый предмет, например большую книгу. Глухой это обязательно заметит, потому что воспринимает через вибрационное чувство, а симулянт постарается не реагировать на это, не зная о развитом вибрационном чувстве глухих. Нужно подчеркнуть, что такая проба может иметь только предварительный характер, и если свидетель или обвиняемый подозревается в симуляции глухоты, они должны быть подвергнуты судебно-медицинской экспертизе.

III

Кожные ощущения отражают механические свойства и температуру предметов окружающей среды при различных формах прикосновения к ним.

Кожные рецепторы расположены в кожном покрове тела и слизистой оболочке рта, носа и т. д. и представляют собой особые нервные аппараты, так называемые точки прикосновения боли, тепла и холода, восприни-

мающие только воздействие адекватного им раздражителя.

Точки прикосновения чувствительны только к прикосновению и давлению. Они распределены по поверхности тела неодинаково. Наибольшую чувствительность к прикосновению имеют кончики пальцев и языка. Ощущения прикосновения в их связи с мышечно-двигательными ощущениями составляют осязание. Осязательные ощущения служат для распознавания качественных особенностей поверхностей (гладкость или шероховатость) предметов, их плотности, мест прикосновения к нашему телу и размеров прикасающихся поверхностей. Экспериментальными данными доказано, что «пассивное осязание», т. е. простое прикосновение к предмету, не дает нам каких-либо точных сведений о форме предмета. Только «активное осязание», т. е. ощупывание, дает возможность правильно познать форму прикасающегося к нашему телу предмета. Даже сравнительно простой по форме плоский предмет, неподвижно прикасаясь к столь чувствительной в этом отношении поверхности, как к ладонной поверхности кисти, не дает ощущения, могущего служить для распознания формы предмета[1]. Если жертва преступления не видела орудия преступления, а только чувствовала избиение, ранение, то показание о форме и даже виде орудия на основе одних только тактильных ощущений очень неточно и должно быть принято следствием во внимание в крайне ограниченных пределах.

Ощущения прикосновения и давления относительно точно локализуются, но быстро адаптируются. Большинство людей, если спросить у них, одеты ли на них ручные часы, прежде чем ответить на вопрос, посмотрят на руку. Точки прикосновения настолько адаптируются, что мы не чувствуем прикосновения ремешка часов, и в силу этого замечаем их только тогда, когда одеваем или снимаем часы, т. е. чувствуем не столько их прикосновение и давление, сколько изменения прикосновения и давления. В свете этих обыкновенных обыденных фактов следователи с недоверием могут отнестись к показаниям потерпевших от карманных краж, срезания часов, осо-

---

[1] См. Л. А. Шифман, К вопросу о тактильном восприятии пространственных форм, «Труды Государственного университета мозга им. В. М. Бехтерева», т. 13, 1940.

бенно когда они точно не могут указать место и время совершения преступления.

Преступник в таких случаях воспользуется тем, что слабое раздражение одновременно или после воздействия сильного чувствуется еще слабее. Они совершают преступление в местах скопления людей, где создается большая давка или сами искусственно создают ее. Жертва в этих условиях, получая ощущение сильных раздражений давления, обычно не замечает легкого прикосновения натренированной руки преступника.

Температурные ощущения состоят в распознании тепла и холода. Точки тепла чувствительны к воздействию температуры более высокой, чем температура тепла, а точки холода — к воздействиям пониженной, по сравнению с собственной, температуры. Температурные ощущения играют большую роль в распознании вещей, к которым мы прикасаемся. Дело в том, что «термические ощущения вызываются различием в температуре или термическим обменом, который устанавливается между органом и внешним объектом. Чем активнее и быстрее совершается тепловой обмен, тем более интенсивное ощушение он вызывает. Поэтому и при равной температуре хороший проводник (например, металл) покажется более холодным или теплым, чем плохой проводник (например, шерсть). Поскольку каждое тело имеет определенную проводимость, характеризующую специфические свойства его поверхности, термическая чувствительность приобретает специфическое познавательное значение»[1].

Из изложенного следует сделать ряд тактических выводов. Точки холода и тепла сигнализируют о пониженной или повышенной температуре по сравнению с температурой кожного участка прикосновения. Показания о том что при ощупывании не чувствовалось ни холода, ни тепла, свидетельствуют, что температура ощущаемого предмета примерно совпадала с температурой руки ощупывающего лица. Поэтому, если, например, допрашиваемое лицо расскажет, что он вошел в комнату с улицы, увидел лежащего человека, прикоснулся к нему, но не почувствовал холода, думал, что тот спит, то следует задать вопросы, направленные на выяснение

---

[1] С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1940, стр. 167.

температуры допрашиваемого во время интересующего нас момента: какая температура на улице и в комнате, сколько времени находился допрашиваемый на улице и в комнате, как был одет и т. д. Сличение содержания полученных ответов с данными, имеющимися в деле о погоде, моменте наступления смерти и т. д., дает основание для суждения о правдивости показаний. Серьезным изобличающим моментом являлись, например, по одному делу об отравлении показания мужа потерпевшей о том, что утром, когда он уходил на работу, поцеловал в лоб лежащую в постели жену и при этом не заметил, что она мертва. О смерти ее он заявил только вечером, когда пришел с работы и нашел ее в том же положении, в каком оставил утром. В заключении судебномедицинского эксперта о времени наступления смерти указывалось на неправдоподобность показания заявителя, потому что маловероятно, что муж, целуя жену утром, не заметил охлаждения тела. Возникшая на основе этой улики версия о причастности мужа к убийству подтвердилась в ходе дальнейшего расследования.

Иногда возникает вопрос о том, находился ли на месте предмет при его обнаружении или же он был туда привезен. Если допрашиваемый показывает, что данный предмет на ощупь был холодный, то это еще не свидетельствует о том, что его температура была ниже, например, комнатной. Для оценки такого показания нужно учесть и указанный ранее момент о специфической теплопроводимости материалов. Если это был металлический предмет, то может быть, что чувство холода вызывалось большой теплопроводимостью предмета, а не понижением температуры.

К болевым ощущениям органы чувств слабо адаптируются. Они сравнительно хорошо локализуются. Болевые ощущения отражают только боль и не отражают характера предметов, которыми она причинена. Потерпевшие часто ошибаются в показаниях в отношении предметов. Если, например, на потерпевшего напали несколько лиц, вооруженных разными (режущими, колющими, тупыми и т. д.) предметами, то вопрос о том, какими орудиями причинены ранения потерпевшему, должен быть решен на основе судебномедицинского исследования ранений потерпевшего, а не на основе его показаний.

Пулевые раны, если они проходят через мягкие ткани, не нарушая кости, в момент получения ранения часто ощущаются только в качестве слабого удара, а болевые ощущения начинаются с развитием воспалительных процессов. Поэтому показания о времени получения пулевых ранений весьма неточны. Заявление потерпевшего о том, что он не заметил момент получения даже тяжелого пулевого ранения, на первый взгляд, может показаться неправдоподобным, особенно если ранение было причинено в драке, когда потерпевший защищался, и вполне вероятно, что все его внимание было сосредоточено на защите. Показания о направлениях выстрелов, если они не основаны на зрительном восприятии направления дула оружия, являются необоснованными.

Болевые ощущения всегда сопровождаются специфическими состояниями страдания. По мере увеличения интенсивности они отрицательно влияют на чувствительность органов ощущения. Это может сказаться на качестве показаний о восприятиях внешнего мира, полученных во время сильных болевых ощущений, например когда потерпевший подвергался нападению и ему были нанесены ранения, сопровождавшиеся сильной физической болью. П. П. Лазарев заметил, что по мере увеличения болевых раздражений повысилась чувствительность зрения. Однако при дальнейшем увеличении раздражения наступил максимум, и затем при дальнейших более сильных раздражениях, вызывающих уже разрушение тканей, наступило понижение предельной чувствительности при адаптации[1].

IV

Ощущения обоняния являются отражением запахов. Они возникают вследствие попадания в верхнюю часть носоглотки газообразных пахучих веществ. Для получения ясного ощущения запаха нужно усиленно вдыхать воздух, при этом мышцы органа обоняния сокращаются. Это называется принюхиванием.

Ощущение обоняния сильно адаптируется. Оно очень ясно и хорошо дифференцируется. Мы хорошо различаем большое количество запахов.

---

[1] См. П. П. Лазарев, Исследования по адаптации, М., 1947, стр. 158.

Описание ощущений обоняния чаще всего встречается в показаниях по делам о поджогах и об отравлениях газом. При оценке таких показаний необходимо учитывать прежде всего большую адаптационную способность обонятельных органов, особенно при отравлении газом, когда им медленно наполнялся воздух. В этих случаях человек может не чувствовать запаха, даже если для вновь входящего в помещение он был очень резким. На допросах по таким делам требуется выяснить все обстоятельства, влияющие на адаптацию органов чувств, например, сколько времени провело данное лицо в этом помещении. При отравлении газом иногда возникает необходимость решить вопрос, имело ли место убийство или самоубийство. При решении его полезно знать, что человек во время сна, как правило, не просыпается от запаха газа. Иногда газ, проникая из одного помещения в другое, просачиваясь через стену, пол, потолок, теряет свой специфический запах, сохраняя при этом отравляющие свойства.

При расследовании дел о поджогах в показаниях нередко указывается на запах угарного газа или вещества, служившего средством поджога. Установить время возникновения пожара на основе таких показаний очень трудно, так как возникновение обонятельных ощущений зависит не только от общей степени насыщенности воздуха угарным газом, но и от движения воздуха.

При привлечении к уголовной ответственности работников охраны за то, что они не сигнализировали вовремя о возникновении пожара, запах гари которого, по мнению следователя, обязательно должны были слышать, если бы не спали, на допросах необходимо выяснить все условия, влияющие на движение воздуха. В частности, требуется установить точно, какие двери и окна были открыты, работало ли вентиляционное устройство, топилась ли печка. Иногда проведенный с соблюдением этих условий следственный эксперимент дает поразительные результаты. Запах может не ощущаться вблизи от пожара и сильно ощущаться в сравнительно далеко стоящих помещениях.

Показания о запахе бензина, керосина или другого горючего, легко воспламеняющегося вещества часто имеют большое значение для исхода дела. При оценке их нужно учитывать также данные о движении воздуха и

возможности смешения разных запахов, что часто приводит к возникновению качественно нового запаха, компоненты которого являются для органов обоняния неузнаваемыми.

Ощущения обоняния, как правило, сопровождаются положительными или отрицательными эмоциями: запахи или приятны, или неприятны. Особенно неприятны запахи, возникающие во время разложения органических веществ. При расследовании дел о пищевых отравлениях, когда ответственные лица заявляют, что они не заметили, что продукты испорчены, всегда нужно стараться получить свидетельские показания о наличии специфических запахов несвежих продуктов.

Запах, возникающий при разложении трупа, чрезвычайно неприятный. В некоторой мере он может свидетельствовать о времени наступления смерти. Показания о том, что допрашиваемый, живущий или побывавший там, где находился разложившийся труп, не чувствовал запаха, могут явиться серьезной уликой против давшего такое показание о том, что он по тем или иным причинам умышленно не говорит правды. При оценке таких показаний нужно учитывать также факторы, влияющие на движение воздуха.

Аппарат обоняния по своей чувствительности очень индивидуален. Чувствительность к запахам сильно снижается при насморке и обильном курении.

V

Вкусовые ощущения являются результатом воздействия различных растворимых в воде или слюне химических веществ на слизистую оболочку языка. Нерастворимые вещества безвкусны. К вкусовым ощущениям, как правило, присоединяются другие, прежде всего обонятельные, ощущения, и поэтому вкус является комплексом ощущений.

Показания о вкусовых ощущениях встречаются чаще всего при расследовании дел об отравлениях, но они могут иметь определенное значение и для раскрытия хищений в системе общественного питания и в других делах.

При неудачных покушениях на отравление человека, когда судебнохимической экспертизой установлено нали-

чие яда в рвотной массе, в жидкости, применяемой для промывания желудка, или в выделениях, нужно допросить потерпевшего о его вкусовых ощущениях. Тщательным допросом следует установить, что, где и когда ел потерпевший до наступления недомогания, кто ему давал есть и не чувствовал ли он при этом какого-нибудь специфического привкуса.

Иногда очень неприятные, горькие на вкус яды могут быть приняты незаметно. Этому способствует то, что ряд ядов смертелен в очень малых количествах, причем некоторые из них имеют свойство накапливаться в организме, если они приняты не в один прием. При этом большое растворение делает вкусовые ощущения менее сильными. Этому может способствовать и так называемый процесс компенсации, т. е. заглушение одних вкусовых ощущений другими. «При известных условиях компенсации можно дойти до полной нейтрализации горького вкуса и появления какого-то нового, смешанного вкуса»,— пишет С. Л. Рубинштейн[1]. Из этого следует, что должны быть проверены все версии, возникающие по поводу места нахождения субъекта и средств преступления, даже в том случае, если показания потерпевшего о приятных вкусовых качествах принятой в данном месте или у данного субъекта пищи как будто исключают все подозрения.

Едкие, горькие, неприятные на вкус или на запах отравляющие вещества, смертельная доза которых высока, не могут быть приняты незаметно в опасном для здоровья количестве. Наличие большого количества таких веществ в организме или выделениях потерпевшего, как правило, свидетельствует о самоубийстве или о покушении на него. Если при этом оставшийся в живых потерпевший заявляет, что его хотели убить, допрос рекомендуется вести и в направлении тщательной проверки возможности и мотивов симуляции убийства. В одном случае, например, судебнохимической экспертизой жидкости, изъятой при промывании желудка, было установлено, что принятый потерпевшей раствор никотина, не возымел своего действия лишь потому, что ее вырвало, прежде чем яд мог рассосаться в организме. На допросе потерпевшая рассказала, что перед тем, как ей стало

---

[1] С. Л. Рубинштейн, цит. работа, стр. 173.

плохо, она вместе со своим женихом пила чай, и высказала подозрение, что он ее хотел отравить. Следователь усомнился в достоверности такого показания, потому что данное количество яда не могло быть незаметно принято в стакане чая. Когда сказали об этом допрашиваемой, она призналась в симуляции самоубийства. Она решила напугать своего жениха, отказавшегося жениться на ней. Она сделала заварку из папирос, выпила, не зная, что доза смертельна. Рассказ о покушении жениха на ее жизнь она придумала перед допросом.

Прием смертельного количества ядовитого вещества, например едкого натрия, особенно детьми, может иметь место в результате неосторожности родителей, оставляющих бутылку с ядом на доступных для ребенка местах, а он принимает ее за бутылку с молоком. Тактика допроса в таких случаях должна быть направлена на выяснение формы вины ответственных лиц, выяснение того, где обычно стоит бутылка, для чего щелочь используется в хозяйстве.

Если в заявлении о хищении на предприятии общественного питания говорится о вкусовых качествах продуктов питания или напитков, то нужно задать вопросы об индивидуальных привычках допрашиваемого.

Разные вкусы неодинаковой интенсивности ощущаются на различных частях языка. К сладкому наиболее чувствителен кончик языка, к кислому — края, а к горькому — основание. При проведении следственного эксперимента, например для установления способности различать доброкачественное вино от разбавленного, нужно дотрагиваться до исследуемого вещества не только кончиком языка, но и всей его поверхностью.

ГЛАВА II

Выяснение условий восприятия фактов, установленных в процессе допроса

I

Ощущение, как уже указывалось ранее,— это отражение какого-либо свойства или качества явления. В показаниях свидетелей или обвиняемых обычно речь идет не об отдельных свойствах или качествах, а о предмете в целом, о некоторых важных или всех сторонах его и в их своеобразном комплексе. При этом отдельные ощущения выступают только как факторы этого комплекса, а не как самостоятельно существующие. Такое цельное отображение предметов и явлений в сознании человека называется восприятием[1].

В восприятия всегда включены различные ощущения. Даже в зрительные, слуховые восприятия входят и другие виды ощущения, но преобладающий характер имеют зрительные и слуховые. Когда человек воспринимает море, то это прежде всего зрительное восприятие. Однако кроме преобладающих зрительных ощущений в нем участвуют и слуховое ощущение плеска волны, обонятельное ощущение соленого запаха морского воздуха, тактильные ощущения влажности и холода.

На допросе сравнительно редко возникают вопросы, связанные с отдельными, изолированно взятыми ощущениями. Отдельные ощущения, как правило, представ-

---

[1] В определениях психологов обычно различие между понятиями ощущения и восприятия дается именно в зависимости от того, что в сознании человека отображается одно свойство предмета или предмет в целом. Но в то же время в работах говорят о восприятии, а не об ощущении цвета, удалении предметов (см. П. А. Шеварев, Исследования в области восприятий, «Психологическая наука в СССР», М., 1959, стр. 114—115).

Эта нечеткость имеет место и в данной работе.

ляют интерес, с точки зрения допроса, поскольку входят в восприятия. Согласно § 54 УПК ВНР «следует допросить в качестве свидетеля лицо, имеющее полученные им путем личного восприятия сведения о деле, об условиях жизни обвиняемого, а также об иных важных для дела фактах». Это, конечно, не означает, что только свидетели допрашиваются о воспринятых ими фактах.

Восприятия должны лежать и в основе показаний потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. Восприятия всегда имеют целостный характер. В них предмет отражается в совокупности своих свойств и качеств. Вследствие целостности восприятия в нем всегда восполняются отсутствующие элементы и части воспринимаемого предмета. Если мы через окно рассматриваем противоположный дом и оконная рама, закрывая часть получаемого нами образа, делит его на две части, у нас не возникает восприятия, что дом состоит из двух частей, а прикрытая рамой часть восполняется в нашем воображении.

Благодаря указанной особенности свидетели могут рассказать и о таких предметах, которые они видели только частично (может быть, они были прикрыты или время, освещение было недостаточным для полного восприятия). Иногда мы свободно читаем сильно упрощенный почерк, в котором отсутствуют многие элементы отдельных букв, воспринимаем наброски, эскизы как целые картины, хотя они состоят только из нескольких штрихов.

Однако восполнение отсутствующих элементов и частей воспринимаемого объекта может привести и к ошибкам. Это должен помнить следователь, анализируя показания о предметах, явлениях, воспринятых при неблагоприятных для разных ощущений условиях.

Взаимодействие органов чувств в восприятиях не только суммирует их, но и создает качественно новое; они сенсибилизируют и дополняют друг друга, кооперируют друг с другом и взаимно, участвуя в процессах отражения предметов и явлений внешнего мира, способствуют лучшему их познанию. Каждый следователь знает, что свидетель, как правило, увереннее говорит и опознает определенное лицо, если он не только видел, но и слышал его.

Чем больше органов чувств участвует в восприятии,

тем более точным оно будет. Из этого вытекает важное тактическое правило о том, что на допросах всегда нужно выяснять, какие органы чувств допрашиваемого участвовали в восприятии. Когда речь идет, например, о том, что какая-то деталь кем-то была некачественно отработана и ее поверхность осталась шероховатой, не отшлифованной, рекомендуется спрашивать, видел ли допрашиваемый эту деталь и при каком освещении, под одним углом падения света или под разными, прикасался ли он к данной поверхности и, если да, провел ли он по ней кончиком пальца. Если свидетель сообщает, что подозреваемый поставил на пол тяжелый, наполненный чем-то мягким мешок, то нужно спросить, откуда он знает, что мешок был тяжел и набит именно мягкими вещами. Может быть, он видел это, а возможно только слышал глухой звук, почувствовал вибрацию пола и услышал в это время, как задребезжали окна, а содержимое мешка мог видеть по приплюснутости его или определить на ощупь.

Следователь должен учитывать и тактически использовать полученные на допросе данные об участии разных органов чувств в восприятии допрашиваемого. Правильно поступил следователь по делу об изнасиловании, организовав опознание насильника потерпевшей отдельно по особенностям голоса, речи и отдельно по внешнему виду преступника[1].

Восприятия могут включать в себя и неосознаваемые ощущения. Восприятие величины предмета включает, например, кроме зрительного образа и ощущения сокращения или расслабления мышц глаза.

В наши восприятия всегда входят представления, сохранившиеся от прежнего опыта. «Результат восприятия человеком того или иного предмета зависит, во-первых, от его непосредственных чувственных ощущений (зрения, слуха, осязания и т. д.), а во-вторых, от содержания его прошлого опыта, с которым он сопоставляет эти ощущения»[2].

Большинство предметов и явлений мы воспринимаем не первый раз. Представления прошлого опыта помогают нам более полно воспринимать действительность. Когда

---

[1] См. «Следственная практика», вып. 41, стр. 158—159.

[2] С. А. Голунский, цит. работа, стр. 16.

мы зрительно воспринимаем сахарницу с сахарным песком, то к зрительному восприятию присоединяются возникшие в памяти представления о вкусе сахарного песка. Эти привычные представления играют большую роль и в наблюдательности субъекта. Опытный охотник видит зверя даже там, где не искушенный в охоте человек не заметит его даже тогда, когда ему указывают, в каком направлении и куда смотреть.

«Опытный следственный работник заметит такие мелочи в обстоятельствах совершения преступления или в поведении допрашиваемого, мимо которых равнодушно пройдет любой другой наблюдатель. Именно эти мелочи зачастую создают возможность раскрывать преступления»[1]. В этом огромная положительная роль привычных представлений, в точности которых большую роль играют профессионально привычные представления. Особенно часто такие показания дают водители по автотранспортным происшествиям.

Свидетели со специальными знаниями в венгерской процессуальной литературе часто выделяются в особую группу так называемых свидетелей-экспертов. Свидетель-эксперт, по определению Алапи,— «это такое лицо, которое не только непосредственно воспринимает какое-либо явление, а сразу же и оценивает его на основе своих специальных профессиональных знаний»[2].

С криминалистической да и с процессуальной точек зрения особый интерес представляют показания свидетелей, обладающих специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, если эта область знания каким-либо образом связана с воспринимаемым явлением. Однако, несмотря на это, нет основания выделять таких свидетелей в особую группу — свидетелей-экспертов, ибо их процессуальное положение ничем не отличается от других свидетелей[3].

Чрезвычайно большое значение имеют привычные представления свидетелей, когда нужно заметить какой-то, обычно не бросающийся в глаза признак. Но, к сожалению, такие представления могут играть и отрицательную роль: когда в восприятии свидетеля отсутствуют какие-то элементы, он легко и незаметно даже для себя

---

[1] С. В. Корнилов, Психология, М., 1946, стр. 44.
[2] Alapy Gyula, A büntetöperrendtartás, Bp. 1952, 84 old.
[3] Pavel Horoszowsky Kriminalistika, Warszawa, 1955.

может восполнить их элементами из своих привычных представлений.

Выработанное в процессе практики представление может привести и к иллюзиям. О них много говорится в буржуазной литературе по криминальной психологии. При этом часто ссылаются на так называемую иллюзию Шарпантье. Последняя состоит в том, что если испытуемому дать в руки два цилиндра разной величины, сделанных из одного и того же материала, но имеющих одинаковый вес, то меньший цилиндр кажется более тяжелым. Думается, что подобные иллюзии не имеют криминалистического значения.

Дорожный знак «сквозной проезд запрещен» представляет собой желтый круглый диск определенной величины с красной каймой. Круглый диск вызывает круглый образ на сетчатке только в случае, если на него смотреть точно перпендикулярно, что бывает сравнительно редко. В остальных случаях образ данного дорожного знака приближается к эллипсу, особенно если он находится на значительном расстоянии или наблюдаем в большой угол поворота. Несмотря на это, форма данного знака будет нами восприниматься практически всегда круглой. Это явление называется постоянством или константностью восприятия предметов. А. А. Смирнов экспериментально показал, что константность восприятия формы плоской фигуры достигает наибольшой степени при 10° угла отклонения и дистанции наблюдения в 1 м.

Если плоская фигура наблюдается с дистанции в 1 м, то восприятие его фигуры остается практически вполне константной даже при угле поворота в 60°[1].

Эти данные показывают, насколько осторожно нужно относиться к показанию водителя о том, что он не мог отличить форму дорожного знака, потому что она была сдвинута с места, например подвешенный знак приподнят ветром.

Константность восприятия проявляется и в ряде других явлений. Какой-то предмет, воспринимаемый нами с расстояния в 1 м, изображается на сетчатке вдвое мень-

---

[1] См. А. А. Смирнов, Зависимость константности воспринимаемой величины объектов от угла поворота их к линии взора наблюдателя при различных дистанциях наблюдения, «Зрительные ощущения и восприятия», М., 1935.

ше, чем тот же предмет, воспринимаемый с расстояния 50 см, но видимая величина предмета не меняется и остается вполне идентичной и при этом, и еще в других, практически больших пределах разницы в дистанциях наблюдений. Константность восприятия проявляется не только в относительном постоянстве воспринимаемой формы и величины предметов, но и в восприятии других качеств, например цвета и яркости. Они тоже не претерпевают изменений условий восприятия.

Практическое значение константности восприятия чрезвычайно велико. Без нее «наше восприятие превратилось бы в сплошной хаос. Оно не служило бы средством познания объективной действительности. Ориентировка в мире и практическое воздействие на него на основе такого восприятия были бы невозможны»[1]. Велика роль константности восприятия также и в формировании правдивых свидетельских показаний, а знание ее закономерностей — в разоблачении лжи.

Свидетель может дать вполне правильные показания, например о росте преступника, если даже он его видел не в непосредственной близости, и может сказать, что преступник, стоящий от него дальше, был выше ростом, чем тот, который стоял к нему ближе, хотя образ дальше стоящего лица может быть на сетчатке меньше, чем ближестоящего.

С увеличением расстояния оценка величины делается, как правило, меньше действительной величины предмета, и при этом ошибка в сторону уменьшения в определении величины тем больше, чем больше расхождение между действительным расстоянием и тем, на которое возможна точная и адекватная установка глаза[2].

Такое же явление наблюдается при оценке расстояния, где более дальние от нас расстояния мы склонны считать за большие. Так, при делении пополам какого-нибудь протяжения, идущего от нас вдоль, мы дальнюю половину устанавливаем объективно более короткой[3]. Подобные ошибки в восприятиях, такое же отклонение от константности могут влиять и на показания допрашиваемых и должны быть учтены во всех случаях, когда

---

[1] С. Л. Рубинштейн, цит. работа, стр. 204.

[2] См. Е. Н. Соколов, Вопросы психологии восприятия в свете Павловского учения, канд. диссертация, М., 1950, стр. 150.

[3] См. С. В. Кравков, Глаз и его работа, М.—Л., 1950, стр. 410.

речь идет о восприятиях, возникающих при условиях большого расстояния, и т. д.

Восприятие всегда является осмысленным, т. е. мы воспринимаем не сумму цветовых, осязательных и других ощущений или вызывающих их свойств, а предметы и явления. Очень часто мы можем сказать, какой предмет видели, но затрудняемся сказать об отдельных качествах его. Процесс образования восприятия происходит путем раскрытия смыслового содержания предмета на основе отраженных в наших ощущениях физических свойств его.

Из свойств осмысленности восприятий допрашивающий тоже должен делать некоторые выводы.

Как правило, больше внушает доверие и имеет большее доказательственное значение показание, в котором допрашиваемый указывает некоторые признаки определенного объекта или лица и потом заявляет, что в случае предъявления он может опознать данный предмет, лицо. Однако бывают случаи, когда допрашиваемый не в силах описать какие-то признаки предмета или лица, но, несмотря на это, готов опознать при предъявлении его и действительно делает это успешно. И даже наблюдаются случаи, когда допрашиваемый заявляет, что интересующий нас предмет он видел мельком и поэтому сомневается, что может опознать его, но при предъявлении данного лица или вещи, произведенном в соответствии с процессуальными и тактическими правилами, опознает их безошибочно.

Из изложенного следует, что нельзя всегда считать голословным заявление о готовности опознать предмет, если при этом свидетель не в состоянии рассказать на допросе о его признаках. В подобных случаях перед предъявлением для опознания нужно стремиться выяснить путем уточняющих вопросов, по каким признакам допрашиваемый собирается опознать данный предмет или лицо. Предъявление для опознания следует производить и в случаях, когда допрашиваемый не может ответить на эти вопросы, но тогда после опознания снова следует произвести допрос, чтобы выяснить, на основе каких именно признаков допрашиваемый мог опознать предъявленные вещи или лица.

При этом нужно принять во внимание и попытки ввести в заблуждение следствие со стороны некоторых об-

виняемых, а иногда и свидетелей. Они не говорят о признаках опознаваемых предметов и лиц или же говорят о них искаженно, но готовы опознать их, чтобы лично убедиться в том, располагает ли следствие этими предметами, или с целью встретиться с опознаваемым лицом и подать ему какой-то сигнал либо поговорить с ним. В этом случае соответствующее действительности опознание есть результат сознания того, что нет смысла говорить неправду, следствие уже нашло нужный предмет или лицо. Когда у следователя возникает такое подозрение, вопрос о предъявлении для опознания решается исходя из тактических соображений, с учетом всех обстоятельств дела.

Осмысленное содержание восприятия, возникнув из ощущений отдельных физических особенностей, в дальнейшем само влияет на эти же ощущения. Это является причиной тех ошибок в показаниях, о которых мы уже упоминали при описании вопросов, связанных с ролью привычных представлений в восприятии. Но здесь следует указать еще на одну особенность, которая может повлиять отрицательно на качество полученных показаний. Дело в том, что иногда осмысленное содержание восприятия может покоиться на недостаточном для этого количестве признаков. Возникнув, оно впоследствии оказывает ошибочно большое влияние даже на дальнейший ход восприятия: формирует его и от него избавиться уже очень трудно. Например, если сухие ветви, лежащие на земле, мы ошибочно восприняли за змей, то нужно очень близко подойти, хорошо рассмотреть и даже, может быть, дотронуться до них, чтобы избавиться от ложного восприятия.

О том, к каким ошибкам могут привести ложные восприятия, свидетельствует пример, приводимый Гансом Гроссом[1]. Допрашиваемый по делу о побеге из места заключения надзиратель показал, что преступник бежал во время прогулки и набросился на него с ножом в руках. Следствием было установлено, что в руках у преступника в действительности был не нож, а селедка.

[1] Гросс приводит его и в своей «Криминальной психологии» и в «Руководстве для судебных следователей». В криминалистической литературе часто ссылаются на этот пример и другие авторы, в частности см. А. А. Красносельских, Учет психологических особенностей формирования свидетельских показаний, «Вестник Московского университета» 1957 г. № 2, стр. 127.

Известно, что один и тот же предмет воспринимают разные люди по-разному. Даже один и тот же человек в различных условиях по-разному воспринимает один и тот же предмет. Это необходимо учитывать при интерпретации свидетельских показаний. Показания двух свидетелей об одном и том же событии часто не совпадают именно потому, что, воспринимая одно и то же событие, они относились к нему по-разному. И во многих случаях можно и нужно установить причины такого различия[1].

Вопрос о значении различий в показаниях для оценки их достоверности является предметом спора в буржуазной литературе. Одни считают, что «достоверность показания не подлежит сомнению, если оно согласно с другими показаниями». «С увеличением числа свидетелей... сговор их становится затруднительным» и «совпадение показаний дает основание придать им значение достоверности»[2]. Другие, в частности Марбе, считали, что совпадение отдельных показаний совсем не должно быть рассматриваемо, как многие думают, в качестве доказательства их правильности, зачастую об одном и том же факте больше одинаковых ложных, чем одинаковых правдивых показаний. В этом он усматривал частный случай закона единообразия психологического процесса при одинаковых условиях; есть, очевидно, случаи, когда при соответствующих внешних и внутренних условиях данные для возникновения ложных показаний у различных наблюдателей складываются настолько благоприятно, что недостоверность этих показаний в большинстве случаев не замечается[3].

Обе точки зрения представляются нам неправильными. Оценка достоверности свидетельских показаний на основе их количественного подсчета есть возвращение к формальной оценке судебных доказательств. Показания должны быть оценены по существу, не сами по себе, а в совокупности с другими доказательствами на основе раздельного изучения существования тех фактов, которые составляют содержание этих показаний.

---

[1] См. П. А. Шеварев, цит. работа, стр. 70—71.

[2] Скопинский, Свидетели по уголовным делам, М., 1911, стр. 22.

[3] См. Е. Марбе, Научное и практическое значение психологии, СПб., 1913, стр. 25.

«Закон единообразия психического процесса» часто приводится в буржуазной литературе по криминалистике теми авторами, которые считают свидетельские показания во всех случаях недостоверными, в качестве опровержения действительно неправильного некритического подхода к оценке совпадающих по своему содержанию показаний.

В практике встречаются случаи дачи примерно одинаковых по своему содержанию, но ложных по объективной достоверности показаний добросовестными, но заблуждающимися свидетелями, особенно потерпевшими. Если, например, совершено грабительское нападение на дом, где проживает семья, все члены семьи дают показания, в которых, как позже выясняется, количество грабителей, их сила явно преувеличиваются. Однако здесь только, видимо, одинаковый психический процесс у разных потерпевших, потому что их показания, имеющие одинаковую тенденцию к увеличению, все-таки резко расходятся именно в не соответствующих действительности деталях. Совпадение этих деталей в показаниях имеет место только в случае, если допрашиваемые перед допросом имели возможность обменяться мнениями, обсудить происшедшее и прийти к одинаковому выводу. Но здесь уже имеет место не «одинаковость психических процессов», а внушение или сговор, чему следователь может и должен препятствовать прежде всего своевременным проведением допросов.

В случаях исключительно большого нервного напряжения, физической истощенности и т. д. могут иметь место массовые галлюцинации, когда большие группы людей воспринимают ошибочно и одинаково несуществующие предметы. Бехтерев, например, описал следующий факт[1]. В 1846 году весь экипаж французского фрегата «Belle Paule», потеряв в урагане из виду 300 своих товарищей, находившихся на корвете «Berceаn», под влиянием беспокойства и страха, услышав от сигнальщика, что на горизонте показался корабль без мачты, не только поверил этому, но даже увидел людей на корабле, слышал их крики, хотя это был не корабль, а масса вырванных с берега огромных деревьев.

Но такие случаи являются исключительными, и в них проявляется не «стадное чувство» ошибочного восприя-

[1] См. В. М. Бехтерев, Роль внушения, 1898, стр. 2.

тия, а влияние внушения. Такие случаи не встречаются у свидетелей, которые не общались между собой ни в момент восприятия, ни позже. Поэтому чрезвычайно важно выяснить на допросе и это обстоятельство.

Тождественность психических процессов у разных психически здоровых свидетелей и индивидуальная разница в них проявляются прежде всего в том, что, с одной стороны, в ощущениях и восприятиях таких лиц в основном правильно отражается реальная действительность внешнего мира, а с другой — они из чрезвычайно многообразной массы фактов запечатлевают прежде всего те из них, которые им ближе всего по задачам и интересам.

Поэтому, как правильно отмечает Кулишер, сообщая о происшествии, очевидцами которого они были и которое обратило на себя их внимание, свидетели обыкновенно будут показывать в соответствии с тем, что составляет остов этого происшествия, но показания их могут существенно отличаться касательно сопутствующих обстоятельств[1]. Причины этого должны быть выяснены и оценены именно с точки зрения психологических особенностей личности допрашиваемого и формирования его показаний.

Точное совпадение свидетельских показаний между собой и особенно совпадение их с показаниями подозреваемых и обвиняемых нередко вызывают подозрение в сговоре.

Особенно вызывают подозрения показания, в которых совпадают не только их содержание, но и выражения. Конечно, могут быть случаи, когда свидетели, встретившись, обсуждали виденное и поэтому дают одинаковые, даже в одних и тех же выражениях, показания — и такие показания могут быть вполне достоверными. Однако к проверке таких показаний нужно подходить особенно осторожно.

На восприятие влияют и одновременно или незадолго до этого воспринимаемые однородные явления. Они взаимно усиливают, увеличивают ту разницу, которая существует между ними. Известно, что чуть теплая вода кажется горячей после холодной, что два круга одинакового размера кажутся неодинаковыми, если один из них изображен окруженными маленькими, а другой — боль-

[1] См. Кулишер, Психология свидетельских показаний и судебное следствие, «Вестник права», 1934, кн. VIII, стр. 177.

шими кругами. Звук одной и той же высоты кажется более или менее громким в зависимости от амплитуды рядом воспринимаемого звука и т. д. Эти явления могут иметь значение и с точки зрения правильности изложенных допрашиваемым фактов. Одинаковые золотые кольца человек может воспринимать как разные в зависимости от других одновременно воспринимаемых колец. Эти особенности должны быть тщательно выявлены и зафиксированы на допросе и учтены при необходимости предъявления для опознания или проведения следственного эксперимента.

II

Из всех видов восприятия явлений окружающего мира допрашивающего может интересовать восприятие пространства. При допросах нередко возникает вопрос о расстоянии, об удаленности различных предметов или лиц друг от друга и от наблюдателя, о направлениях их расположения в пространстве, а также о их форме и величине. Все эти восприятия называются восприятием пространства. В них, как правило, одновременно участвует несколько анализаторов. Так бывает тогда, когда, например, мы видим форму и ощупываем какой-нибудь предмет или наблюдаем глазами или определяем по звуку направление, в котором удаляется транспорт.

Восприятие пространства возможно и на основе работы отдельно взятых органов чувств. В этих случаях с их деятельностью ассоциируется прежний опыт других анализаторов. По анализатору, занимающему ведущее положение в данном восприятии пространства, оно называется зрительным, слуховым, кожно-осязательным или мышечно-суставным (кинестетическим).

В практике проведения допросов чаще всего приходится встречаться с проблемами, связанными со зрительными и слуховыми восприятиями пространства. Поэтому именно их мы и рассмотрим подробнее в данной работе.

Чтобы знать, на какие обстоятельства следует обращать внимание при возникновении вопросов на допросе о величине, удаленности или других пространственных свойствах предметов, нужно иметь хотя бы общее представление о процессе образования восприятия пространства.

Зрительно пространственные восприятия осуществляются с помощью как бинокулярного, так и монокуляр-

ного зрения. Но монокулярная оценка пространства является несовершенной, ограниченной. «К работе, связанной с необходимостью точно определять расстояния, должны допускаться только лица, обладающие бинокулярным зрением»[1]. Это должно быть учтено и на допросе лиц по делам о несчастных случаях на производстве или транспорте, когда причиной их являлась недооценка или переоценка расстояния между каким-нибудь предметом и движущейся частью станка или транспортного средства. Такие ошибки особенно велики у лиц, недавно или временно потерявших зрение одного глаза, причем обычно при монокулярном зрении оценка величины происходит в сторону ее уменьшения.

Восприятие глубинных расстояний происходит обычно с участием обоих глаз, т. е. бинокулярно. Бинокулярное зрение обеспечивает более точное восприятие пространственных отношений предметов, значительно снижает величину порогов различения глубинных ощущений и увеличивает расстояние способности пространственного различия. При бинокулярном зрении образованию адекватного пространственного восприятия способствуют следующие факторы.

1. Бинокулярному зрению сопутствует содружественное движение глаз, состоящее из такого согласованного сведения или разведения осей, при котором обеспечивается резкое изображение предмета на сетчатках обоих глаз. При приближении объекта к глазам наблюдателя их оси сводятся (конвергенция), при удалении от них оси разводятся (дивергенция). Неосознанные (проприомускулярные) ощущения в тесной связи с прежним опытом сигнализируют об удаленности предмета от глаза. Но восприятие удаленности предмета при помощи дивергенции происходит только в пределах, не превышающих 450 м; на этом расстоянии зрительные оси глаза занимают параллельное положение и на более далеком расстоянии уже не меняют его. Точность показаний о размерах в этих пределах, как правило, превышает точность показаний о расстояниях, выходящих за рамки 450 м.

2. Человек способен различать глубину (рельефность) воспринимаемых предметов и занимаемого ими

---

[1] С. В. Кравков, Глаз и его работа, М.—Л., 1950, стр. 409.

пространства на расстояниях, значительно превышающих 450 м[1]. На таком большом расстоянии восприятие пространства происходит вследствие того, что от обоих глаз в мозг поступают возбуждения неодинакового характера.

Глубинное зрение поддается тренировке. Оно сильно развито у моряков, артиллеристов, летчиков, водителей, охотников. Но даже в их показаниях расстояния, превышающие область аккомодации и конвергенции глаз, являются неопределенными, оценка величины дается суммарной и неточной.

На больших расстояниях оценка величины происходит уже за счет опознания предмета или сравнения с другим, известным по своим размерам. Темная точка на небе воспринимается как воздушный шар, птица или самолет. Мы не воспринимаем ни их форму, ни размеры, ни расстояние. Таким порожним расстоянием для восприятия пространства является обычно 1200—1300 м, но в зависимости от тренировки оно может доходить до 2600 м. Вот почему с большой осторожностью нужно относиться к показаниям о расстояниях, превышающих 1200 м, и о размерах, воспринятых так далеко. На таком расстоянии сравнение тоже становится невозможным, ибо не воспринимается разница в удаленности сравниваемых предметов, а сравнение неодинаково удаленных предметов ведет к ошибкам, пропорциональным разности в их удалении.

Некоторые буржуазные ученые-психологи, проводящие эксперименты в области исследования свидетельских показаний, пришли к выводу о том, что маленькие величины свидетели, как правило, недооценивают, а большие переоценивают. Так, эксперименты, проведенные на семинаре венгерского профессора Ференца Финкеи, показали, что «маленькое время свидетелями оценивается еще меньше, а больше, чем 10 минут, оценивается уже больше, чем оно есть в действительности.., маленькая группа (меньше 10) недооценивается, а большая (20) значительно переоценивается. Точно такую же картину дает оценка расстояния»[2].

---

[1] См. Б. Г. Ананьев, Пространственное различие, Л., 1955, стр. 54—72.

[2] Zehery Lajos, Kolozsvári büntetöjogi szeminárium és kriminalisztikai praktikum, Büaugyiszemle, 1914, old. 337.

Но в буржуазной литературе можно найти и противоположные указания, особенно велики расхождения в установленных порогах, где кончаются недооцениваемые маленькие размеры и начинаются переоцениваемые большие.

Экспериментальные данные показывают, что «линии, видимые под очень малым углом, или, например, очень большие линии оцениваются нами относительно менее точно, чем линии среднего размера»[1]. «Эта неточность имеет определенную тенденцию у маленьких — к преуменьшению, у больших — к увеличению, за исключением настолько больших, которые в поле зрения вмещаются только с большого расстояния, оценка которых дает ошибки опять в сторону уменьшения. Эксперименты Венгера Л. А. по исследованию восприятий отношений также показали, что преуменьшение различия при малой величине отношений между объектами и преувеличение при большой величине отношений» оказались действительными для каждого испытуемого, но при этом грань между теми отношениями, при которых наступает преуменьшение различия, и теми, которые ведут к его преувеличению, для разных испытуемых различна. Это объясняется, очевидно, типологическими особенностями[2]. Но здесь кроме типологических особенностей большую роль играют, видимо, и навыки, особенно профессиональные. Для ювелира, очевидно, ниже будут грани, где наступают преуменьшения и преувеличения в оценке веса, чем у носильщика. Вот почему тщетными оказались попытки буржуазных исследователей криминальной психологии установить абсолютно эти грани. Следователю полезно знать о существовании такой закономерности. Это в некоторой мере может ориентировать его об ожидаемых ошибках в показаниях о маленьких или больших величинах и количествах, а также способствовать правильной оценке содержащихся в показаниях данных о них; но при этом нужно учесть индивидуальные особенности допрашиваемого и не какие-то абсолютные, общие для всех грани.

В буржуазной литературе о криминальной психологии широко трактуется также зависимость видимой ве-

[1] С. В. Кравков, Глаз и его работа, М.—Л., 1950, стр. 415.
[2] См. Л. А. Венгер, Восприятие отношений, канд. диссертация, Л., 1955, стр. 84.

личины предмета от его цвета. При этом делаются идеалистические выводы о непознаваемости величины и о недостоверности показаний о ней. Советские ученые доказали, что видимая величина предмета в некоторой мере в действительности зависит от его цвета[1], но только в небольшой, с нашей точки зрения не имеющей значения мере.

В буржуазной литературе о психологии свидетельских показаний чрезвычайно большое внимание уделяется явлению так называемой зрительной иррадиации. Последняя состоит в том, что белые объекты на черном фоне кажутся больше по сравнению с объективно равными с ними черными объектами на белом фоне. В подтверждение этого обычно приводится пример с грабителями, одетыми в светлые костюмы, рост которых потерпевшему кажется намного больше, чем он есть на самом деле. Конечно, имеются случаи преувеличения потерпевшим роста и силы нападавших на него преступников, но причиной этого является не эффект иррадиации, а испуг, страх. Иллюзорное передвигание видимых пределов темных и белых объектов, «расползание» светлых объектов на темном фоне имеют место, «но для объектов, видимых под большим углом зрения, это преувеличение или преуменьшение не имеет никакого практического значения, так как оно слишком мало по сравнению с общей величиной объекта. Иное дело для объектов, видимых под очень малым углом зрения. Здесь «прирост» объекта, являющийся следствием иррадиации, может быть гораздо больше его действительной величины»[2]. Значение данного явления может иметь место в показаниях о размерах весьма маленьких предметов или о предметах, находящихся на значительном расстоянии. Показание о размере жемчужины, виденной на фоне черного бархатного платья или черного галстука, может быть значительно преувеличено. Девушка в черном платье кажется изящнее и выше, чем в белом, но не настолько, чтобы это повлияло на показание о ее росте и особенно на ее опознание.

---

[1] См. Р. А. Каничева, Восприятие величины цветных объектов, «Труды Государственного института им. Бехтерева», т. 9, 1939.

[2] Б. М. Теплов, Пространственные пороги зрения, «Зрительные ощущения и восприятия», М.—Л., 1935, стр. 212—213.

Способность глаза сравнивать пространственные величины называется глазомером. Он может достичь большой точности, особенно при профессиональной тренировке. Разностный порог глазомера при сравнении линии очень низок, и разница замечается, даже если она достигает $^1/_{60}$—$^1/_{100}$ части. Так же хорошо отличаются поверхности. Замечено, что один диск больше другого, если площадь одного больше другого на $^1/_{50}$—$^1/_{60}$. Чрезвычайно точно вопринимаются малейшие надломы и изгибы прямых, а также соотношение пропорции их фигур. В оценке пропорциональности линии мы чувствительнее к изменениям длины, чем при оценке линий, даваемых изолированно[1]. Этим объясняется, что показание о том, что от такой-то вещи отрезали какой-то кусок, при проверке окажется достоверным, хотя отрезок настолько мал, что его отсутствие, на первый взгляд, незаметно. Такая тонкость глазомера при различении пропорций у лиц, занимающихся рисованием, в 9 раз превышает эту способность у лиц, не занимающихся им[2]. Поэтому, если речь идет о глазомере, во время допроса необходимо выяснить, не обладает ли допрашиваемый способностью рисовать. Такие лица не только подмечают пропорциональные различия, но и запоминают их, и им часто легче нарисовать форму какого-то предмета, например фасон платья и даже портрет, чем рассказать о нем. Практика знает немало случаев, когда такие зарисовки допрашиваемого приобретали в деле большое доказательственное значение.

Глазомер при всей его точности допускает некоторые постоянные ошибки. Кроме упомянутой выше тенденции следует отметить также тенденции преувеличивать большие, преуменьшать малые величины и переоценивать вертикальные линии по сравнению с горизонтальными. С этим нужно считаться при оценке некоторых показаний о пространственных восприятиях.

Слуховые пространственные восприятия также довольно часто фигурируют в показаниях. Нас иногда интересует, с какого направления, с какого расстояния

---

[1] См. С. В. Кравков, Глаз и его работа, М.—Л., 1950, стр. 415—416

[2] См. В. И. Кириенко, Исследования основных способностей к рисованию (оценка пропорций), «Известия АПН РСФСР», вып. 13, 1949.

слышал свидетель, потерпевший и иногда обвиняемый крик, звуковые сигналы и т. д. Чтобы знать, насколько надежны восприятия такого рода, насколько правдивы и достоверны показания, необходимо иметь некоторые сведения о процессе и возможностях слуховых пространственных восприятий.

Исследования, произведенные с целью определения направления звука, показали, что «с наибольшей легкостью определяются правое (96,8%) и левое (89,6%) направления, но оказывается все же на первом месте правое направление при всех длительностях и громкостях. Переднее направление тоже дает высокий уровень правильных ответов (83,0%), но с ним смешиваются остальные два (заднее и верхнее). Трудность определения направления резко возрастает при переходе к заднему (34,6%) и верхнему (36,2%) направлениям, причем верхнее определяется хотя незначительно, но точнее заднего»[1]. Все экспериментаторы нашли, что большинство испытуемых лучше локализуют звук, идущий справа, чем слева[2]. Это может дать и для нас некоторый ориентир при оценке показаний о направлении звука, достоверность которого более вероятна, если звук шел справа. Нужно отметить, что средняя ошибка в определении направления звука при экспериментальных условиях очень невелика и составляет всего лишь 4,6%[3]. Такое отклонение в показаниях от действительности было бы для нас вполне приемлемым, но, к сожалению, в повседневной жизни на определение направления звука отрицательно воздействует очень много условий. На первом месте из них нужно отметить отражение звука твердыми предметами. Это приводит к тому, что особенно в городских и горных условиях звук мы воспринимаем не со стороны источника, а со стороны звукоотражающего предмета. Это подчеркивает важность фиксации на допросе всех условий восприятия звука в тех случаях, когда пред-

---

[1] С. Е. Драпкина, Влияние соотношения длительности и громкости звука на его локализацию, «Вопросы психофизиологии и клиники чувствительности», Л., 1947, стр. 78.

[2] См. М. С. Неймарк, Слуховые ассиметрии в пространственном восприятии, «Ученые записки ЛГУ», № 185, серия философских наук, вып. 6, 1954.

[3] См. Ю. А. Кулагин, Попытка экспериментального исследования восприятия направления звучащего предмета, «Вопросы психологии» 1956 г. № 6.

полагается провести следственный эксперимент. Иногда только после проведения следственного эксперимента можно судить о значении показания по делу.

По делу об убийстве требовалось установить точное время совершения преступления. Один свидетель заявил, что он слышал крик женщины в лесу ночью, и точно назвал время, но показал совсем на противоположную сторону, чем та, где был найден труп. Произведенным следственным экспериментом было установлено, что на месте, указанном свидетелем, где он слышал крик, высокий голос женщины с места, где был найден труп, слышится с противоположного от источника направления. Впоследствии подтвердилось показание свидетеля относительно времени восприятия крика, что явилось важным доказательством по делу.

Экспериментами доказано также, что низкие звуки локализуются точнее, чем высокие[1]; что представляющие большой криминалистический интерес направления шумов или звуков, сопровождающихся шумами (выстрел, шорох и т. д.), определяются лучше, чем направления чистых тонов и гармоний[2], и что «по характеру звуков самые верные показания дает громкая речь — на 122 показания только 17 ошибок, шепот на 35—7, чекан на 59—32, гармоника на 53—23, колокольчик на 86—23»[3]. Практически можно считать, что чем громче звук, тем он лучше локализуется.

Показания о слышанных звуках очень часто содержат данные о положении тела воспринимающего субъекта во время восприятия. Это имеет немаловажное значение, и если в свободном рассказе допрашиваемого не содержится таких сведений, то рекомендуется задать ему вопросы для выяснения их. Дело в том, что, как видно из приведенных экспериментальных результатов, для точности восприятия направления звука не безразлично, куда был повернут лицом воспринимающий звук субъект, потому что это имеет решающее значение для определения того, находился источник звука справа или слева, спереди или сзади. Допрашиваемые часто пока-

---

[1] См. С. Е. Драпкина, цит. работа.

[2] См. В. В. Белоголовов, О слуховой ориентации в пространстве, «Журнал ушных, носовых и горловых болезней» 1925 г. № 7—8, стр. 464.

[3] Б. Г. Ананьев, цит. работа, стр. 81.

зывают, что звук слышали лежа в постели или на лужайке. Если требуется установить направление звука, следует выяснить у допрашиваемого и позу, в которой он находился, потому что лежачее положение нарушает ориентацию по звуку, за исключением лежания на животе.

Ошибочность свидетельского показания о направлении и источнике звука может быть вызвана тем, что субъективно место слышимого звука всегда смещается по направлению к видимому объекту, способному издавать этот звук[1]. Рубинштейн, впервые заметивший данное явление в зале заседаний, наблюдал, что если он смотрел на висящий в зале репродуктор, то слышал голос оратора, как исходящий из репродуктора, если же он разглядывал докладчика, тотчас же звук перемещался и шел прямо от того места, где стоял докладчик[2]. Свидетель таким образом может допустить ошибку в своих показаниях, считая, что слышал звуковой сигнал виденного им транспортного средства, хотя звук исходил от другого, может быть находящегося вне поля зрения его, средства передвижения.

Подобные ошибки возможны прежде всего тогда, когда источниками звуков являются технические средства. Возможности перепутать по этой причине говорящих или играющих на каком-либо инструменте лиц маловероятны, потому что в этих случаях мы воспринимаем движения рта, рук и жесты человека.

Иногда, особенно в связи с оценкой показаний о месте выстрела, возникает сомнение относительно того, дает ли короткое звучание возможность определить на слух направление. Эксперименты Драпкиной показали, что по точности локализации в зависимости от длительности варьирований бывает немного[3].

Есть некоторые возможности определить по звуку не только направление, но и расстояние. Вопросы, связанные с оценкой расстояния на слух, довольно часто фигурируют на допросах. Это «происходит, очевидно, путем

---

[1] С. Л. Рубинштейн, цит. работа, стр. 222.

[2] Наблюдение Рубинштейна подтвердилось и при экспериментальной проверке (см. Ю. А. Кулагин, Попытка экспериментального исследования восприятия направления звучащего предмета, «Вопросы психологии» 1956 г. № 6).

[3] С. Е. Драпкина, цит. работа, стр. 78.

оценки силы звука, причем эта оценка может производиться только для источников, знакомых по силе и тембру для наблюдателя»[1]. Показания о расстоянии неизвестных допрашиваемому звуков не отличаются точностью, в этих случаях громкие звуки воспринимаются как более близкие, а тихие — как более удаленные[2].

С увеличением расстояния от источников звука определение его по слуху выигрывает в своей правильности. В экспериментах Элькина и Тагамлицкой, например, ошибки при определении расстояния от звучащего свистка, находящегося от испытуемых на расстоянии 4 м, составили 21,2%, на расстоянии 8 м — 18,7%, 16 м — 5,6%, 20 м — 3,5%. Это явление, однако, не наблюдалось на очень большом расстоянии[3].

При определении расстояния по звуку наблюдается то же явление, что и при его определении на глаз, т. е. большие расстояния чаще всего недооцениваются, а небольшие переоцениваются. При этом оказалось, что сильные звуки дают минимальную ошибку на большом расстоянии, а слабые — на незначительном[4].

Вопросы восприятия времени так же часто фигурируют на допросах, например, когда имел место тот или иной факт, сколько времени продолжалось определенное действие или явление. Подобные вопросы возникают при расследовании любого преступления. Проверка алиби обвиняемого немыслима без выяснения вопросов, связанных с восприятием времени. Все это говорит о большом значении для следователя сведений о восприятии времени. Нередко требуется установить длительность какого-то явления, иногда время начала или окончания его или быстроту и последовательность данного явления.

«Под восприятием времени нужно разуметь отражение в человеческом сознании длительности, быстроты и последовательности явлений объективного бытия, действующих на органы чувств в настоящем, а в некоторых

---

[1] С. Н. Ржевский, цит. работа.

[2] См. С. Е. Драпкина, Особенности различения расстояния на основе восприятия звука, «Вопросы детской и общей психологии», М., 1954.

[3] См. Д. Элькин и Р Тагамлицкая, Определение расстояния по звуку, «Журнал ушных, носовых и горловых болезней» 1939 г. № 3, т. 16.

[4] См. Д. Элькин и Р. Тагамлицкая, цит. работа.

случаях действовавших в прошлом или предполагаемых в будущем»[1].

Время, которое должно быть установлено на допросах по различным уголовным делам, также может относиться как к прошлому, так и к настоящему и будущему. Первые два общеизвестны. Когда же мы на допросе выясняем у свидетелей, знакомых с подозреваемым, куда он пошел, какие действия или поездки запланировал, и на основе этого делаем вывод о том, где и когда ожидается его появление, и принимаем соответствующие розыскные мероприятия, то устанавливаем третье.

Восприятия времени, ставшие предметом исследования на допросе, могут относиться к большим промежуткам — годы, месяцы, как это часто бывает при расследовании дел о хищениях социалистической собственности, но иногда они исчисляются только минутами и даже секундами. Например, при расследовании дела о столкновении поезда с автобусом у открытого шлагбаума возле станции Ракош (вблизи Будапешта) 13 февраля 1952 г. чрезвычайно важно было установить, что авария имела место в 13 час. 36 мин. или в 13 час. 40 мин. По сведениям, которыми располагало следствие, основанным на свидетельских показаниях, столкновение имело место в 13 час. 36 или 37 мин.— это было важным доказательством, уличающим служащего железной дороги, давшего сигнал о прибытии поезда блокпостам только в 13 час. 40 мин., т. е. после катастрофы.

Восприятие времени, по Скворцову К. А.[2], происходит путем хронометрии, хроногнозии и хронологии.

Хронометрия — это опосредствованное восприятие времени через восприятие работы средств, служащих для его измерения, например часов. Хроногнозия — непосредственное переживание длительности явлений, а хронология — это такое переживание времени, которое получает свое объективное выражение в тех природных

---

[1] Д. Элькин, Восприятие времени, канд. диссертация, 1949, стр. 58.

Экспериментальные результаты, а также ее теоретические выводы взяты за основу при написании данного раздела работы.

[2] См. К. А. Скворцов, О расстройствах восприятия времени у душевнобольных, «Советская невропатология, психиатрия, психигигиена», т. XV, 1936.

(дни и ночи, времена года и т. д.) и общественных явлениях, в рамках которых оно происходит.

На допросах, связанных с показаниями о времени, чрезвычайно важно выяснить, на каком виде восприятия они покоятся. В случае необходимости уточнения показаний о времени следует проверить, нет ли возможности свести один вид восприятия к другим. Так, если свидетель рассказывает, что подозреваемый провел у него ночь, пришел вечером и ушел утром, т. е. дает показание о хронологически воспринятом времени, целесообразно задать вопросы, смотрел ли свидетель на часы в момент прихода, перед или после прихода или ухода данного лица, не помнит ли, что передавали по радио, какие события предшествовали приходу или уходу и не могут ли они быть хронометрически определены и т. д.

При восприятии времени наблюдаются некоторые из тех же закономерностей, которые мы отмечали у пространственных восприятий.

а) Значительные промежутки времени недооцениваются, а непродолжительные переоцениваются. Например, движение с продолжительностью в 3″ переоценивалось 100% испытуемых, в 15″ — только 40% и 50% недооценивалось, и эта картина стала разительнее при исследовании более растянутых промежутков времени.

б) Значительная длительность после небольшой кажется больше, небольшая же после значительных воспринимается как меньшая. Причем эта картина наблюдалась Элькиным у всех без исключения испытуемых. Такое же явление отмечается при восприятии быстроты. После восприятия большой быстроты другая кажется более медленной, после восприятия значительной медленности всякое другое движение кажется более быстрым.

Все это свидетельствует о том, что на допросе следует выяснить те навыки (например, профессиональные, спортивные, музыкальные), которые могут повлиять на то, что какие-то промежутки времени для допрашиваемого могут казаться большими и какие-то малыми. Также надо выявить условия восприятия; что воспринималось сначала, что — потом, какие восприятия могли повлиять на оценку длительности времени. Все это должно быть учтено и при оценке показаний.

Восприятие времени осуществляется не одним ка-

ким-либо органом ощущения, ибо нет специального анализатора времени. В его восприятии участвует совокупность наших органов ощущения. Если следователю нужно установить длительность каких-то быстротечных событий, то рекомендуется поступать следующим образом: взять в руки секундомер и предложить допрашиваемому в своем воображении как бы заново пережить данное событие, причем начало и конец сигнализировать, например, постукиванием карандаша по столу. После измерения этой длительности допрашиваемому задается вопрос, как он оценивает данный промежуток времени в секундах. Такая методика дает объективную картину о длительности времени и в то же время ориентирует следователя о способностях допрашиваемого выражать свои восприятия времени в единицах измерения времени. Нельзя признать правильным порядок, при котором вначале задают вопрос допрашиваемому о прошедшем времени, а только потом производят своеобразный следственный эксперимент, чтобы установить, может ли он вообще определять длительность времени. Если, например, свидетель заявляет, что слышал, два выстрела, а нас интересует, сколько времени прошло с момента первого выстрела до второго, нужно предложить показать это постукиванием по столу и измерить секундомером и только потом попросить определить его этот интервал в секундах. В противном случае может получиться так, что допрашиваемый скажет, например, что между двумя выстрелами прошло 4 мин., и когда мы попросим его это продемонстрировать, чтобы убедиться в том, может ли он определить 4 мин., то он действительно будет стараться продемонстрировать нам сказанную им длительность, а не длительность времени между двумя выстрелами. Такой метод проверки показания не препятствует проведению позднее следственного эксперимента с целью установления способности субъекта вообще определять длительность и выражать в единицах измерения времени.

Правильной оценке длительности на слух способствует ритмичный характер звукового раздражителя. Чувство ритма особенно развито у людей, занимающихся музыкой. Оно может играть роль не только в определении длительности, но и количества повторяющихся звуковых раздражителей, например выстрелов. Селиг сооб-

щает о таком эксперименте. Во время занятия в соседнем помещении было произведено 5 выстрелов в течение 3 сек., причем по ритму 1—4, т. е. вначале один, потом после небольшого интервала четыре быстро, друг за другом. Из 16 студентов, присутствовавших на занятиях, только 5 дали точный, соответствующий действительности ответ. Из них двое сказали, что основой показаний является ритм. Оба занимались музыкой[1]. В подобных случаях всегда рекомендуется спросить у свидетеля, занимается ли он музыкой. При наличии расхождений между показаниями разных свидетелей предпочтение, как правило, отдают музыкально одаренному человеку.

Иногда предметом допроса является время, проведенное во сне. Ориентировка во времени в отдельных случаях достигает очень большой точности во время сна: многие привыкли вставать в определенное время, просыпаются точно в намеченное время. Однако сон, заранее «не запланированный», плохо поддается учету. В этом случае человек часто понятия не имеет, спал ли он всего несколько минут или полчаса, час. Особенно расстраивается ориентировка во времени при неожиданном просыпании. Показания потерпевших, например о времени ночного налета, если они были разбужены грабителями и не имели возможности посмотреть на часы, очень неточны.

В восприятии времени большую роль играет мышление. Так, Сеченов писал: «Продолжительность явлений мы чувствуем, ибо различаем в кратковременных из них начало, середину и конец. Но нет человека на свете, который различал бы непосредственно чувством степени продолжительности явлений за пределами секунд, а мыслим мы не только минутами, но годами и столетиями — и, конечно, опять в одеянии, чужом чувствованию»[2].

Осмысленность временных восприятий проявляется во многих их свойствах. Таким является их константный характер, т. е. при изменении некоторых обстоятельств они сохраняют свое постоянство.

Студент воспринимает 45 мин. занятий именно как 45 мин. независимо от того, являются ли они скучными

---

[1] Sellig Ernst, Die Ergebnisse und Problemstellungen der Aussageforschung, s. 407.

[2] И. М. Сеченов, Элементы мысли, М., стр. 180.

или живыми. Осмысленность восприятия проявляется и в большой роли, которую в нем играет сравнение. Особенно большое значение оно имеет при восприятии длительного промежутка времени. Сравнение невозможно без анализа. Он выступает на первый план, когда оценка длительности явления или его локализации во времени, особенно в прошлом, представляет значительную трудность. Из данных, добытых экспериментальным путем, можно сделать ряд важных с точки зрения тактики допроса практических выводов.

Следователь должен установить на допросе, каким путем пришел допрашиваемый к выводу о временной локализации и длительности события прошлого. Знание возможных путей и способов облегчает следователю эту работу. Важность выяснения таких путей подчеркивается, с одной стороны, тем, что это дает возможность проверить факты, положенные в основу оценки времени прошлого, и оценить правильность выводов допрашиваемого, а с другой — нельзя забывать и о том, что доказательственное значение имеют как раз эти факты, а не те умозаключения, которые были сделаны допрашиваемым на их основе.

Знание следователем путей выведения заключения о временной локализации и длительности события прошлого имеет значение и с точки зрения оказания помощи допрашиваемому в мобилизации памяти и определении времени прошлого. Следователь может оказать помощь допрашиваемому в определении длительности прошлого путем анализа. Таким образом оказывается помощь в вычислении тех компонентов прошлого, определение длительности каждого из которых не представляет такой трудности, как определение длительности целого. Например, если допрашиваемый заявляет, что встреча, которая нас интересует, состоялась днем, но в котором часу, точно не помнит, следователь может помочь ему определить время путем анализа следующим образом. Он предлагает допрашиваемому составить соответствующий «расчет» времени с того последнего момента, время которого ему точно известно, до момента, время которого он желает установить. Допрашиваемый, например, помнит, что ушел из дома примерно в половине одиннадцатого и сразу пошел в универмаг, но тот оказался еще закрытым. Подождал до открытия.

Ровно в 11 зашел узнать, получены ли холодильники. Их не оказалось, и он ушел. На это потребовалось примерно 5 мин. Из универмага он пошел в библиотеку. На дорогу потратил 20 мин. В библиотеке сдал книги, полученные по абонементу, и взял несколько новых. На это потребовалось примерно полчаса. Потом посидел в сквере и читал одну из взятых в библиотеке книг. Читал примерно час. После этого пошел в столовую, на дорогу ушло 5 мин. У кассы в очереди стоял 10 мин., за столом ждал примерно 20—25 мин., ел 10—15 мин. Вышел из столовой и встретился с интересующим нас лицом. Значит, после 11 час. прошло 5+20+30+60+5+10+20—25+10—15 мин., т. е. всего 165—175 мин., и встреча состоялась примерно в 13 час. 45 мин. — 13 час. 55 мин.

Временные ориентиры обычно разделяются на начальную точку отсчета, от которой ведутся промежуточные, и упираются в конечную, до которой ведется отсчет. Выбор точки отсчета времени зависит от самого оцениваемого явления, от отношения допрашиваемого к этому явлению и от индивидуальных особенностей, интересов, профессиональных и иных привычек дающего показания.

Изучение вопросов, связанных с выбором точек отсчета времени, чрезвычайно важно с точки зрения тактики допроса. Точки отсчета времени всегда должны быть выяснены на допросах, потому что они являются опорными пунктами при проверке показаний, связанных с восприятием времени. Как они могут быть использованы для этого, проследим на примере.

В марте 1956 года был арестован вор-рецидивист Б. Органы милиции небольшого города, арестовавшие его, решили выставить в витрине одного из магазинов изъятые у Б. при обыске вещи. Потерпевшие, увидев свои вещи, друг за другом являлись в милицию, причем среди них были и те, кто в свое время не заявлял о краже у них вещей. И в то же время явились несколько граждан, которые заявили, что среди выставленных вещей узнали полотенце, принадлежавшее раньше Л., убитому неизвестным преступником 16 ноября 1954 г. Обвиняемый на допросе заявил, что Л. он никогда не знал, а полотенце находится в его хозяйстве более двух лет, ибо оно осталось у него от первой жены, с которой он развелся еще в апреле 1954 года. Сожительница обвиняемого М. заявила, что полотенце находится в хозяйстве у них только

с начала 1955 года, когда она возвратилась из поездки к своим родителям и впервые увидела это полотенце.

При проверке указанных точек отсчета времени оказалось, что бывшая супруга никогда не видела раньше этого полотенца и что М. поехала к своим родителям на шесть недель 22 ноября 1955 г. Значит, полотенце могло появиться в хозяйстве не только в начале января, а в срок от 22 ноября до начала января. Это предположение подтвердилось на следствии, и полотенце стало важным вещественным доказательством по делу.

Опытные преступники иногда до совершения преступления или чаще всего после этого, но до ареста готовятся к доказыванию своего алиби. Преступник в предыдущее или последующее за преступлением время проводит часть дня с лицом, находящимся вне подозрения. Они рассчитывают на то, что с течением определенного времени этот человек, не запомнив дату встречи, будет давать одинаковые с ним показания и подтвердит алиби. Так часто и бывает. Обвиняемый рассказывает, например, что он вместе ужинал с гр-ном А. в тот вечер, когда было совершено преступление. Вызванный на допрос в качестве свидетеля А. подтверждает это. Если свидетель добросовестный, то иногда ему достаточно задать вопрос о точке отсчета времени в форме, например: «Вы точно помните, что ужин состоялся на прошлой неделе, именно во вторник, а не в понедельник или в среду, или в другие дни?» — и свидетель сам приходит к выводу об ошибочности показания. В одном случае, например, свидетель утверждал, что он был вместе с обвиняемым 23. Когда ему задали дополнительный вопрос, выяснилось, что 23 был понедельник, а по понедельникам он вечерами всегда занят, и с обвиняемым был вместе не в понедельник, а во вторник.

Если есть подозрение, что свидетель недобросовестный, что он сговорился с обвиняемым, то еще точнее нужно выяснить, зафиксировать и проверить все точки отсчета времени. Это — надежный метод разоблачения такого лжесвидетеля. Так, по делу о грабеже допрошенный в феврале 1958 года свидетель Н. заявил, что хорошо помнит, что с обвиняемым гулял на берегу Дуная примерно от 7 час. 30 мин. до 8 час. 30 мин. в тот день, когда было совершено ограбление, а потом пошли в бар. День хорошо запомнил потому, что был день его рож-

дения, а час потому, что приехали с поездом в 19 час. 10 мин. из города, где вместе работали. Обвиняемый давал точно такие же показания. Проверка этих точек отсчета времени показала, что у свидетеля действительно был день рождения в тот день, и нет ничего удивительного в том, что он хорошо помнит и дату и все события в тот день. Полученная с вокзала по телефону справка подтвердила, что поезд из интересующего города прибывает в 19 час. 10 мин. В то же время следователь располагал все большими данными, уже уличающими не только обвиняемого, но и Н. в совершении ограбления. Следовательно, надо было проверить, где они были именно в 18 час. 30 мин.— 18 час. 40 мин., когда преступление было совершено: если они находились в поезде, то не могли совершить преступление. Проверка расписания поездов на вокзале показала, что вечерний поезд в данное время действительно прибывает в 19 час. 10 мин., но в день совершения преступления действовало еще летнее расписание и поезд прибыл на час раньше. Это свидетельствовало о том, что Н. и обвиняемый заранее сговорились о даче ложных показаний.

Изучение выбранных точек отсчета времени дает возможность оценивать достоверность показаний.

Значение знания следователем вопросов, связанных с выбором точки отсчета времени, этим еще не исчерпывается. Следователь должен уметь оказать помощь добросовестному свидетелю в выборе точки отсчета времени, когда он сам желает проверить, правильно ли он вспомнил какую-то дату или длительность времени. В такой помощи иногда нуждаются и обвиняемые, особенно если они решили честно рассказать обо всем, что интересует следователя. Знание следователем временных ориентиров, могущих быть точками отсчета времени, и своевременное упоминание о них на допросе могут убедить обвиняемого в бессмысленности дачи ложных показаний. Чрезвычайно большое тактическое значение имеет оказание помощи со стороны следователя допрашиваемому в выборе точки отсчета времени, если он не может этого сделать сам и заявляет, что не помнит и не может припомнить времени интересующих следствие событий.

Тактически правильно оказанная в данном случае помощь часто приводит к тому, что вспоминают даже

такие данные, о которых допрашиваемый думает, что он их полностью забыл, и такая помощь может быть оказана без внушения со стороны следователя, что особенно подчеркивает доказательственное значение восстановленных таким путем в памяти дат и других данных.

В экспериментах Элькина испытуемые при выборе явлений в качестве точек отсчета времени избирали события, которые хорошо помнятся (100%), локализируются во времени (96%), значительные (89%), близкие к явлению, о котором идет речь (66%), и которые связаны с яркими представлениями (71%). Такими же должны быть и точки отсчета, предлагаемые следователем в помощь допрашиваемому. Для этого следователю необходимо изучить жизнь допрашиваемого и узнать, какие у него есть события, знаменательные даты в личной жизни, на работе, праздники, которые могут быть предложены ему в качестве точек отсчета времени и опоры для мобилизации памяти. При этом нужно учитывать индивидуальные особенности допрашиваемого. У одного большой интерес вызывают, например, футбольные игры, у другого они не занимают места, у колхозника хорошо запоминаются события, связанные с ходом сельскохозяйственных работ, у студента — дни экзаменационной сессии и пр. О большом разнообразии таких точек отсчета времени свидетельствуют примеры из практики расследования.

Так, по делу об убийстве З. свидетель-тракторист А. сообщил, что он видел, когда П. и еще некоторые мужчины стояли в комнате З., кричали на нее, вывели на улицу и повели куда-то в сторону сельсовета. На вопрос, «когда же произошел этот случай», свидетель ответил: «Это было осенью 1951 года перед религиозным праздником «Михаила», более точно я назвать дату не могу»[1]

Помощь со стороны следователя может иметь место и в случаях, если время определяется не путем выбора ориентира, а иным способом.

Следователь может оказать помощь в воспроизведении допрашиваемым в памяти уже ранее подсчитанной длительности. В последнем случае нужно спросить

---

[1] «Следственная практика», вып. 38, стр. 91.

у допрашиваемого, не подсчитал ли он раньше длительность, если да, то когда и с какой целью, запомнил ли он результат подсчета непроизвольно или с определенной целью, не фиксировал ли в свое время сам подсчет или результат письменно, не остались ли такие записи и не сообщал ли он устно или письменно кому-нибудь о своих подсчетах, может ли он сейчас вспомнить, из каких компонентов слагались в свое время эти подсчеты.

Следователь может оказать помощь в определении длительности времени и в том случае, если оно происходит путем сравнения. В таком случае следователь помогает вспомнить соответствующие события с известными допрашиваемому по длительности времени, которые могут быть объектами сравнения. Однако здесь нужно проявлять большую осторожность, чтобы не внушить соответствующий ответ допрашиваемому. Если следователь задает вопрос так, что из него свидетелю видно его мнение, то это оказывает отрицательное влияние на свободное течение его мыслей и может отрицательно повлиять на правдивость показаний допрашиваемого. Особенно внушающее действие оказывает такого рода вопрос, который содержит только один вариант сравнения, или если есть и несколько вариантов, но из них приемлем только один, а остальные явно не подходят для сравнения. Объектами для сравнения лучше всего выбирать длительность действий, хорошо знакомых допрашиваемому. Например, домохозяйке, не могущей определить длительность какого-то, имеющего для следствия значения разговора, можно задать вопрос о том, хватило бы времени разговора, чтобы сварить яйцо или испечь торт и т. д.

Представители буржуазной криминалистической психологии большое внимание уделяют вопросу о влиянии внимания на восприятие времени. Они, как и буржуазные психологи вообще, не могли прийти к единой точке зрения по этому вопросу. Одни считали, что сосредоточение внимания на течении времени ухудшает его восприятие, другие утверждали обратное; одни считали, что внимание ведет к переоценке, а другие — к недооценке длительности времени[1]. Такое расхождение есть

[1] См. Д. Г. Элькин, Восприятие времени, «Психологическая наука в СССР», М., 1959, стр. 198.

следствие неправильной методики экспериментов и недифференцированного подхода к испытаниям.

Правильно поставленные эксперименты советского ученого Д. Г. Элькина привели к выводу, что сосредоточенность внимания является важной предпосылкой точности восприятия у лиц, обычная деятельность которых требует тонкой дифференциации времени, как, например, у фотографа, выдерживающего определенную экспозицию, у физкультурника, от которого требуется определенный темп движения, но только в рамках интервалов времени, соответствующих их обычной деятельности. В остальных случаях к сосредоточенности внимания на течении времени присоединяется состояние ожидания, что приводит обычно к ошибкам в сторону его переоценки. Это и нужно учитывать при оценке показания о длительности какого-то времени, если во время восприятия внимание допрашиваемого было сосредоточено именно на течении этого времени, когда он ждал наступления конца какого-то промежутка или хотел совершить какое-то действие в рамках соответствующего интервала времени.

Еще большее практическое значение для следователя имеет знание закономерностей влияния эмоций на точность восприятия времени. Совершение преступления обычно вызывает у преступника возбуждение, у потерпевшего боль, у свидетеля возмущение и негодование — словом, мало кто безразлично наблюдает за преступными действиями. Отрицательные эмоции «растягивают» временные промежутки: чем неприятнее пережитое, тем более медленным представляется его течение, тем более длительным кажется оно в воспоминании, и наоборот, чем приятнее пережитое, тем более стремительным кажется его течение, тем более коротким его длительность[1]. В экспериментах Шеваревой простое обтирание лица холодным платком в жаркое время года повышало точность оценки небольших интервалов времени[2], а в экспериментах Элькина 95% испытуемых недооценивали время, потраченное на чте-

---

[1] См. Н. Марин, Влияние чувствований на течение времени, «Вопросы философии и психологии», кн. 27, 1897.

[2] См. В. К. Шеварева, Оценка временных промежутков в разных условиях, «Известия АПН РСФСР», вып. 8, 1947.

ние рассказа Горького, и 90% переоценивали объективно такое же время, но затраченное на чтение словаря.

Следователь может воспользоваться этими сведениями, определяя тактику допроса и при оценке его результатов. С одной стороны, он должен выяснить те эмоциональные факторы, которые могли повлиять на восприятие времени допрашиваемым, с другой — должен учесть эти факторы при оценке показаний. Показания потерпевших о длительности совершения преступления в преобладающем большинстве носят характер переоценки. Такой же характер носят и показания свидетелей, с негодованием наблюдавших за преступными действиями. Более адекватные данные содержатся в ответах на вопросы, относящиеся не к самому факту совершения преступления, а направленные на выяснение других интересующих следствие факторов.

С восприятием времени тесно связано и нередко является предметом допроса восприятие скорости. Часто задают вопросы о скорости на допросах при расследовании дел о транспортных происшествиях и авариях на производстве. Причем подозреваемому или обвиняемому такие вопросы задаются обычно относительно показаний спидометра, а другим — относительно непосредственного восприятия скорости.

Если предмет движется очень медленно, мы не в силах заметить движение. Минимальная воспринимаемая скорость равна 1—2 угловым градусам в сек., причем она тоже только тогда воспринимается, когда перемещающийся предмет находится на фоне других неподвижных предметов.

Вопросы о восприятии таких минимальных скоростей могут возникать при расследовании дел о несчастных случаях на производстве, где медленное и незаметное перемещение (скольжение) некоторых деталей или целых машин может привести к внезапному нарушению равновесия и к аварии.

Очень большие скорости тоже не воспринимаются. Точка, движущаяся с очень большой скоростью, кажется линией, спицы быстро вращающихся колес не воспринимаются. Максимальная воспринимаемая скорость в зависимости от яркости движущегося предмета составляет 1,4—3,5 углового градуса в 0,01 сек. Экспе-

риментальным путем и соответствующим перерасчетом всегда можно вычислить скорость в км/час, если в этом есть необходимость, на основе таких показаний, в которых говорится о скорости движения каких-то деталей, форма которых не была уже воспринимаема. Отметим, что скорость летящей пули всегда превышает воспринимаемую глазом скорость и поэтому показание о якобы виденном направлении полета пули всегда неправдоподобно.

В практике допроса в ряде случаев возникают вопросы, связанные с воспринимаемыми скоростями. Показания допрашиваемых о скоростях, как правило, чрезвычайно неопределенны и неточны. По упомянутому ранее делу о столкновении поезда с автобусом, например, одни свидетели показали, что автобус ехал «очень медленно», другие утверждали, что «со скоростью медленно идущего человека», а третьи говорили, что «с быстротой в 5—10 км в час». Еще менее определенной кажется скорость, превышающая обычную, привычную. В литературе обычно указывают, что водители, работники транспорта хорошо определяют скорость движения транспортных средств. Практика показала, что такие лица действительно лучше определяют скорость, чем люди, не работающие на транспорте, но они, привыкшие оценивать скорость, сидя в движущемся транспортном средстве, оказываясь свидетелями и воспринимая скорость не в самом транспортном средстве, а вне его, стоя или передвигаясь пешком, часто ошибаются. Обычно более правильно водители оценивают скорость тех транспортных средств, которые перегнали их машину или которые они обогнали сами.

Предметом допроса часто является восприятие речи. Оно не сводится только к слуховому ощущению звуков. В речи воспринимаются содержащиеся в ней мысли. Вот почему не воспринимается, например, речь на незнакомом воспринимающему языке. Если допрашиваемый не знает хотя бы несколько слов этой речи, он не может ее воспринять, и даже если знаком с некоторыми словами, но не владеет грамматикой, то воспринимает ее неполно. Иногда допрашиваемый дает показание о том, что слышанный им разговор происходил на определенном языке. Вероятность достоверности такого показания тоже тем больше, чем больше он знает этот язык. Но большего,

чем такое показание о речи, непонятной по содержанию, от допрашиваемого ожидать нельзя.

Не воспринимается, например, воровское арго лицом, не понимающим его, не воспринимается также доклад о высшей математике лицом, не знакомым с этой наукой. И тщетными окажутся, как правило, попытки следователя просить припомнить «хотя бы одно слово из слышанной речи». Показание о том, что допрашиваемый слышал непонятную ему речь и при этом уловил и запомнил некоторые непонятные ему слова и даже фразы, неправдоподобно и даже, может быть, является специально подготовленным с целью ввести следствие в заблуждение.

Восприятие и понимание речи взаимосвязаны, не могут существовать друг без друга, составляют единый процесс. В речи воспринимаются физические звуки, но они в ней представлены в определенной системе, соответствующей словарному фонду и грамматике данного языка, и представляют определенное языковое значение. В восприятии речи большое значение имеет восприятие интонации. Воспринимая интонации речи, мы слышим, во-первых, повышение и понижение высоты основного тона речи, во-вторых, расчленение фразы на смысловые куски при помощи ударения и пауз и, в-третьих, выражение просьбы, упрека, изумления, угрозы в тембре речи[1].

В самых общих чертах можно воспринять интонацию и в том случае, если содержание речи не воспринимается, а также интонацию речи на незнакомом языке. Так, бывают свидетельские показания, в которых, например, говорится: «Я слышал, что в соседней квартире ссорились мужчина и женщина, причем мужчина как будто угрожал ей, а она как бы умоляла его». Такому показанию следует придавать значение даже в случае, если свидетель не понял ни одного слова из разговора, происходящего в соседней комнате, и на вопрос следователя в отношении содержания слышанного разговора ничего не может ответить. Интонация речи еще лучше воспринимается тогда, когда к слуховым ощущениям присоединяются зрительные. У говорящего человека речь сопровождается мимикой и выразительными движениями — пантомимой. Поэтому более вероятной является достоверность показания лица об интонации слышанной речи,

---

[1] См. В. А. Артемов, цит. работа, стр. 259.

если он имел возможность и зрительно наблюдать за событиями.

Разбираться в словах, понимать их отдельно еще недостаточно, чтобы понимать речь. «Понятность речи зависит, во-первых, от ее смыслового содержания, во-вторых, от ее языковых особенностей и, в-третьих, от отношения между ее сложностью, с одной стороны, и уровнем развития, кругом знаний и интересов слушателей или читателей, с другой стороны»[1].

Учет указанных обстоятельств особенно важен при допросе свидетелей. Часто бывает, что свидетель хотя и слышал разговор обвиняемых, но не понял и не может показать о нем ничего ценного для расследования. Свидетель при таких обстоятельствах в лучшем случае сообщает, что речь шла о каких-то химикалиях, о каких-то бухгалтерских данных, но конкретно ничего рассказать не может. Это должно быть учтено следователем и при формулировке задаваемых допрашиваемому вопросов. Большим мастерством обладает следователь, который может просто излагать свои вопросы, чтобы они были понятны и малокультурному допрашиваемому.

О смысловом содержании вопроса и даже его языковом оформлении следователь должен помнить всегда: они должны соответствовать уровню развития, кругу знаний и запросов допрашиваемого. При этом нужно помнить, что допрашиваемые иногда стесняются признаваться в том, что не понимают вопроса. Вот почему всегда, особенно в случае сложности вопроса, нужно разъяснить терпеливо его содержание, спросить, понял ли его допрашиваемый, и даже специально поставленным вопросом проверить это. Расстояние, на котором можно понимать речь обычной громкости, зависит прежде всего от ряда факторов, влияющих вообще на слышимость звука, а также от ряда индивидуальных особенностей как лица, произносящего слова, так и лица, воспринимающего их. Речь на родном языке воспринимается на большем расстоянии, чем речь на не родном языке, даже если этим языком хорошо владеет воспринимающее лицо. Один человек произносит речь более понятно, чем другой. Это тоже влияет на качество восприятия. Причем речь хорошо знакомого лица воспринимается на большем расстоя-

---

[1] В. А. Артемов, цит. работа, стр. 259.

нии, чем незнакомого. Особенно большое влияние на восприятие речи оказывает состояние органа слуха воспринимающего лица. Гросс сообщает об опытах Бецолда, в которых из 100 испытуемых в возрасте старше 50 лет не оказалось ни одного, который понимал бы обычную разговорную речь на расстоянии 16 м, и в то же время из 1918 испытуемых школьников в возрасте от 7 до 18 лет 46,5% понимали такую речь на расстоянии 20 м. На расстоянии 16—8 м из лиц старше 50 лет речь поняли только 10,5%, а из лиц 7—18 лет, кроме указанных 46,5%, еще 32,7%[1]. Приведенные сведения показывают, что слышимость и разбираемость речи нужно проверять путем проведения следственного эксперимента, а оценка показаний должна опираться прежде всего на такую проверку. Основным залогом правильности проведения эксперимента является правильно, полно проведенный допрос, в котором фиксируются все данные, имеющие влияние на проверяемое явление, в данном случае на воспринимаемость речи. При этом отметим, что многие лица больше запоминают особенности голоса и речи, чем черты лица. Вот почему при допросах полезно интересоваться, слышал ли свидетель или потерпевший речь подозреваемого или обвиняемого, и даже иногда спросить подозреваемого или обвиняемого, не слышал ли он голоса своих соучастников, и на основе полученных путем допроса данных провести опознание и на вид, и на слух. В практике наблюдаются случаи, когда опознание по особенностям голоса и речи приводило к положительным результатам. Причем проведенное в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства опознание во многом выигрывает в доказательственном значении, если оно проводится вначале на слух, когда опознающее лицо не видит опознаваемого, а потом по чертам внешности, когда предъявленные для опознания лица не разговаривают. Так поступил, например, следователь по делу об ограблении водителя такси. 2 июля 1957 г. ночью явилась в 4-е райотделение милиции г. Будапешта Т.— водитель такси. Лицо и платье у нее были в крови, машина тоже испачкана кровью.

На допросе Т. рассказала, что в машину сел один пассажир и попросил поехать в пригород. Когда приеха-

---

[1] H. Gross, Kriminal-psychologie, Leipzig, 1905, S. 264.

ли в малонаселенную местность, пассажир стал с ней драться, гаечным ключом нанес много ран, вынудил ее выйти из машины, но Т. удалось опять прыгнуть в машину и уехать. На вопрос следователя Т. рассказала, что по дороге она разговаривала с неизвестным пассажиром, рассказала его приметы и заявила, что запомнила его голос и может даже опознать его.

Ограбление было произведено без свидетелей, орудие преступления принадлежало потерпевшей. Ясно, какое значение в общей цепи доказательств, уличающих подозреваемого Д., имело опознание его потерпевшей. Положительные результаты произведенных двух опознаний — одно по голосу, другое по чертам внешности — сыграли большую роль в разоблачении преступника.

Советская психологическая наука, признавая существование индивидуальных особенностей речи различных людей, в то же время выступает против тех буржуазных учений о речи, которые, трактуя речевой процесс как исключительно индивидуальное явление, игнорируют социальную природу языка и речи[1].

В следственной практике мы встречаемся с показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых, в которых излагается содержание ранее имевшего место разговора. Причем иногда он излагается с большой полнотой и точностью, но в то же время допрашиваемый не помнит ни одного слова участников разговора, излагает все слышанное своими словами. Конечно, для расследования дела большое значение может иметь то, если допрашиваемый дословно помнит несколько слов или фраз, но нет оснований не доверять допрашиваемому только на том основании, что слышанное он излагает своими словами.

V

Окружающая нас действительность очень разнообразна. Воспринимать одновременно бесконечное множество разнообразных предметов и явлений невозможно. Поэтому человек выделяет несколько предметов и яв-

---

[1] См. А. Н. Раевский, Психология речи в советской психологической науке за 40 лет, Киев, 1958, стр. 8.

лений, а иногда даже только те из них, которые становятся объектами восприятия.

Следователь, определяя возможный круг свидетелей, должен продумать, кто мог наблюдать данное явление и кто, вероятнее всего, воспринял его. Вот почему важным является вопрос о выявлении свидетелей, о том, как из многообразия окружающей нас среды выделять нужные объекты.

При допросе подозреваемых и обвиняемых нередко возникает вопрос, могли ли они не заметить какого-нибудь факта или же сознательно умалчивают о нем. Решение таких вопросов во многих случаях является ключом к выводу о добросовестности свидетеля и правдивости его показаний. Итак, знание закономерностей выделения предметов и явлений из множества других в качестве объектов восприятия является важным условием правильного выявления свидетелей, правильной оценки показаний как свидетелей и потерпевших, так и обвиняемых, и подозреваемых.

Предмет выделяется из ряда других в зависимости от отношения к нему. Психическая деятельность человека имеет избирательный характер. Она направлена на то, что для личности в данное время имеет наибольшую значимость. Эта направленность и сосредоточенность психической деятельности личности является вниманием. Внимание, по выражению Ушинского, «есть именно та дверь, через которую проходит все, что только входит в душу человека из внешнего мира»[1].

Направленность и углубленность — основные черты, характеризующие внимание. Из того факта, что психическая деятельность личности имеет избирательный характер и направлена на то, что в данный момент имеет для нее наибольшую значимость, можно сделать некоторые выводы в отношении тактики допроса.

Этой закономерностью прежде всего объясняются различия в показаниях разных лиц: то, что имеет значение для одной личности в данный момент, может не иметь никакого значения для другой. Поэтому путем изучения личности, интересов, убеждений допрашиваемых нужно попытаться объяснить расхождения в их показаниях. При наличии возможности рекомендуется допросить

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. соч., т. 10, М., 1950, стр. 22.

о том же факте разных лиц с различными интересами. Нельзя ограничиться одним-двумя допросами, ссылаясь на то, как это на практике, к сожалению, иногда имеет место, что свидетели только повторяют уже известные следователю данные. Они часто повторяют те же, «бросающиеся в глаза» данные, которые, как правило, характеризуют сущность совершенного преступного деяния, но их внимание могут привлечь такие второстепенные, несущественные, случайные для самого преступного действия моменты, которые для них имеют значение ввиду их индивидуальных интересов и могут иметь весьма важное значение для доказательства вины обвиняемого и вообще для расследования преступлений. А. А. Пионтковский пишет: «...в системе собранных следователем доказательств этим обстоятельствам, случайным для характеристики самой сущности совершенного преступного действия, может принадлежать главное, решающее или, во всяком случае, существенное значение при установлении вины определенного лица в инкриминируемом ему преступлении»[1].

Изучение интересующих следователя фактов с точки зрения того, для каких лиц они могут представлять значение, может способствовать и выявлению свидетелей. Установление примерного круга интересов и могущих иметь значение для личности допрашиваемого фактов является основным условием правильного сопоставления контрольных вопросов. Ясно, что если путем допроса нужно проверить определенный факт, например, был ли допрашиваемый в определенной местности, состоялась ли встреча и где, задаваемые в отношении этих обстоятельств контрольные вопросы должны быть направлены на выяснение фактов, имеющих определенную значимость для допрашиваемого. Если, например, относительно обстановки данной квартиры или условий встречи задаются вопросы, касающиеся таких подробностей, которые не могут иметь значения для допрашиваемого, и он не может ответить на них, то это еще не будет опровержением его показаний о посещении им данной квартиры или об участии в данной встрече и т. д.

---

[1] А. А. Пионтковский, К вопросу о теоретических основах советской криминалистики, «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 6, стр. 21.

Значимость предмета, явления для личности может быть обусловлена внешними причинами, особенностями этих предметов, а также интересами, убеждениями самой личности и общественным долгом человека. Изучение действия таких факторов в определенных конкретных условиях дает следователю возможность получить представление о тех предметах и явлениях, которые должны были обратить на себя внимание допрашиваемого и на которые он должен был обращать свое внимание.

Непроизвольное, или, как еще называют, непреднамеренное, внимание вызывается внешними причинами, особенностями предметов и явлений. Так, обращают на себя внимание яркие предметы и явления, поскольку они на нас действуют более сильно, чем остальные (сильный звонок, яркое платье и т. д.), и особенно контрастно выделяющиеся предметы и явления, пока они не станут привычными. Выделяются из безразличного для нас фона предметы также по своей новизне и необычности. Особенно ярко бросаются в глаза изменения, даже незначительные, в привычной обстановке. Некоторые предметы и явления сами по себе привлекают внимание по динамичности. Так, выделяются события, характеризующиеся резкой сменой обстоятельств: движущиеся предметы на неподвижном фоне или, наоборот, покоящиеся среди движущихся. Непроизвольное внимание способны вызвать также предметы, связанные с нашей деятельностью, отвечающие потребностям и интересам, вызывающие у нас те или иные чувства.

Из изложенного можно сделать некоторые выводы относительно тактики допроса.

Прежде всего нужно сказать, что такие явления, как хулиганство, драки и иные аморальные и антиобщественные деяния в социалистическом обществе, всегда являются контрастно выделяющимся явлением, которое поэтому всегда привлекает внимание окружающих. Если установлено время совершения преступления, то, выявив лиц, бывших вблизи от места преступления, можно найти и свидетелей. Если время совершения преступления не установлено, оно может быть установлено путем допроса лиц, находившихся вблизи от места происшествия в разное время, если эти свидетели не заметили совершения преступления, то время их пребывания

на указанном месте исключается как время совершения преступления.

Правильно поступил следователь, к которому 2 ноября 1957 г. во втором часу ночи поступило сообщение об обнаружении трупа неизвестного мужчины с явными признаками насильственной смерти. Поставив перед собой задачу установить очевидцев происшествия, если таковые были, следователь собрал сведения о том, на каких предприятиях в городе происходит смена рабочих около часа ночи, и выяснил, что ровно в час ночи смена производилась в карбюраторном цехе завода и в городском отделении связи, расположенных недалеко от места происшествия. Выехав на эти предприятия, следователь нашел ряд свидетелей, которые видели, как трое мужчин дрались с одним, приметы которого совпадали с приметами потерпевшего. Свидетели описали внешность преступников, что способствовало быстрому раскрытию убийства[1].

Из того, что бросаются в глаза прежде всего яркие и особенно контрастные, выделяющиеся предметы и явления, можно сделать некоторые тактические выводы. У допрашиваемых следует выяснить, прежде всего о броских, особенных приметах вещей и лиц, потому что они больше всего выделяются как предметы восприятия. Например, когда разыскивается похищенный предмет, в отношении которого известны его размеры, цвет и некоторые особые приметы, у свидетелей нужно выяснить прежде всего, не заметили ли они предмет с такими особыми приметами. Точно так же, если нас интересует, например, видел ли свидетель раньше определенное лицо в данной местности, то в вопросе следует перечислять не все известные признаки его, а только некоторые, самые броские из них.

О том, что движущийся предмет среди покоящихся, а покоящийся среди движущихся предметов выделяется, хорошо знают и преступники. Поэтому, например, они обычно замирают без движения, когда слышат шаги сторожа. Это должно быть учтено при допросе лиц сторожевой охраны, когда они заявляют, что «непременно заметили бы преступника», если он находился бы на месте во время их обхода, а также при привлечении таких лиц к уголовной ответственности за халатное отно-

---

[1] См. «Следственная практика», вып. 37, стр. 146.

шение к своим служебным обязанностям. Особенно плохо воспринимается неподвижный предмет на фоне покоящихся при плохих условиях освещения и при малой разнице в яркости и цвете фона и объекта. Поэтому при возникновении такого вопроса нужно выяснить в ходе допроса, какого цвета одежда была одета на преступнике, где он скрывался, какое было общее освещение и пользовался ли сторож во время обхода фонарем.

Если нужно установить какое-то изменение в обстановке квартиры, одежде и вещах определенного лица и т. д., следует выявить свидетелей, хорошо знакомых с данной обстановкой, данным лицом. Свидетель, например, если он только один раз был в квартире обвиняемого, вряд ли обратил внимание на интересующий нас будильник, стоявший на столе. Свидетель, часто бывавший в этой же квартире, наоборот, вряд ли не обратит внимания на появление новых, до сих пор не виденных им там часов.

Чтобы можно было проверить и оценить показания подозреваемого и обвиняемого, нужно выяснить в отношении данного предмета или явления все те условия, которые могут вызвать непреднамеренное внимание. В случае покупки краденого исследуются обстоятельства необычности обстановки и цены продажи, наличие штемпелей и других знаков принадлежности данной вещи, например, государственным, общественным организациям. Если грабитель поджег дом и при этом сгорел лежащий в постели ребенок, следует выяснить, спал ли ребенок или нет, кричал ли, двигался ли и т. д.— без выяснения этих обстоятельств нельзя оценить показание обвиняемого о том, что он не заметил лежащего ребенка.

Особое место среди предметов и явлений, могущих вызвать непроизвольное внимание, занимают предметы и явления, вызывающие чувства ужаса или отвращения. Некоторые люди с пристальным вниманием наблюдают такие вещи, а иные даже не могут себя заставить посмотреть на них. У некоторых лиц разные уродства, недостатки, раны привлекают внимание, а у других отталкивают. Об этом необходимо помнить и даже в случае необходимости в деликатной форме спросить у свидетеля или его знакомых.

Преднамеренное внимание характеризуется целенаправленностью и по сравнению с непроизвольным повы-

шенной устойчивостью. Преднамеренное внимание всегда связано с волевым процессом и с сознательно поставленной целью. Воля, направленная на сознательное напряжение внимания, побуждается интересами человека, с одной стороны, и сознанием долга, обязанности и убеждением — с другой. Возможность волевого преднамеренного напряжения внимания в соответствии с общественным долгом и обязанностями лежит в основе уголовной ответственности за совершение преступного деяния по неосторожности и по халатности. Преднамеренное внимание при исполнении обязанностей должно быть более сосредоточенным, чем непроизвольное.

Усиление роли общественности в борьбе с нарушениями общественного порядка и с преступностью в СССР и других социалистических странах проявляется, между прочим, и в том, что все большее значение в расследовании преступлений приобретают заявления и показания граждан, в основе которых лежат факты, воспринятые с сознательно поставленной целью оказать помощь органам расследования в предупреждении и раскрытии преступлений.

В монографиях буржуазных криминалистов по проблемам психологии свидетельских показаний вопросы произвольного внимания обычно освещаются крайне поверхностно. Они считают, что свидетели могут сообщать следствию и суду только факты, которые случайно ими восприняты, на которые они обратили внимание непроизвольно.

В странах социализма все больше и чаще мы встречаемся с показаниями, в которых свидетели сообщают, например, приметы преступников, номера автомашин, совершивших наезды, и при этом добавляют, что факты эти вызвали подозрение у них, они наблюдали за ними с сознательно поставленной целью сообщить о них в соответствующие государственные органы и даже записали их, чтобы не забыть. И как бывают огорчены такие свидетели, когда не могут ответить на некоторые дополнительные вопросы следователя, заявляя при этом: «...если бы я знал, что об этом у меня спросят, я бы обратил на это внимание». Поэтому необходимо разъяснять гражданам, на что они должны обращать внимание, если заметят совершение антиобщественного, преступного действия. Такая правовая пропаганда содействует усилению

роли общественности в охране общественного порядка.

Практика работы следственных органов социалистических стран знает немало случаев мобилизации сознательного, произвольного внимания граждан не только на факты, связанные с преступностью вообще, но и на конкретные обстоятельства, необходимые для раскрытия отдельных опасных преступлений[1].

Внимание общественности по конкретным делам мобилизуется на выявление свидетелей, потерпевших, похищенных вещей, предметов спекуляции, орудий преступления и других вещественных доказательств. Для этого следователь, чаще всего лично, обращается к гражданам на собраниях, а иногда использует печать и радио. Следственные органы ГДР практикуют также издание листовок и плакатов, в которых описывается совершенное преступление, с обращением к населению активно включаться в выявление преступников.

В процессе допроса нередко возникают вопросы, связанные с распределением внимания. Человек, занятый определенной работой, произвольно сосредоточивает свое внимание на ее выполнении. При оценке показаний часто возникает вопрос о возможности распределения внимания, т. е. о том, можно ли при концентрации внимания на одной деятельности одновременно выполнять и другую или наблюдать за другими событиями.

Опыты показали, что одновременно невозможно выполнять две работы, если каждая из них требует полного сосредоточения внимания. Выполнение одновременно нескольких дел возможно, если только они хорошо знакомы, и одно из них частично автоматизировано, что достигается большой тренировкой. Поэтому, например, опытный водитель кроме управления машиной может разговаривать или слушать радио, хороший студент — слушать лекцию и в то же время конспектировать ее, опытная вязальщица вязать и читать газету.

Но в то же время невозможно распределить внимание, особенно на более длительный срок, если одна деятельность не автоматизирована или сама по себе требует

[1] Проблема привлечения общественности к предупреждению и расследованию преступлений охватывает ряд вопросов, из которых здесь затрагивается только один, имеющий непосредственное отношение к данной части настоящей работы.

большого внимания. Так, не может быть правдивым показание о выслушанном состоявшемся у соседнего стола длительном разговоре того лица, которое само активно участвовало в другом разговоре, состоявшемся у его стола.

Восприятия, возникшие при распределенном внимании, часто являются предметом допроса. Это те случаи, когда свидетель был занят каким-то своим делом и, не приостанавливая работу, как бы «побочно» воспринял факты, не относящиеся к ней. Такие восприятия обычно очень бледны, в них отсутствуют подробности, они чрезвычайно быстро предаются забвению. Показания эти крайне неточны и недостоверны. Это положение можно проиллюстрировать экспериментальными данными А. С. Новомейского[1].

35 испытуемым была предъявлена репродукция известной картины советского художника А. Лактионова «Письмо с фронта». Картина экспонировалась в течение 30 сек. При ее воспроизведении по поводу позы изображенной на ней женщины правильно ответили все испытуемые, 29 человек могли указать на возраст этой женщины. Позу и возраст девочки верно воспроизвели соответственно 34 и 31 испытуемый. Близкой к этому была продуктивность воспроизведения цвета одежды девочки. Цвет блузки запомнили 27, а окраску сарафана — 29 человек. Общий вид фигуры девушки-дежурной воспроизвели все испытуемые, возраст ее — 33 человека. Не хуже был воспроизведен цвет ее кофты: его правильно назвали 34 испытуемых.

В следующей серии опытов та же картина воспринималась в течение того же времени, но ее восприятие протекало одновременно с выслушиванием условий арифметической задачи, решаемой испытуемыми. На этот раз лишь немногие испытуемые сохранили в памяти цвет одежды изображенных на картине людей. Фигуры людей, представленных на картине, запомнились лучше. Характерно, что в этой серии у испытуемых чаще всего сохранились лишь самые общие и порой очень смутные представления о цвете одежды.

---

[1] См. А. С. Новомейский, О взаимоотношении слова и образа при запоминании, «Вопросы психологии памяти», М., 1958, стр. 119.

Равным образом они могли назвать фигуры людей, но не могли точно описать их вид, позу и возраст.

Иногда какая-то деятельность так поглощает личность, что человек «не видит и не слышит» ничего, но разные явления, сопровождающие преступления, например крики, взрывы, выстрелы, обычно являются столь интенсивными раздражителями, что невольно обращают на себя внимание даже самого сосредоточенного человека. В таких случаях внимание отвлекается и переключается на другой предмет. Переключение внимания всегда отражается и на лице, и на позе человека. Это имеет значение, когда путем допросов требуется установить, какой субъект и на что обратил внимание в определенный момент.

Иногда все внимание человека поглощают его мысли или сильные чувства — в этих случаях внимание к явлениям окружающего мира может временно полностью притупиться. Очень возбужденное состояние само собой еще не исключает внимания к окружающему миру и даже, наоборот, часто приводит к очень ярким и тонким наблюдениям. И. П. Павлов[1] на одной из своих «сред» привел пример из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Когда Анна Каренина ехала к вокзалу, чтобы покончить жизнь самоубийством, она была поражена яркостью всех домов и вывесок, на что раньше никогда не обращала внимание. Великий художник Толстой правильно подметил, что при чрезвычайно сильном возбуждении нервной системы острота и яркость восприятий необыкновенно усиливаются.

В искренних признаниях обвиняемых часто встречаются очень точное и яркое описание обстановки и событий, предшествовавших совершению преступления. Они должны быть точно зафиксированы в протоколе допроса, потому что мелкие, никакого отношения не имеющие к делу, видимо, особенности, могут получить впоследствии большое доказательственное значение. В то же время они дают возможность следователю проверить правдивость показания и затрудняют обвиняемому впоследствии отказаться от ранее данного правдивого показания. Они имеют большое значение и в том отношении, что подтверждают факт действительного знакомства допра-

---

[1] См. «Павловские среды», т. III, стр. 373—378.

шиваемого с местом происшествия, с событиями, предшествовавшими совершению преступления, а с этими обстоятельствами может быть знаком только человек, действительно побывавший в то время в данной местности.

Даже в тех случаях, когда преступление было совершено в состоянии сильного душевного переживания, отмечается, что даже самое искреннее показание обвиняемого, отличающееся точностью описания событий, предшествовавших совершению преступления, становится все тусклее и беднее, как только допрашиваемый приближается в своем рассказе к самому факту совершения преступления. Это объясняется тем, что общее возбуждение переходит в концентрированное, когда возбужден только какой-нибудь центр коры, а окружающие этот участок зоны заторможены. У лиц, совершивших преступление без подготовки к нему, в состоянии аффекта, отсутствует стадия общего возбуждения или оно является очень коротким. Это обстоятельство отражается и на их показаниях.

«Чем внезапнее впечатление, вызывающее сильное душевное движение,— писал А. Ф. Кони,— тем более оно овладевает вниманием и тем быстрее *внутренние* переживания заслоняют собою *внешние* обстоятельства. Весьма редкие из подсудимых, совершивших преступление под влиянием аффекта, в состоянии изложить подробности *решительного момента,* но это не мешает им помнить быструю смену и перекрещивание в их душе мыслей, образов, чувств — до сделанного ими удара, до оскорбления, выстрела, до расправы ножом»[1].

Точность рассказа о предыдущих событиях и неполнота о самом факте совершения преступления иногда приводят следователя к подозрению в неискренности показаний. Преступники действительно относительно часто прибегают к ухищрениям такого рода, когда признаются на следствии в совершении преступления, чтобы потом на суде отказаться от своих показаний. При этом они стараются поменьше рассказывать о совершенном преступлении, говорят, что не могут припомнить подробности, чтобы их признание было голым, не подтверждаемым другими доказательствами. В этой части действительно похожи показания как искренне признавшихся

---

[1] А. Ф. Кони, Избранные произведения, т. I, М., 1959, стр. 167.

обвиняемых, так и тех, которые признаются только с целью ввести следствие в заблуждение, чтобы дело скорее было передано в суд, а следствие было лишено возможности собрать все доказательства.

Отличить такие показания друг от друга — чрезвычайно важная задача расследования. С одной стороны, чистосердечное раскаяние согласно ст. 33 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик является смягчающим ответственность обстоятельством, а с другой — и дальнейший ход самого расследования в целом, и тактика допроса обвиняемого во многом отличаются друг от друга в случае его чистосердечного признания или попыток путем разных ухищрений запутать следствие.

Поэтому в случае неискренности признания обвиняемого допрос рекомендуется вести в направлении разоблачения неискренности путем выявления противоречий в показаниях обвиняемого, используя для этого и ранее данные показания, и другие доказательства.

Тактика допроса в случае искренности признания направляется на закрепление показаний. В подобных случаях следователь ставит цель добиться от обвиняемого изложения таких фактических данных, которые могут быть известны только человеку, совершившему данное преступление, а также указания на выявляемых свидетелей и вещественные доказательства преступлений. Проверка показаний обвиняемого и их подкрепление другими доказательствами являются важным условием всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Причем нужно помнить, что такая проверка и подкрепление показаний никогда не терпят отлагательства. Нельзя надеяться на то, что обвиняемый, дающий сегодня чистосердечные показания, будет давать их и завтра, и мы успеем тогда же уточнить их.

Практика расследования преступлений, совершенных из-за ревности, под влиянием сильного душевного волнения, знает много случаев явки с повинной и чистосердечного раскаяния в начале расследования, которое с отдалением времени от момента совершения преступления все больше уступает место самой отчаянной борьбе со стороны обвиняемого, в интересах опровержения ранее им же данных показаний.

Сильное душевное волнение, поглощающее все вни-

мание, может иметь место не только у лиц, совершивших преступление в состоянии аффекта, но и у потерпевших и свидетелей, пораженных трагизмом момента, внезапностью печального для них происшествия. В этих случаях следует создать картину происшедшего из совокупности показаний разных свидетелей в соответствии с другими доказательствами по делу. Парализованность внимания свидетелей, потерпевшего не должна быть поставлена следователем под подозрение, если обстоятельства говорят о действительно большом расстройстве, волнении, внутренней борьбе, которую они пережили.

А. Ф. Кони так характеризует ошибочный и правильный подход к оценке таких показаний: «Этот человек лжет,— скажет поверхностный и поспешный наблюдатель,— он с точностью определяет, в котором часу дня и где именно он нанял извозчика, чтобы ехать с визитом к знакомым, и не может определительно припомнить, от кого именно вечером в тот же день, в котором часу и в какой комнате он услышал о самоубийстве сына или о трагической смерти жены...». «Он говорит правду,— скажет опытный судья,— и эта правда тем вероятнее, чем больше различия между обыденным фактом и потрясающим событием, между обычным спокойствием после первого и ошеломляющим вихрем второго...»[1].

Внимание в зависимости от возраста может продолжаться от 10—15 мин. до больших промежутков времени. По Арямову[2], ребенок в 5—7 лет может быть сосредоточенным около 15 мин., в 7—10 лет — 20 мин., в 10—12 лет — 25 мин., после 12 лет — 30 мин. Это может ориентировать следователя при оценке показаний малолетних и несовершеннолетних о долго длящемся событии. У взрослых произвольное внимание может продолжаться неопределенно длительные промежутки времени, в зависимости от тех связей, которые его поддерживают и которые зависят от прежнего опыта[3].

Учитывая особенности внимания несовершеннолетних, допрос не должен быть длительным, чтобы не отвлекать внимания допрашиваемого от темы допроса. Напряжение внимания приводит к усталости.

---

[1] А. Ф. Кони, цит. работа, стр. 164.
[2] См. Арямов, Особенности детского возраста, 1958, стр. 140.
[3] См. Н. Ф. Добрынин, Внимание и его воспитание, М., 1951, стр. 103.

Устойчивость внимания зависит от волевого усилия, интереса и от сознания необходимости поддерживать внимание. Интерес свидетеля к событию может пропадать, внимание устанет, и новые подробности иногда не замечаются, а вновь прибывший на место свидетель может обратить внимание на эти моменты, упущенные первым свидетелем.

Путем допроса и другими следственными действиями, по возможности, следует выявлять, сколько времени допрашиваемый имел возможность наблюдать за данным предметом, явлением. При анализе достоверности и полноты показания нужно также учитывать, было ли у допрашиваемого достаточно времени для полного восприятия интересующей нас вещи. При прочих равных условиях предпочтение отдается показанию лица, имевшего в своем распоряжении больше времени для восприятия, но при этом всегда нужно исходить из оценки индивидуальных качеств внимания допрашиваемого. В этом отношении на первом месте по важности стоит наблюдательность допрашиваемого.

Под наблюдением мы понимаем не стихийное, а систематически осмысленное, устойчивое восприятие какого-то предмета или явления при преднамеренном внимании. Способность наблюдать — важное качество свидетеля, дающее ему возможность правильно ориентироваться в окружающей его среде, подмечать важное, необходимое. Насколько неодинакова наблюдательность у разных допрашиваемых, знает каждый криминалист. При возможности всегда нужно искать свидетелей более наблюдательных. Следователь, задавая контрольные вопросы, относящиеся к хорошо известным ему фактам, всегда ставит цель — выяснить степень наблюдательности допрашиваемого.

У одних внимание возникает легко, но достигает большой интенсивности сразу. Это называется статическим вниманием. Другие долго «раскачиваются», имеют так называемое динамическое внимание. У одних внимание очень устойчиво сконцентрировано, но его трудно переключить на другой объект, у других же оно, наоборот, очень легко отвлекается. Есть люди очень рассеянные, потому что настолько устойчиво и сильно концентрируют свое внимание на одной деятельности, на одних вопросах, что остальным не могут уделять никакого внимания.

Другие рассеянны из-за большой отвлекаемости, неустойчивости внимания, что чаще всего бывает при переутомлении. Все эти качества обычно обнаруживаются во время допроса, о них легко можно получить справку и от хороших знакомых допрашиваемого. Они должы быть учтены при оценке показаний.

А. Ф. Кони, характеризуя внимание свидетелей, выделяет еще так называемое центробежное и центростремительное внимание.

Социалистический общественный строй обеспечивает всестороннее развитие личности, воспитывает людей в духе дружбы народов и уважения к правилам социалистического общежития. Однако встречаются еще отдельные люди, «которые, о чем бы они ни думали, ни говорили, делают центром своих мыслей и представлений самих себя и проявляют это в своем изложении. Для них — сознательно или невольно — *все* имеет значение лишь постольку, поскольку и в чем оно *их* касается»[1]. Таких повествователей можно узнать на допросе. У них в каждом предложении «я», все смотрят через призму «я». Их показания могут быть очень точными в части, касающейся их личности, но обычно они очень поверхностны, бедны и неточны, если речь идет не о них.

Концентрация внимания характеризуется обычно очень выразительными внешними признаками позы, мимики, заторможенностью лишних движений, расслаблением мышц, органов, не участвующих в восприятии, поворотом тела или только лица к воспринимаемому явлению, широко открытыми глазами и т. д. Обычно именно такими признаками характеризуют свидетели концентрацию внимания определенного лица.

Так, мотоцикл наехал на грузовик. Вследствие аварии двое погибли. Свидетели рассказывали, что водитель мотоцикла Ф. не следил за дорогой, а все свое внимание концентрировал на своей спутнице, сидевшей за ним на мотоцикле, поворачивался назад и разговаривал с ней.

Краткое изложение тактических вопросов допроса, связанных с психологией восприятия, наглядно показывает важность знания следователем основных закономерностей этого психологического процесса, являющегося важной ступенью формирования показания. Как вид-

---

[1] А. Ф. Кони, цит. работа, стр. 161.

но из конкретных примеров видов восприятия, условия, от которых зависит его качество, могут быть разделены на две группы:

1) объективные условия восприятия. Сюда относятся объективные свойства самих воспринимаемых предметов и явлений, их цвет, громкость и т. д., а также сама обстановка, в которой происходят восприятия, например расстояние, освещенность, наличие или отсутствие шума; 2) объективные условия, от которых зависит качество восприятия. Сюда относятся представления, опыт, навыки, мышление и чувства человека, состояние здоровья, усталость, влияние наркотиков, адаптированность. Учет следователем этих условий при проведении допроса будет способствовать улучшению качества этого важнейшего следственного действия, а их учет при оценке показаний поможет разобраться в трудных вопросах суждений о достоверности доказательств.

ГЛАВА III

Использование особенностей памяти (запоминание, сохранение и воспроизведение) допрашиваемого при допросе

I

Допрашиваемые в своих показаниях излагают не свои[1] возникающие непосредственно во время допроса восприятия, а воспоминания о них. То, что свидетель, потерпевший, обвиняемый или подозреваемый пережил в момент приготовления или совершения преступления, когда были реализованы похищенные вещи и т. д., не исчезает бесследно из их памяти. Сохранение следов событий и явлений прошлого в памяти является важным условием правильного отражения внешнего мира, условием его познаваемости.

Психологические процессы, т. е. *запоминание*, *сохранение* и *воспроизведение* прошлого опыта, вместе взятые, называются *памятью*.

Знание закономерностей запоминания, сохранения и воспроизведения помогает следователю провести допрос на высоком уровне, правильно решить важные вопросы (срок проведения допроса и т. д.), дает возможность правильно оценивать показания с точки зрения их достоверности и, кроме того, правильно определять ряд других имеющих значение тактических особенностей допроса.

Человек помнит о когда-то воспринятых событиях, знакомых людях, прочитанных книгах, о своих чувствах

---

[1] С показаниями о непосредственно во время их изложения возникающими восприятиями следователь имеет дело лишь при проведении некоторых следственных экспериментов.

и мыслях, которые имели место в связи с этими событиями или явлениями.

Следователя, проводящего допрос, интересуют прежде всего воспоминания допрашиваемого о событиях, лично им пережитых. Когда следователь после изложения допрашиваемым сведений о каком-то событии, явлении задает вопрос в форме: «Откуда вам известны эти сведения?» — по сути дела он желает разграничить сохранившиеся в памяти допрашиваемого знания от воспоминаний. И это очень важный тактический прием допроса. Он необходим в случае, когда кажется само собой разумеющимся, что допрашиваемый показывает о лично им воспринятых событиях, явлениях.

Процесс памяти начинается с запоминания. Оно может быть преднамеренным и непреднамеренным. Преднамеренное запоминание имеет волевой и целенаправленный характер, а непреднамеренное запоминание осуществляется без направления воли на запоминание в ходе самого восприятия материала. Все, что было сказано о возрастающем значении преднамеренного внимания свидетелей в практике допроса следственных органов, относится и к вопросам, связанным с преднамеренным запоминанием.

В следственной практике все чаще встречаются случаи, когда граждане преднамеренно или непроизвольно обращают внимание на какое-нибудь обстоятельство и сознают при этом, что они случайно оказались свидетелями преступления и о виденном и слышанном им впоследствии придется рассказать следователю, преднамеренно запоминают воспринятые обстоятельства, чтобы не забыть.

Показания, в основе которых лежит преднамеренное запоминание сообщаемых явлений, чрезвычайно ценны. Ценность заключается в том, что задача, поставленная свидетелем самому себе и направленная на более точное запоминание, играет большую роль в точности, полноте и прочности памяти. Вопрос о влиянии задачи на запоминание исследован советскими психологами Занковым Л. В.[1], Новомейским А. С.[2] и другими.

---

[1] См. Л. В. Занков, Психология воспроизведения, канд. диссертация, М., 1941.

[2] См. А. С. Новомейский, Наглядно-образное запоминание в условиях различных учебных задач, канд. диссертация, М., 1950.

Можно считать, что преднамеренное запоминание является более успешным, более продуктивным, чем непроизвольное. Оно проходит через мыслительную обработку материала. При этом материал разбивается по смысловому содержанию, выделяются смысловые опорные пункты, мысленно составляются план, схема, они сравниваются с чем-то уже известным. Эти приемы запоминания могут быть использованы следователем при оказании помощи допрашиваемому с тем, чтобы вспомнить факты, которые кажутся забытыми.

Следователь, помогая допрашиваемому в составлении плана рассказа, в его разбивке на части, нахождении опорных пунктов, окажет большую помощь свидетелю в мобилизации памяти. Такой план рассказа следователь предлагает допрашиваемому обычно в форме перечня вопросов, на которые должен ответить допрашиваемый в своем рассказе. Например, следователь предлагает свидетелю описать место происшествия в хронологическом порядке наблюдения. Это делают обычно в следующей форме: «Расскажите, пожалуйста, когда и зачем вы вошли в квартиру X., что вы там увидели, что сказала вам жена X?». Подобный перечень вопросов направляет мысль допрашиваемого, мобилизует его память. Особенно нуждаются в такой помощи свидетели, впервые попавшие в следственные органы. Часто на предложение рассказать все, что им известно по делу, они смущаются, мысли их путаются, и они заявляют: «Я не знаю, что вас интересует», «Даже не знаю, с чего начать», и т. д.

Непреднамеренное запоминание также играет значительную роль в показаниях допрашиваемого. Дело в том, что следователя интересуют многие обстоятельства, о которых даже самые сознательные и желающие оказать помощь в борьбе с преступностью граждане не знают, что нужно запомнить. Многие факты получают значение с точки зрения раскрытия преступления только в ходе самого расследования, и все-таки о них мы получаем правдивые показания на допросе, хотя в памяти допрашиваемых они остались непроизвольно.

Исследования советских ученых Леонтьева, Зинченко, Смирнова и других показали, что необходимым условием непреднамеренного запоминания предмета является действие с ним: «Не сами по себе форма, величина, цвет материала и средство деятельности (различных вещей),

а их значение для данной деятельности и решение практической задачи определяет их сохранение в представлениях»[1].

Следственная практика знает много примеров, когда мастера, даже через большой промежуток времени и несмотря на изменения, уверенно узнают свои изделия. Знание того, что цель работы лучше запоминается, чем ее средство, может помочь следователю и в выявлении нужных свидетелей. Если, например, документ был уничтожен или похищен и требуется восстановить его содержание, то лучше всего искать лицо, составлявшее его.

Активная мыслительная работа с пониманием дела способствует прочному запоминанию. Активная умственная работа над материалом, даже не направленная на его запоминание, может оказаться более эффективной с точки зрения запоминания материала, чем волевые усилия, направленные на его запоминание. Из повседневной жизни известно, что мы часто, не преследуя такую цель, многое запоминаем и притом прочно, иногда даже на всю жизнь.

Непреднамеренно человек запоминает действия, средства и цели, а также те препятствия, которые должны быть им преодолены при этом, т. е. вызывают определенную задачу для восприятия или осмысливания. В опытах, проведенных А. А. Смирновым, взрослые испытуемые — специалисты по психологии — должны были ответить на вопрос, что они запомнили из того, что с ними происходило за время, когда они шли из дома на работу. Испытуемые запомнили действия за тот период времени и некоторые препятствия, встречающиеся на пути (задержка движения, красный свет светофора и т. д.). А. С. Прангишвили[2] объясняет это следующим образом: «Когда мы, уходя из дома, запираем двери на ключ, идем знакомой дорогой на работу и т. д. (и все протекает, как обычно, без препятствий), мы действуем в плане «фиксированных установок».

Что совершается таким образом, то не может стать «содержанием уверенного воспоминания». Не может та-

---

[1] Б. Г. Ананьев, Проблемы представления в советской психологической науке, «Философские записки», т. 5, М.—Л., 1950, стр. 94.

[2] См. А. С. Прангишвили, К проблеме основ уверенности в воспоминании, «Труды Института психологии им. Д. Н. Узнадзе Академии наук Грузинской ССР», т. X, 1956.

ким стать и действие, протекающее на основе «импульса», т. е. «когда при проявлении какой-либо потребности вещь, могущая ее удовлетворить, как бы сама собой вызывает деятельность, могущую удовлетворить эту потребность». Воспоминания, по мнению этого автора, создаются в результате деятельности, которая протекает не в плане фиксированных и импульсных установок, а в плане «объективизации». Этот план деятельности возникает только тогда, когда фиксированная ими импульсная установка «в процессе своей реализации встречает затруднения и не обеспечивает деятельности (в широком смысле этого слова), адэкватной измененной ситуации. В случаях подобного рода затруднений личность,— как указывает Д. Н. Узнадзе,— как бы прекращает «практическое отношение к действительности и возникает план «теоретической» деятельности, «план объективизации». В этом плане человек превращает свою деятельность и предмет своей деятельности уже в объект «теоретического выяснения» в широком смысле, включающий волевое решение, уверенное воспоминание, и отражает только ту деятельность, которая протекала именно в плане объективизации».

Это положение имеет большое значение при выявлении свидетелей, особенно по делам о хищениях, взяточничестве и т. д. Лица, выполняющие разные финансовые, бухгалтерские операции и административные функции в плане «фиксированных установок», обычно не запоминают их. Следовательно, нужно искать свидетеля, у которого отклонение от нормального порядка работы учреждения или предприятия вызывало определенное затруднение, заставляло его задуматься над решением вопроса. Вот, например, характерное показание свидетельницы Ф., допрошенной по делу о подделке проездных билетов на самолет[1]: дежурившая по аэродрому внесла в сопроводительные ведомости отметку «служебный» против фамилии одного из лиц, вылетевших, как было установлено следствием, по поддельному билету. Она показала, что не помнит подробностей, как проверяла билеты во время посадки, но помнит, что при этом присутствовал Л., который помогал ей проверять билеты. После посадки пассажиров, подклеивая отрывные талоны к сопроводи-

[1] См. «Следственная практика», вып. 35, стр. 45.

тельной ведомости, Ф. обнаружила недостачу одного отрывного талона от билета и была обеспокоена этим. В это время к ней подошел А. и сказал: «Один пассажир вылетел по служебному билету». Ф. заявила следователю: «Я была рада, что он мне помог выйти из затруднения», и в ведомости против фамилии пассажира Д. записала «служебный».

Особенно хорошо запоминается предмет и особенности предмета, которые назывались в процессе работы. Причем запоминания улучшаются независимо от того, сам запоминающий назвал воспринимаемый им предмет или его особенности или постороннее лицо, или даже от того, были названы они вслух или про себя. Плохо запоминаются трудно называемые особенности (неопределенные цвета и т. д.)[1].

Иногда само словесное оформление предмета восприятия, название его лучше запоминается, чем само восприятие. Это таит в себе ряд трудностей для допрашивающего. Вот почему прежде всего рекомендуется спросить у допрашиваемого или иным способом установить, с кем и когда он разговаривал на тему, интересующую следствие. В случае необходимости на допрос следует вызвать и этих лиц. Из анализа всех показаний можно выяснить, что им сказал допрашиваемый, что они ответили, и, по возможности, определить, что сохранилось в его памяти из восприятия интересующего следствие факта и что — из разговора о нем.

По-разному трактуется в литературе влияние повторения восприятия на запоминание и на достоверность показаний. Обычно отмечается, что «большое значение на качество восприятия оказывает систематическое, неоднократное наблюдение одного и того же события. Такое событие воспринимается более отчетливо и полно»[2]. Но есть и противоположное наблюдение. Так, отдельные эксперименты показали, что испытуемые имеют крайне смутные представления как раз о вещах, с которыми каждый день обращаются. В этом можно убедиться, спросив, например, собеседника о циферблате своих часов.

---

[1] См. А. С. Новомейский, цит. работа, стр. 111—133.

[2] А. А. Красносельских, Учет психологических особенностей формирования свидетельских показаний, «Вестник Московского университета» 1957 г. № 2, стр. 120.

Возникает вопрос: как же следует относиться к показаниям, основанным на повторных восприятиях. Прежде чем ответить на него, укажем, что наиболее продуктивной с точки зрения запоминания является первая встреча с материалом[1]. Успешность запоминания при повторении зависит от того, насколько мы понимаем сущность данного материала, насколько он интересен, насколько содержательна и осмысленна наша работа над ним, насколько активны, разнообразны способы работы с ним. Это относится и к непроизвольному, и к преднамеренному запоминанию. Вот почему бывают случаи, когда свидетель много раз держал в руках определенную вещь, неоднократно встречался с человеком, несколько раз присутствовал при определенном действии и почти ничего не запомнил. В его показаниях отсутствуют подробности, и они представляют малую ценность с точки зрения расследуемого преступления. Иногда же свидетель только один раз видел какой-то предмет, лицо, событие и запомнил его «на всю жизнь». Поэтому нельзя оценивать показания только на том основании, что в его основе лежит многократное восприятие. Только на основе многократности восприятия нельзя считать подробные показания во всех его частях достоверными, а показание, бледное и не содержащее интересующих следствие подробностей,— ложным, т. е. сделать вывод о том, что допрашиваемый недобросовестен, что-то утаивает, не хочет говорить правду. В названных случаях нужно исходить из анализа отношения субъекта к данному предмету, явлению.

II

Сохранение материала в памяти обусловлено рядом обстоятельств. Из них важное место занимает установка на запоминание. Немаловажное значение приобретает сознательное отношение гражданина социалистического государства к своему долгу оказать помощь следственным органам в борьбе с преступностью и уста-

---

[1] См. Д. И. Красильщикова, К вопросу об устойчивости первоначальных связей, «Вопросы психологии» 1935 г. № 3.

новка запомнить обстоятельства совершения преступления, свидетелем которого он оказался.

Среди факторов, влияющих на сохранение материала в памяти, кроме указанных можно было бы назвать еще обстоятельства, которые влияют на качество восприятия потому, что хорошо воспринятый материал легче запоминается и прочнее удерживается в памяти, чем восприятие менее полное, яркое и точное.

Память осуществляется в тесной связи и зависимости со всеми сторонами психической жизни личности[1]. С этой точки зрения важнейшую роль играет идейная направленность человека. Эта сторона вопроса большого внимания требует от следователей в связи с тем, что еще встречаются пережитки капитализма в сознании отдельных лиц.

Из психологии известно, что память зависит от интересов и склонностей человека. Это особенно проявляется в профессиональной памяти. Так, А. А. Смирнов пишет: «Особенно ярко это выражено в тех случаях, когда память по тем или иным причинам, в частности, например, под влиянием преклонного возраста, начинает слабеть. В этих случаях все, что связано с профессиональными интересами человека, нередко удерживается в памяти по-прежнему с большой легкостью и безошибочно, хотя все остальное уже сравнительно легко забывается им»[2]. Такая особенность старческой памяти обязательно должна быть учтена и при проведении допроса, и при оценке показаний людей преклонного возраста.

На запоминание большое влияние оказывает эмоциональная насыщенность материала. Эмоции отрицательно влияют на запоминание, если они вызваны посторонними причинами, и положительно — если вызваны или связаны с самим предметом запоминания. В последнем случае эмоции повышают продуктивность как преднамеренного, так и непреднамеренного запоминания. Дольше помнится то, что связано с более сильными чувствами.

Несомненно, что здесь большое значение имеют и индивидуальные особенности характера. С. Л. Рубинштейн

---

[1] См. «Вопросы зависимости памяти от личности, освещенные на основе работы Смирнова А. А.», «Психология запоминания», М.—Л., 1948, стр. 9—26.

[2] См. А. А. Смирнов, Психология запоминания, М.—Л., 1948.

отмечает, что «при прочих равных условиях одни люди будут более склонны к запечатлению приятного, другие— неприятного (в зависимости от бодрого, оптимистического, жизнерадостного или от пессимистического склада их личности). Одним — самолюбивым людям — особенно может запомниться то, что в положительном или отрицательном отношении затрагивает их самолюбие, другим — то, что так же положительно или отрицательно затрагивает какую-либо иную характерную для них черту»[1].

Память зависит также от волевых качеств человека, от его умственной деятельности, кругозора, знаний и от умения запоминать. Круг знаний имеет большое значение для запоминания, ибо является условием понимания и через него восприятия и запоминания воспринятого. Но при этом следует помнить, что среди людей неграмотных и малограмотных также есть люди с хорошей памятью. Малограмотные часто очень хорошо, даже иногда лучше грамотных, запоминают, что связано с их кругом знаний, их деятельностью. В литературе мы встречаемся с агрументированным мнением, что у людей неграмотных или малограмотных память лучше, чем у людей, читающих книги. Привычка к записи уменьшает способность к механическому запоминанию[2].

Показания должны оцениваться по существу, и нет основания оказывать недоверие к ним исходя лишь из уровня грамотности допрашиваемого, если предмет показания не чужд кругу знания данного человека.

Большие индивидуальные отличия имеются у допрашиваемых и в отношении вида или типа памяти, преобладающего у них. Психологи обычно различают следующие виды памяти:

1) двигательную или моторную, т. е. память на движение, выражающуюся прежде всего в навыках и привычках;

2) эмоциональную, т. е. память на чувства;

3) образную, т. е. запечатление ранее воспринятых предметов и явлений в виде конкретных, наглядных зрительных, слуховых, осязательных и других представлений;

---

[1] С. Л. Рубинштейн, цит. работа, стр. 260.

[2] См. М. Н. Тихомиров, Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940, стр. 10.

4) словесно-логическую, т. е. память на слова, когда запоминаются не конкретные образы предметов, а их сущность, выраженная в словах. При проведении следственного эксперимента иногда ставят задачу — проверить наличие моторной памяти (навыки) в отношении каких-нибудь действий определенного лица. Допрашиваемые часто рассказывают и о своих эмоциях, переживаниях, но так как цель допроса — установить факты, запечатленные в памяти допрашиваемого, и они запечатляются в виде образов и слов, то здесь мы рассмотрим только два последних вида памяти, т. е. словесно-логическую и образную.

Словесно-логическая память занимает ведущее место у человека, но она тесно связана с другими видами памяти, в частности с образной. В образных запечатлениях всегда содержится и словесное обобщение, и, наоборот, запоминание и воспроизведение словесного материала также всегда содержат и образы. Основное различие в памяти допрашиваемых состоит прежде всего в относительном преобладании словесно-логического или образного вида памяти. «Представители наглядно-образного типа памяти любой материал, в том числе отвлеченный, стараются запомнить главным образом посредством конкретных образов, тогда как представители словесно-отвлеченного типа памяти, напротив, любой материал, в том числе наглядный, запоминают, пользуясь в большей мере словесными обозначениями, различными словесно-формулированными логическими схемами»[1].

Выявлять возможности различения на допросе этих индивидуальных различий памяти и их влияние на достоверность показаний — важнейшая задача дальнейших совместных исследований криминалистов и психологов. В общих чертах можно сказать, что человек с преобладанием словесно-логической памяти легче и лучше запоминает словесный, чем наглядный материал.

Установив преобладание словесной памяти у допрашиваемого, нужно считаться и с дальнейшими индивидуальными различиями: одни хорошо запоминают содержание речей, имена и трудно запоминают даты, цифры, а другие, наоборот, легко запоминают цифровой материал и трудно — имена и другие виды текстов.

[1] «Психология», под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Б. Рубинштейна, Б. М. Теплова, М., 1956, стр. 234.

При допросе рекомендуется учитывать особенности памяти допрашиваемого, чтобы иметь представление, какие именно факты или какие стороны их могли сохраниться лучше в его памяти. Некоторые из особенностей легко установить. «Слушая свободный рассказ свидетеля или его ответы на вопросы, он (следователь.— *И. К.*) часто в состоянии определить, какой вид или какие виды памяти лучше всего развиты у допрашиваемого. Например, в некоторых случаях по свободному рассказу, по первым ответам уже можно судить, что свидетель сравнительно хорошо запомнил и описал внешность участников происшествия. Это может указывать на наличие у него хорошо развитой зрительной памяти»[1].

Следует отметить также, что сами допрашиваемые и даже близкие или знакомые обычно знают о своеобразном характере памяти. Это значит, с одной стороны, что, если, например, расхититель или спекулянт пытается прикрыться отсутствием памяти на цифры и не может припомнить цифровые данные, связанные с его преступной деятельностью, в этих случаях целесообразно допросить в качестве свидетелей его знакомых и сослуживцев для проверки правдивости этого его утверждения; с другой — добросовестному допрашиваемому можно задавать вопросы, прямо относящиеся к особенностям его памяти.

Об особенностях памяти некоторые выводы можно сделать и на основе профессии допрашиваемого. Так, у юриста или стенографистки, по-видимому, преобладает словесно-логическая память, у художника, охотника — образная.

Об особенностях памяти интересные выводы можно сделать и путем анализа самого показания. Словесно-логическая память запечатлевает не только словесный, но и наглядный материал. Показания свидетелей и обвиняемых чаще всего являются продуктами в первую очередь словесной памяти, потому что, даже если допрашиваемый запечатлел интересующий следствие факт, он, как правило, словесно оформляет его еще до допроса, в разговоре о нем с другими лицами или просто обдумывая заранее, о чем его будет спрашивать следователь и что он будет отвечать на вопросы.

[1] Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит, цит, работа, стр. 63.

Установление вида памяти, на основе которого была изложена часть свободного рассказа в показаниях, может способствовать и тому, чтобы правильно наметить тактику допроса в дальнейшем и оценить результаты допроса, расхождения между показаниями разных лиц и т. д. При установлении преобладания словесно-логической памяти в рассказе нельзя требовать от допрашиваемого, например, излишней детализации описания обстановки места происшествия; описание таких деталей часто является недостоверным, но тем точнее репродуцируются, например, фразы, разговоры между разными лицами на месте происшествия.

Образная память также часто участвует в формировании показаний. В работе названного вида памяти обычно преобладают один или два анализатора. На основе этого признака различают зрительный, слуховой, двигательный и смешанный типы памяти. В повседневной практике мы часто наблюдаем, что один допрашиваемый лучше запоминает внешние черты человека, другой — голос и т. д. Но так называемые, чистые типы памяти встречаются редко.

Так, В. А. Артемов пишет: «Взрослый человек в отношении объектов окружающей обстановки имеет преимущественно зрительно-моторный тип памяти, а в отношении отвлеченных предметов — слухо-моторный»[1].

Образы, сохраненные в памяти, называются *представлениями*. Они относятся к прошлому опыту человека, отражают такие предметы и явления, которые им были когда-то восприняты, но в данный момент не воздействуют на его органы чувств. Представления носят наглядный характер, однако они менее ясны и отчетливы, чем восприятия. В них неравномерно отражаются признаки предмета и особенно поддерживаются те из них, которые составляют их своеобразие. Они отличаются изменчивостью и непостоянством, динамичностью.

Конечно, идеомоторные акты не имеют доказательственного значения, но тем не менее наблюдательность следователя может быть полезной и иметь тактическое значение, например, при выборе наиболее вероятной из намеченных следственных версий.

---

[1] В. А. Артемов, цит. работа, стр. 356.

В некоторых показаниях по поводу аварий на железной дороге или иных транспортных средствах и даже некоторых других происшествий потерпевшие иногда рассказывают о том, что их какой-то силой тянуло к себе движущееся транспортное средство и т. д. Это объясняется наличием идеомоторных актов.

Представления легко вступают в связь между собой. Связь между представлениями по их внешним качествам называется ассоциацией. Ассоциации имеют большое значение с точки зрения тактики допроса. Ассоциированные представления могут вызывать друг друга, и это их качество лежит в основе ряда тактических приемов допроса.

Представления ассоциируются по смежности, сходству и контрасту.

Из названных видов ассоциаций чаще всего используются при допросе ассоциации по смежности.

Этой закономерностью следователь пользуется обычно при оказании помощи добросовестному свидетелю или искренне раскаявшемуся обвиняемому в мобилизации их памяти. Напомнив им о значимом для него и смежном с интересующим нас фактом событии, вызывается ассоциация или даже ряд ассоциаций о предыдущих или последующих событиях. Так, напомнив свидетелю, что в день его встречи с обвиняемым был какой-то праздник, в его сознании всплывают факты, связанные с праздником и этой встречей, свидетель вспоминает время встречи, место ее, содержание разговора и т. д.

Из изложенного можно сделать еще один важный тактический вывод: у допрашиваемого нужно спрашивать не только о фактах, непосредственно относящихся к интересующим следствие событиям, но и о предыдущих и последующих фактах. Это относится и к месту данного события. Предметом допроса кроме него должны быть и смежные участки территории. В таком плане показание будет полнее и в части, непосредственно относящейся к факту, связанному с преступлением.

Статья 150 УПК устанавливает, что обвиняемый и свидетель допрашиваются по месту производства следствия или в месте их нахождения. На практике многие следователи толкуют это указание закона как необходимость производить допрос в кабинете или в редких случаях по месту работы допрашиваемого. Очень полезным,

основанным также на закономерности взаимовызывания смежных представлений тактическим приемом оказания помощи допрашиваемому в мобилизации своей памяти, является допрос на месте восприятия интересующего следствие факта. Это не только облегчает изложение важных и часто для допрашиваемого трудно излагаемых фактов (положение трупа, предметов обстановки и т. д.), но и, как правило, дает возможность получить более полные показания ввиду восстановления в его сознании ряда представлений по их ассоциативным связям. На использовании ассоциативных связей основан и такой прием, как предъявление во время допроса лиц, документов, фотографий места происшествия или вещественного доказательства.

Ассоциации по сходству в тактике допроса мало могут быть использованы в качестве приема для мобилизации памяти допрашиваемых. Известно, что представления о сходных явлениях, событиях, предметах часто сливаются в сознании, и вместо того, чтобы оказывать помощь допрашиваемому, затрудняют получение правдивых показаний. В таком случае трудно разграничить эти сходные явления в памяти допрашиваемого. Например, если свидетель за последнее время имел несколько встреч с обвиняемым, то довольно трудно будет установить, о чем именно они разговаривали при интересующей следствие встрече. У свидетеля представления этих сходных событий сливаются в памяти, и он не может сказать, о чем говорил именно на интересующей следствие встрече, или скажет, но допустит ошибки.

Вместе с тем опыты показали, что сходство материала не всегда отрицательно влияет на запоминание. Оно может играть положительную роль в продуктивности запоминания при осознании сходства и различия в материале, сопоставлении друг с другом как сходных, так и различающихся частей его.

На допросе, по возможности, целесообразно выяснить, не мешают ли сходные явления, события, предметы вспомнить подробности, и если да, то, с одной стороны, нужно попытаться отграничить их, опираясь на ассоциацию по смежности, с другой — при оценке показаний учесть наличие этого факта, сравнительно часто являющегося источником ошибок в показаниях. О том, как ассоциации по смежности могут помочь при разграничении

сходных предметов и явлений, показывает следующий пример.

Организованная шайка взломщиков специализировалась на совершении краж со взломом из магазинов главным образом в сельской местности. Участники шайки давали путаные показания, когда нужно было назвать взломанные и ограбленные ими магазины. Показать их на улице они тоже не смогли, но когда им было предложено пройти по дороге, по которой они приближались к магазинам, проходя по огородам, легко нашли взломанные ими когда-то магазины.

Ассоциация по контрастности редко используется в допросе. В случаях, когда допрашиваемый не может ответить на некоторые вопросы о величине, цвете, эти вопросы еще раз могут быть заданы в контрастной действительности форме, особенно, если интересующий следствие предмет имеет крайностные признаки. Так, если свидетель не помнит роста преступника, а тот по сведениям, которыми располагает следствие, маленького роста, то с целью проверки памяти допрашиваемого можно задать вопрос дополнительно в контрастной форме, в данном случае так: «Не был ли он высокого роста?». Иногда допрашиваемый может вспомнить таким образом обстоятельства, кажущиеся давно забытыми.

Представление, как правило, является менее ярким, менее ясным и отчетливым, чем восприятие. Но у некоторых людей следы прошлого опыта достигают степени непосредственных впечатлений. У художников первая сигнальная система превалирует над второй. Поэтому они пишут портреты в отсутствие лица, опираясь на живо воспроизводимые следы, как будто перед ними сидит человек[1]. Великие художники, скульпторы, поэты и музыканты обладают яркими представлениями. Следственной практике известны случаи, когда, например, потерпевший настолько хорошо смог нарисовать портрет грабителя, что по нему оперативный работник милиции опознал опасного преступника.

Перед предъявлением для опознания фотокарточки или живого лица неплохо осведомиться о способности свидетеля к рисованию. Опознание или неопознание, например, подозреваемого лицом, способным хорошо рисовать, при прочих равных условиях имеет большее зна-

[1] См. «Павловские среды», т. 1, 1949, стр. 319.

чение, чем опознание или неопознание его лицом, не умеющим рисовать.

Встречаются люди и не художники по профессии, обладающие способностью вызывать в памяти очень яркие представления о прошлом опыте. Такие люди, как свидетели, отличаются исключительно точными и подробными показаниями вплоть до описания цвета шнурка обуви преступника. Такие детальные показания иногда могут дать повод для подозрения в лжесвидетельстве. Дело в том, что среди допрашиваемых, умышленно желающих ввести следствие в заблуждение, нередко встречаются такие, которые «все помнят точь-в-точь». Следует отличать таких лиц от добросовестных свидетелей, имеющих настолько яркие представления, что они иногда достигают степени непосредственных впечатлений. Лица с такими богатыми представлениями точно опишут кабинет, в котором в прошлый раз их допрашивали, а лжесвидетели не в состоянии сделать это.

В отдельных случаях, когда свидетель не умеет рисовать, но может подробно рассказать о приметах разыскиваемого человека или предмета, на допрос целесообразно приглашать художника.

Так, по делу о грабеже на допрос потерпевшего был приглашен художник, который на основе показаний о внешности преступника нарисовал его портрет. Рисунок был помещен в местной газете с обращением к общественности помочь разыскать преступника. На следующий день неизвестный гражданин сообщил по телефону, где работает человек, приметы которого схожи с помещенной в газете фотографией. В дальнейшем это подтвердилось.

В следственной практике сравнительно редко встречаются допрашиваемые с представлениями, достигающими степени непосредственных впечатлений. Обычно сохранившиеся в памяти образы являются нестойкими, неравномерными, и это накладывает свой отпечаток и на показания.

Представления, сохраняясь в памяти, видоизменяются, преобразуются в сознании, связываются друг с другом, сливаются, обобщаются, и даже воображение на их основе создает новые представления о реальных или фактических явлениях. Поэтому мы различаем два вида

представлений, а именно представления памяти и представления воображения.

Представления воображения могут возникать непроизвольно, пассивно, или произвольно, активно. С первыми мы встречаемся в показаниях добросовестных, но заблуждающихся свидетелей, со вторыми — тогда, когда имеем дело с неискренними, недобросовестными показаниями подозреваемых, обвиняемых или лжесвидетелей.

Добросовестные свидетели сами критически контролируют представления воображения. Однако к этому не всегда способны некоторые индивидуумы, мало считающиеся с реальностью, и особенно дети. И. Ф. Случаевский[1] предлагает простой метод демонстрации суду степени склонности к фантазированию у детей. Указанный метод состоит в том, что при надавливании на закрытые глаза исследуемого последний начинает видеть «кружки, треугольники, звездочку, сетку, собачек, кошечек, цветочки» и пр. «Красочность видимого и быстрое проявление зрительных образов пропорциональны степени внушаемости детей, их склонности к фантазированию и к иллюзорным восприятиям». Автор сообщает также об этом методе, что он был им применен во всех случаях исследования детей на достоверность их показаний. Юсевич также пишет о практике экспертизы достоверности показаний несовершеннолетних[2].

Мы не беремся оценивать эти методы судебной психиатрии при определении степени склонности детей к фантазированию, но отметим, что экспертизы такого рода противоречат Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В соответствии со ст. 17 Основ доказательства оценивают суд, прокурор, свидетель и лицо, производящее дознание. Оценка достоверности доказательств, и в том числе показаний несовершеннолетних, не дело эксперта. Оценка достоверности показаний должна осуществляться не в отрыве от содержания, а путем его исследования по существу, в совокупности со всеми имеющимися доказательствами.

---

[1] См. И. Ф. Случаевский, О достоверности детских показаний, «Сборник трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского государственного педагогического института им. К. А. Тимирязева и Башкирской психиатрической больницы», вып. II, Уфа, 1946.

[2] См. Юсевич, Из практики достоверности показаний несовершеннолетних, «Проблемы судебной психиатрии», вып. II, М., 1940.

Трудные задачи стоят перед следователем при оценке показаний добросовестно заблуждающихся свидетелей и потерпевших. Их воображение иногда незаметно для них самих дополняет пробелы, имеющиеся в восприятии или в памяти, под влиянием различных эмоций и придает представлениям особую уверенность.

Восприятие действительности может преобразоваться воображением под влиянием желаний, симпатий и антипатий.

Это свидетельствует о необходимости выяснения взаимоотношений свидетеля с обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим и даже отношения его к предметам, являющимся объектами показаний. При этом отношения понимаются в широком смысле. Может быть, свидетель раньше, до совершения преступления, о котором он допрашивается, не знал об обвиняемом, но потом у него появилась симпатия к нему, например, узнал, что он совершил преступление при каких-то смягчающих обстоятельствах и т. д., ему стало жалко его, он хочет, чтобы обвиняемый не был наказан или чтобы был наказан, по возможности, не очень сурово, и это желание уже влияет на его воображение. Пробелы в восприятии или в памяти бессознательно заполняются смягчающими вину обстоятельствами, а отягчающие вину обстоятельства незаметно сглаживаются. Украденная старая, поношенная, но любимая вещь потерпевшему кажется «почти новой», элегантной. Пропавшая без вести женщина для любящего человека изящна, одета с большим вкусом, интересна и даже выглядит намного моложе своего возраста и т. д.

Выяснить эти соотношения тактически нетрудно. Они иногда сами так и выпирают из показаний, а нередко устанавливаются в результате беседы с допрашиваемым. Опытный следователь никогда не перебивает допрашиваемого вопросом о дальнейшем ходе дела, не говорит: «это к делу не относится» и т. д. Следователь выслушивает его терпеливо. Это облегчает определить желаемый для допрашиваемого ход дела и на основе этого сделать некоторые выводы о направлении его воображения и влиянии на содержание показаний. По УПК РСФСР следователь в начале допроса должен установить отношение свидетеля к обвиняемому (ст. 158). Конечно, симпатия или, наоборот, неприязнь со стороны свидетеля к обвиняемому не влечет его отстранения от дела. Это должно быть учте-

но при оценке показаний такого свидетеля, но не должно явиться основанием недоверия к нему и его показаниям.

Уголовно-процессуальное законодательство СССР и стран народной демократии не знает правового института отвода свидетелей по мотивам их заинтересованности в исходе дела. Советский уголовно-процессуальный закон не освобождает близких родственников обвиняемого также от дачи свидетельских показаний по делу, как это делают УПК НРБ (ст. 51), ВНР (ст. 57), ПНР (ст. 94),ЧССР (§ 111). Хотя УПК этих стран предоставляют право близким родственникам обвиняемого отказаться от дачи показаний, они относительно часто допрашивают нежелающих воспользоваться этим правом. С одной стороны, при оценке их показаний нужно учесть их особую заинтересованность в исходе дела, родственные чувства к обвиняемому, а с другой стороны, как правильно отмечает М. С. Строгович, «при вызове таких свидетелей, при их допросе, а также при разрешении вопроса об их привлечении к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний необходимо учитывать своеобразие и трудность положения этих свидетелей, связывающие их с обвиняемым отношения и подходить к ним с большой осторожностью и чуткостью, не требуя от них подавления в себе естественных человеческих чувств»[1].

Специфическое влияние на воображение и через него на содержание показаний имеют страх и ужас, что особенно часто проявляется в показаниях потерпевших. А. Ф. Кони очень метко охарактеризовал это следующими словами: «...потерпевшие от преступления всегда и при этом часто с полной добросовестностью склонны *преувеличивать* обстоятельства или действия, в которых выразилось нарушение их имущественных или личных прав. Особенно часто встречается это в показаниях потерпевших от преступников, то есть у тех, которые были, так сказать, *очевидцами* совершенного над ними преступления. В подобных случаях вполне применима пословица: «У страха глаза велики». Опасность, *возникшая* неожиданно, вызывает невольное преувеличение размеров и форм, в которых она явилась; опасность *прошедшая* представляется взволнованному сознанию большею, чем она

[1] М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 220.

была в самом деле, отчасти под влиянием того, что она уже прошла»[1].

Об этом нельзя забывать при оценке показаний потерпевших и при возможности, кроме их показаний, желательно получить и другие доказательства о тех предметах и явлениях, которые описаны в показаниях, и при сопоставлении разных доказательств учесть большую вероятность наличия преувеличений в показаниях потерпевших.

С активным произвольным воображением мы встречаемся в показаниях недобросовестных допрашиваемых. В процессе активного воображения допрашиваемый преднамеренно строит образы в связи с поставленной задачей: ввести следствие в заблуждение. Важнейшей с точки зрения тактики разоблачения ложных показаний особенностью представлений воображения является то, что они всегда построены на основе уже имеющихся в памяти представлений и являются продуктами их преобразования.

Из этого следует сделать важный тактический вывод. Следователь не должен ограничиваться выборочной проверкой имеющихся в показаниях сведений, а обязан довести проверку до конца, даже если показания по своему характеру не противоречат уже известным обстоятельствам дела, собранным доказательствам, не вызывают сомнения в правдивости.

Иногда же целесообразно внимательно и терпеливо выслушать и тщательно проанализировать даже явно неправдоподобные показания подозреваемых и обвиняемых. В таких показаниях тоже можно найти крупицу правды. Проверка их может приблизить нас к установлению истины.

Нередко некоторые следователи вместо терпеливого выжидания правды выбирают как раз противоположный метод — если можно так сказать — метод лобовой атаки.

Выбор тактической линии зависит от собранных доказательств и от личных качеств допрашиваемого. Поэтому данный вопрос может быть освещен только в связи с вопросами характера и темперамента допрашиваемого, выходящими за рамки настоящей работы.

Признание обвиняемым своей вины с точки зрения содержания процесса воспроизведения после запирательст-

[1] А. Ф. Кони, цит. работа, стр. 180.

ва является не чем иным, как заменой представлений активного воображения воспоминаниями.

Основные тактические приемы допроса дающего ложные показания обвиняемого сводятся к приемам ограничения поля возможной деятельности его воображения. Дело в том, что такой допрашиваемый мобилизует всю свою фантазию, чтобы придумать объяснения тем фактам, на основе которых он был привлечен в качестве обвиняемого. В подобных случаях следователь из доказательственных фактов должен построить такую ограду, из которой есть только один выход: путь к искреннему признанию. Обвиняемый, чувствуя, что все его выдумки противоречат доказательствам, которыми располагает следствие, убедившись, что все его попытки отрицать свою вину являются бесполезными, признается в совершенном им преступлении.

Следственная практика знает много приемов, ограничивающих свободную работу воображения допрашиваемого. Сюда относятся некоторые приемы определения очередности задаваемых вопросов, предъявления или непредъявления доказательств или просто упоминание о доказательствах, которыми располагает следствие.

Последний прием особенно полезен в случаях, когда допрашиваемый уверяет следователя в своей искренности и чистосердечности показаний.

Примером использования правильного выбора очередности задаваемых вопросов с целью ограничения поля деятельности воображения обвиняемого является общеизвестный прием предъявления найденных на месте происшествия следов пальцев рук, следов обуви и т. д.

В случае изъятия таких следов обычно вначале обвиняемому задают вопросы, связанные с его пребыванием на этом месте. Спрашивают: когда он там был, знает ли обстановку. Допрашиваемый, как правило, отрицает свое пребывание на месте происшествия, и только после фиксации отрицательных ответов ему сообщают о наличии таких следов. Тогда ранее данные им показания будут уже ограждать воображение допрашиваемого о происхождении следов. Когда же вначале сообщают обвиняемому об обнаружении его следов на месте происшествия и только потом задают вопросы относительно места происшествия, создается большой простор для воображения, придумывания различных ложных объяснений. Обвиняе-

мые в таких случаях обычно поясняют, что были в магазине с целью покупки каких-то товаров, если, например, дело возбуждено за кражу со взломом из магазина, или были в квартире потерпевшего с целью посетить его, если допрашиваются по делу о преступлении против жизни, здоровья или имущества граждан и т. д. Подобные показания могут поколебать доказательственное значение найденных на месте следов преступника.

Предъявление обвиняемому доказательств обычно также преследует цель ограничить возможности воображения. Иногда следователь предъявляет обвиняемому все имеющиеся доказательства, уличающие его, нередко предъявляет их в отдельности в опровержение новых вариантов ложных показаний обвиняемого. Выбор той или иной тактической линии зависит от особенностей личности допрашиваемого, а также от качества и количества собранных улик.

Сразу могут быть предъявлены все уличающие доказательства, если их достаточно, чтобы убедить преступника в бесполезности отрицания вины и придумывания новых ложных показаний в свое оправдание, в опровержение доказательств или с целью их объяснения в свою пользу. Отдельно, в опровержение различных вариантов придуманной защиты обвиняемого, уличающие доказательства могут быть предъявлены, если их недостаточно еще для исключения и опровержения всех возможных объяснений обвиняемого. Будучи информирован об имеющихся доказательствах, он начинает придумывать новые варианты защиты, но при изложении их вновь и вновь наталкивается на умело предъявленные доказательства и в конце концов убеждается в бесполезности ложных объяснений и признается в совершенном преступлении. Если при этом он случайно наталкивается на пробел в имеющихся доказательствах, то под каким-либо предлогом можно приостановить допрос до получения новых доказательств, но это нужно делать так, чтобы обвиняемый не заметил, что допрос не продолжается потому, что следователь еще не может опровергнуть его ложь.

Некоторые преступники на допросе выбирают иную линию поведения: они не мобилизуют свое воображение, не придумывают, а просто «ничего не знают», не имеют «никакого отношения» к делу. Молчание обвиняемых ру-

шится под тяжестью предъявляемых улик. Но и в этом случае тоже не обязательно сразу предъявлять все собранные улики. Начинать ли их предъявление с самых веских улик или вначале предъявлять менее важные доказательства, постепенно переходя к более важным, — это вопрос большого тактического значения, который должен разрешаться в первую очередь в зависимости от личности допрашиваемого.

При ограничении возможности придумывания обвиняемым ложных рассказов в свое оправдание следователь не предъявляет имеющиеся уличающие доказательства, а только говорит о них допрашиваемому. Здесь нужно подчеркнуть, что говорить при этом неправду, не только недостойно звания следователя социалистического государства, но и недопустимо с точки зрения успеха расследования. Если обвиняемый заметит, что следователь, уверяя его в наличии доказательств, говорит неправду, то это, с одной стороны, подрывает авторитет следователя и тем самым сводит на нет выполнение важной воспитательной функции, с другой — дает возможность понять обвиняемому, что следствие не располагает соответствующими доказательствами, и использовать в свою пользу пробелы в доказательственном материале, затруднить установление истины.

Однако незыблемое требование, предъявляемое к следователю, быть честным, не означает, что он не может прибегать к тактическим «хитростям». Используя работу воображения допрашиваемого, можно создать такие условия, при которых он будет считать, что следователь располагает уже такими доказательствами.

Обратным процессом сохранения материала в памяти является забывание. Знание закономерностей забывания поможет следователю решать такие важные тактические вопросы допроса, как вопрос о сроках его проведения, достоверности отсроченных показаний и т. д.

Почти все без исключения буржуазные авторы исходят из экспериментальных материалов Эббингауза[1]. Его опыты дали следующие результаты сохранения заученного материала в памяти:

---

[1] Ebbinhaus Hermann, über das Gedöchtniss, Untersuchüngen und experimentellen Psychologie, Leipzig, 1885.

После	30 минут	1 часа	9 часов	1 дня	2 дней	3 дней	31 дня
сохранилось в процентах	59,2	44,2	35,8	33,7	27,8	25,4	21,1

Значит, по Эббингаузу, человек почти половину забывает в первые 30 минут, $^2/_3$— в течение 9 часов, $^3/_4$— в течение 3 дней и $^4/_5$—в течение месяца. Еще нагляднее показывает результаты этих экспериментов так называемая кривая забывания, или кривая Эббингауза (рис. 6), что тоже часто приводится в разных работах буржуазных авторов по криминальной психологии. Обычно из этого делается вывод о чрезвычайно большом забывании в первые, следующие за восприятием часы и ставится требова-

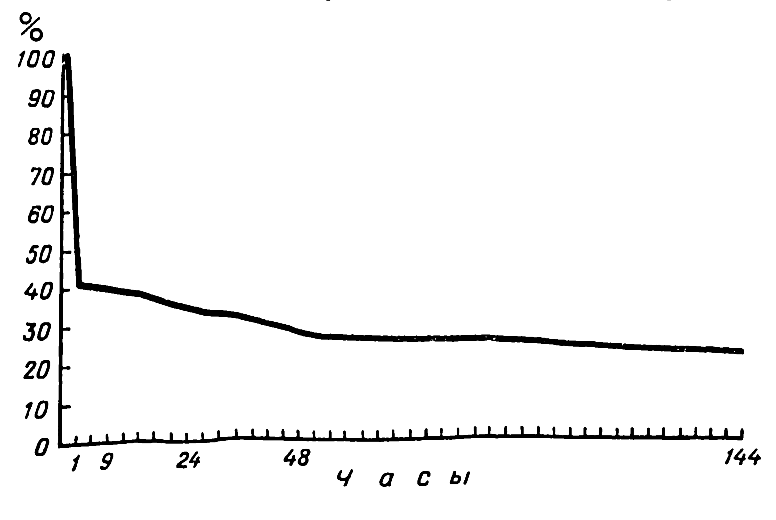

Рис. 6

ние провести допрос по возможности быстрее, не откладывая ни на один час. Ценность показаний, полученных с пропуском первых часов, ставится под сомнение, т. е. по сути дела ценность преобладающего большинства показаний.

Дело в том, что кривая забывания Эббингауза построена на основе экспериментов с заучиванием бессмыслен-

ных слов, а в следственной практике допрашиваемые отвечают на вполне понятные им вопросы и рассказывают о понятных для них фактах.

Забывание понятного материала происходит прежде всего за счет второстепенных, психологически и логически менее важных его частей. Запоминание на основе понимания является более эффективным, чем запоминание бессмысленного материала не только по объему, но и по прочности. Все это, конечно, не говорит о том, что допрос можно отложить на любое время, что следователь не должен стремиться к проведению допроса, по возможности, непосредственно после события или выявления допрашиваемого. Дело не в том, что процесс забывания не зависит от времени, а в том, что забывание осмысленного материала проходит не по кривой Эббингауза, и нет основания не доверять отсроченным показаниям.

Уже в опытах Листа наблюдалось, что некоторые испытуемые давали более точные сведения о наблюдаемых ими фактах на втором и даже третьем отсроченном опросе, чем на первом. Это в то время считалось случайным. Опыты советского психолога Б. П. Красильщикова[1] показали, что «усиливание в памяти новых смысловых связей при отсроченном воспроизведении по сравнению с непосредственным» — явление, именуемое в психологии реминисценцией, не случайное и не редкое. Из 485 индивидуальных экспериментов, проведенных им, реминисценция была обнаружена в 40,5% опытов и даже «в ряде случаев, где второе воспроизведение было хуже, третье воспроизведение после более длительного временного интервала давало резкое улучшение». Второе воспроизведение многих испытуемых (из 252—120) не только содержало отдельные новые элементы, но явилось вообще лучше первых — непосредственных[2].

Реминисценцию больше всего показывали дети, но большой процент имеется и у взрослых испытуемых, улучшивших второе воспроизведение.

Как показали эксперименты, непосредственное воспроизведение больше опирается на внешние стороны материала, отсроченное — на смысловые связи. Значительный

[1] См. Б. П. Красильщиков, «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. И. И. Герцена», т. XXXIV, Л., 1940.

[2] См. там же, стр. 325.

интерес для нас представляет и то наблюдение, что «возбужденное состояние, вызванное эмоционально-насыщенным материалом, тормозило процесс непосредственного воспроизведения. При отсроченном воспроизведении, когда непосредственное впечатление от прослушанного рассказа сглаживалось, испытуемые значительно улучшали изложение»[1].

В свете этих экспериментальных результатов можно сделать некоторые тактические выводы и в отношении времени допроса и в отношении допустимости, желательности повторных допросов.

Прежде всего отметим, что непосредственно после события произвести допрос, как это делается в лабораторных условиях, невозможно. Между событием и допросом всегда проходит какой-то промежуток времени. Следователь должен принять все возможные меры, чтобы сократить его. Это необходимо с точки зрения оперативности и быстроты расследования, а также предупреждения выпадения важных моментов из памяти допрашиваемого. Но проведение первого допроса во многих случаях недостаточно. Нередко возникает необходимость в проведении повторного допроса. Желательно всегда повторить допрос, когда допрашиваемый на первом допросе был очень возбужден, когда уже непосредственное впечатление немного сгладилось. Такое же положение должно иметь место и в отношении допроса некоторых категорий обвиняемых, особенно тех, кто совершил преступление в состоянии сильного душевного волнения, из ревности и пр. Их допрос также нельзя отложить из-за их возбужденного состояния. Этого требуют интересы расследования и, кроме того, нужно помнить, что эти лица в таком состоянии могут дать ценные показания, которые, может быть, не стали бы давать после того, как успокоились. Отсроченный, повторный допрос и в этих случаях может дать новые, ценные для следствия сведения.

---

[1] Проф. Хорошовский отмечает, что «воспроизведение материала по прошествии 2—3 дней более полное, чем непосредственное. Особенно, когда доказательства происшествия имеют эмоциональный характер, непосредственное воспроизведение менее достоверно, чем отсроченное. Некоторые утверждают, что до 8 дней от момента восприятия возрастает четкость представления, а потом (начиная с 15 дня от получения восприятия) оно становится менее четким», но при этом добавляет, что «вся вышеуказанная проблема вызывает еще много сомнений» («Криминалистика», Варшава, 1956, стр. 76).

При проведении повторных допросов нельзя с огульным недоверием относиться к вновь полученным данным, о которых допрашиваемый не рассказал на первом допросе. Нужно помнить о явлении реминисценции, о возможности всплывания в памяти новых моментов и тактически правильно использовать это в интересах расследования.

Авторы книги «Тактика допроса на предварительном следствии» рекомендуют следователю в нужных случаях, прощаясь с допрашиваемым, говорить ему в виде напутствия: «Если вспомните еще что-либо по делу, то сообщите — напишите или приходите»[1]. Там же указывается, что, несмотря на то, что предполагается, что допрашиваемый может что-либо еще вспомнить, повторный допрос свидетеля допустим лишь в следующих случаях:

«а) когда выявляются новые обстоятельства, которые не были известны следователю во время первого допроса;

б) когда выявляются противоречия в показаниях с другими имеющимися в деле доказательствами;

в) когда появляются сомнения в достоверности или правдивости первых показаний данного свидетеля;

г) когда нужна очная ставка»[2].

Нам представляется, что нет оснований ограничивать следователя в проведении повторного допроса и в случае, если по обстоятельствам дела видно, что допрашиваемый был свидетелем какого-то события, мог наблюдать и воспринять какие-то факты, обстоятельства, но не мог вспомнить их на первом допросе. Практика судебного разбирательства уголовных дел изобилует фактами, когда показания свидетелей содержат в себе ряд моментов, новых по сравнению с их первоначальными показаниями, данными на следствии. При этом довольно часто они сами заявляют, что о новых фактах вспомнили либо только в зале суда, либо после допроса на предварительном следствии.

Проведение повторного допроса можно рекомендовать и тогда, когда после первого допроса возникает возможность оказать содействие в восстановлении в памяти допрашиваемого каких-либо фактов. Так, можно повторить допрос в случае необходимости на месте происшест-

[1] Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит, цит. работа, стр. 36.

[2] Там же, стр. 45.

вия, после предъявления вещественных доказательств, документов, лиц.

Многие авторы предлагают обходиться, по возможности, без проведения повторных допросов добросовестных свидетелей. Но ни возможность по существу точного повторения свидетелем своего показания на повторном допросе, ни случаи обеднения воспоминания свидетеля в период между двумя допросами и, наконец, даже ни возможность воздействия посторонних влияний на свидетеля в это время не могут быть обстоятельствами, исключающими проведение повторного допроса, если имеется возможность получить новые доказательства. А такая возможность, как мы видели, имеется. Второй допрос нужно вести в ином плане, чем первый. Очередность задаваемых вопросов и даже форма их должна быть иная, чем на первом. Это значительно затрудняет допрашиваемому воспроизвести точно изложенное на первом допросе показание и заставляет его концентрировать внимание на припоминании оригинальных восприятий. Для того, чтобы было меньше посторонних влияний на повторное показание, следует предупредить добросовестного допрашиваемого о том, чтобы он никому не рассказывал, что было на допросе, ни с кем не делился впечатлениями. На повторном допросе прежде всего следует спрашивать допрашиваемого, с кем, когда и где он разговаривал после первого допроса об интересующих следствие фактах, и, по возможности, точно нужно установить содержание разговора. Когда следователь заранее знает, что в будущем состоится повторный допрос, он может предупредить и об уголовной ответственности по ст. 184 УК за разглашение данных предварительного следствия.

III

Следующим основным психологическим процессом, входящим в память, является воспроизведение. При воспроизведении в мозгу возобновляются временные связи, образовавшиеся в процессе запоминания.

Способ воспроизведения материала, который допрашиваемый запомнил ранее, различен, и разновидности его требуют различного подхода к допрашиваемому. Иногда допрашиваемый уверенно вспоминает интересу-

ющие следствие обстоятельства в их тесной взаимосвязи, а иногда с трудом припоминает их. Нередко допрашиваемый не может ответить на вопрос следователя, а в ходе обычного разговора по другим обстоятельствам, не сознавая пути припоминания, вдруг вспоминает нужную деталь. Такое воспоминание называется свободно возникающим. Иногда допрашиваемый почти не может описать никаких примет лица по предложению следователя. Но было бы ошибкой думать, что в его памяти ничего из этих примет не сохранилось. Стоит ему предъявить это лицо, и он уверенно опознает его даже среди многих похожих. Такой процесс памяти называют узнаванием. Оно предполагает сохранение в памяти предмета во взаимосвязи с окружающими обстоятельствами. Когда эти связи не сохраняются, то допрашиваемый вспоминает, что где-то и когда-то он уже видел одного из предъявленных ему лиц, но не вспомнит, когда, где и при каких обстоятельствах имела место встреча. Словом, он не узнает его, а у него возникает только чувство знакомости[1].

Воспоминание, припоминание, свободно возникающее воспоминание, узнавание, чувство знакомости — вот те особые процессы воспроизведения, через которые возобновляются в памяти допрашиваемого обстоятельства, являющиеся предметом допроса.

Воспоминание — это воспроизведение в памяти пережитого. Для воспоминания необходимо иметь в памяти достаточно яркие представления воспроизводимых событий, предметов. Но следует иметь в виду, что даже самые точные и уверенные воспоминания не являются (во всех деталях) точной копией, механическим возобновлением воспоминаемого материала. Сохранение материала в памяти является динамическим процессом, в котором сохраняемый материал в той или иной форме и степени перерабатывается.

Именно это явление, мыслительная переработка материалов в памяти, используется буржуазными криминалистами в качестве основного аргумента, чтобы доказать неприемлемость свидетельских показаний.

---

[1] Классификация способов воспроизведения дана по работе В. А. Артемова «Курс лекций по психологии», Харьков, 1958, стр. 348.

Советская же психология доказала, что правильное, адекватное воспроизведение, т. е. соответствие воспроизведения с подлинником, является правилом, а искажение — исключением. Поэтому наш подход к оценке свидетельских показаний принципиально иной, чем у тех буржуазных криминалистов, которые вслед за Штерном твердят, что «верное показание является только исключением, а ошибочное и ложное — правилом».

Такой подход к оценке показаний, конечно, не означает некритичность и отрицание необходимости проверки. Проверка идет прежде всего по линии проверки действительности сообщаемых допрашиваемым фактов, но большое тактическое и доказательственное значение имеет при этом и исследование тех психических процессов, в ходе которых формировалось показание.

Важность и существенность материала нужно определять, исходя из субъективных интересов личности допрашиваемого. Что важно и существенно для одного, то может не представлять интереса для другого. Это должно быть учтено не только при оценке показаний, но и при выявлении свидетелей. По возможности об одном и том же факте нужно допрашивать нескольких свидетелей, людей с разными интересами. Они сообщат нам о разных обстоятельствах и подробностях интересующего следствие факта, а анализ характера выясняемых подробностей может способствовать выявлению тех свидетелей, которые вероятнее всего запомнили их.

Как уже было сказано ранее, припоминание — есть разновидность воспроизведения, связанного с преодолением определенных трудностей. Толчок к нему на допросе, как правило, дают вопросы следователя. Допрашиваемый в ходе свободного рассказа обычно дает показание только о тех моментах интересующего следствие события, которые легко может вспомнить. Это не означает, что все ответы на вопросы следователя припоминаются с определенными трудностями. Среди них есть и такие, которые допрашиваемый хорошо помнит, но не догадывается о значении тех фактов, которые ему пришлось наблюдать. Процесс припоминания, как всякий процесс, связанный с преодолением трудностей, всегда таит в себе определенные ошибки. Так, Эрих Штерн пишет: «Уже от одного того, что человека вызывают свидетелем, происходит известное подчинение влиянию: его

будут спрашивать о всевозможных вещах, и он думает, что непременно должен знать то, о чем его спрашивают»[1].

Уже давно подмечено, что в ответах на вопросы следователя всегда имеется больше ошибочных утверждений, чем в свободном рассказе допрашиваемого.

В соответствии с требованием ст. 150 УПК «в начале допроса следователь должен спросить обвиняемого, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении, после чего предлагает обвиняемому дать показания по существу обвинения. Следователь выслушивает показания обвиняемого, а затем, в случае необходимости, задает обвиняемому вопросы...». И далее: «...допрос по существу дела начинается предложением свидетелю рассказать все ему известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос; после рассказа свидетеля следователь может задать ему вопросы».

Соблюдение данного требования закона имеет большое значение. Отсутствие этой части допроса таит в себе ряд опасностей. Добросовестный свидетель, если ему не предложено рассказать все известное по делу, будет предполагать, что важно не то, что он помнит, поскольку этим следователь не интересуется, а важны только те части его воспоминаний, на которые направлены вопросы. Во время ответов на вопросы он менее усиленно будет концентрировать внимание на своих воспоминаниях и поэтому может не рассказать о важных для следствия обстоятельствах. То чувство, что он «должен» вспомнить ответы на все вопросы, его старание оказать помощь следователю могут усилить его воображение по дополнению пробелов памяти.

Однако ответы на вопросы редко могут осветить все возможные стороны события, и поэтому отсутствие свободного рассказа может явиться причиной существенных пробелов в показаниях. Следователь заранее не может предвидеть все ответы на вопросы и поэтому заранее не может запланировать все задаваемые вопросы. Неожиданные для следователя ответы порождают новые вопросы, и они в свою очередь могут сбивать и следователя, и допрашиваемого с правильной линии, и при

---

[1] Эрих Штерн, Прикладная психология, М., 1924, стр. 88.

выяснении многих, иногда даже не имеющих значения для дела подробностей теряется основная нить показания.

Недобросовестный свидетель или обвиняемый, если ему не предложить вначале рассказать об известном ему обстоятельстве дела, сразу же по вопросам следователя ориентируется в выбранной следствием тактике, а при неумелом допросе — о всех доказательствах, которыми располагает или не располагает следствие. Конечно, недобросовестный свидетель или обвиняемый на предложение следователя рассказать все известное по делу может ответить молчанием, сказать, что ему ничего не известно о деле. Следователь должен быть готов и к такому ответу, но это не меняет того положения, что в начале допроса нужно предложить допрашиваемому рассказать о всех ему известных обстоятельствах дела, и только после свободного рассказа перейти к вопросам, поставленным с целью дополнения, конкретизации и контроля содержания рассказа допрашиваемого.

Следователь имеет ряд возможностей помочь добросовестному допрашиваемому мобилизовать память, чтобы преодолеть те трудности, которые возникают при припоминании. Вопросы могут касаться ассоциативных связей между явлениями (например, смежность по времени) или предметами (например, смежность по пространству) или более глубоких, осмысленных связей между ними (например, причина и следствие). Если следователя интересует, кто сидел за столом с левой стороны от допрашиваемого, то в этом случае к успеху может привести напоминание лица, сидевшего справа от него; вопросы, связанные с предшествующими и последующими событиями, могут способствовать припоминанию некоторых фактов, относящихся к промежуточному между ними времени, т. е. к интересующему следствие событию; вопросы относительно одежды допрашиваемого могут способствовать припоминанию, например, погоды и т. д.

Следователь может способствовать более подробному воспроизведению и путем предложения допрашиваемому рассказать о том же событии или о тех же обстоятельствах в разных планах. Исследования показали, что «фактический ход решения задачи (мыслительного процесса) определяется не только логическим составом за-

дачи, детерминирующим содержание решения, но зависит также от формулировки задачи»[1].

По многоэпизодному делу, например, признающий вину обвиняемый одни детали расскажет, если следователь предложит вести рассказ в хронологическом порядке или группировать эти эпизоды по местам происшествия, соучастникам, юридической квалификации и т. д. Свидетель может вспомнить также другие моменты, если ему предлагают рассказать о месте происшествия в более широком плане (например, исходя из расположения дома), чем в более узком плане (например комнаты), где было совершено преступление. Следователь, предложив допрашиваемому повторить показания в разных планах, может натолкнуться на новые факты, о которых допрашиваемый не рассказал. Иногда предвзятое мнение мешает вспомнить некоторые факты. В таких случаях помощь может оказать предложение рассказать о том же, но в другом плане. Так было в следующем примере.

Молодой инженер заявил о пропаже из его квартиры фотоаппарата. На допросе он рассказал, что кражу заметил вечером, в тот день, когда у него работала приходящая уборщица. Она примерно на час-полтора оставалась в квартире одна, когда жена ходила на рынок. На вопрос следователя: кто еще в тот день был у него на квартире, тот ответил — никого не было. Допрошенная жена давала точно такие же показания.

При проверке оказалось, что уборщица имеет судимость за кражу. При произведенном у нее на квартире обыске были найдены одеяла и простыни, украденные у инженера, пропажу которых он не заметил. Обвиняемая отрицала кражу фотоаппарата, и хотя в ее показаниях были некоторые подозрительные моменты, кражу фотоаппарата не удалось раскрыть. Примерно через год был задержан гр-н П. при реализации пропавшего аппарата. На допросе он рассказал, что аппарат купил примерно год назад у инженера К. При проверке показания выяснилось, что К. работает на одном заводе с потерпевшим. Вызванный на допрос К. признался в краже аппарата

[1] Н. С. Мансуров, Зависимость решения от формулировки и наглядного оформления задачи, «Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения», под ред. С. Л. Рубинштейна, М., 1950, стр. 167.

и рассказал, что совместно с потерпевшим готовил чертежи вечером у него на квартире. Когда жена инженера была на кухне и сам хозяин на минутку вышел, он взял аппарат из шкафа и спрятал в свой портфель.

Потерпевшему не сказали, что найден аппарат и виновник кражи, а предложили еще раз вспомнить, кто был у него на квартире в день пропажи фотоаппарата. Он повторил свои прежние показания. После этого ему было предложено вспомнить, что он делал, с кем говорил в тот день. Когда он дошел в рассказе до того, что после работы вернулся на квартиру совместно с К., следователь прервал его и спросил, почему он не упомянул до сих пор о К. Он был очень удивлен: «Я сам не знаю, почему, както забыл про него, я все думал, кто мог совершить преступление, а он стоит вне всякого подозрения, я все думал, кто мог быть в квартире днем, когда я отсутствовал. Я не придавал значения присутствию лиц, когда я сам был дома».

Потерпевший только тогда поверил, что К. совершил кражу, когда ему предъявили изъятый фотоаппарат. Предложение рассказать в разных планах об обстоятельствах, известных ему о пропаже аппарата, могло бы способствовать своевременному раскрытию преступления.

Следующим видом оказания помощи допрашиваемому в мобилизации памяти являются предъявление ему лиц, документов, вещественных доказательств, протоколов и выезд на место происшествия.

Предъявление лиц с целью оживления ассоциативных связей для припоминания связанных с ними обстоятельств должно проходить в форме предъявления для опознания, иначе оно обязательно носит характер подсказки. Авторы книги «Тактика допроса на предварительном следствии» (стр. 81) считают, что в этих случаях «нет необходимости соблюдать правила, установленные для предъявления людей в целях опознания, то есть производить предъявление одновременно нескольких лиц, среди которых находится тот, кого свидетель должен был бы знать»[1], но приведенный ими же пример убеждает в противоположном.

По делам о хищениях, взятках, спекуляции допраши-

---

[1] Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит, цит. работа, стр. 82.

ваемым часто предъявляют разные документы, чтобы те припомнили даты, суммы, фамилии. В этих случаях в протоколе допроса обязательно должно быть отражено то, что названные фамилии, даты или суммы были допрашиваемым припомнены только после предъявления документов, записок и т. д. Показания эти имеют самостоятельное доказательственное значение, если содержат в себе и такие факты, которые не отражены в документе, например об условиях его заполнения, о которых допрашиваемый вспомнил после его предъявления или если они объясняют содержание неразборчивой или исполненной условными знаками записи.

Предъявление вещественных доказательств свидетелям часто не имеет цели оказать помощь в оживлении памяти, а просто заменяет неудобное и даже невозможное описание данного предмета. Иллюстрировать это можно следующим примером. На окраине Будапешта был найден труп женщины, задушенной мужским кашне. Следователь предъявил кашне дворникам, продавцам магазинов, работникам увеселительных заведений, находящихся в районе совершения убийства. Этот прием дал результат и привел к владельцу кашне, оказавшемуся убийцей, как это было установлено и доказано дальнейшим расследованием.

Но предъявление вещественных доказательств иногда имеет цель мобилизовать память, как это было в следующем случае. У Г. на квартире изъяли однобортный коричневый костюм, принадлежащий убитому К. Убийство было совершено за 4 дня до ареста и обыска. Обвиняемый объяснил, что костюм купил примерно год тому назад, но носил его редко. Была допрошена хозяйка квартиры. Она перечислила все костюмы, которые были у жильца, и при этом не упомянула о коричневом. Когда следователь описал ей этот костюм и спросил, не видела ли она его у обвиняемого, то та ответила отрицательно, а когда он ей был предъявлен, она вспомнила, что видела, как Г. за 3—4 дня до ареста гладил такой костюм, но никогда его не одевал.

Как уже отмечалось, с точки зрения освежения памяти свидетеля очень полезно иногда «предъявлять» ему большую совокупность вещественных доказательств — место происшествия. Выезд на место происшествия с

целью проведения допроса иногда оказывается полезным даже в самых «ненадежных» случаях.

Предъявление показаний других допрашиваемых следует осуществлять тоже с предупреждением возможностей подсказки. С этой целью обычно предъявляются не протоколы в целом, а только зачитываются отдельные части их, могущие возобновить связи, освежить память, привести к припоминанию некоторых обстоятельств без подсказки самого содержания показания. Так, с целью оказания помощи в припоминании содержания какого-то разговора, предъявляются или зачитываются части протоколов, относящиеся к обстоятельствам, но не к содержанию данного разговора.

Часто во время прогулки, разговора с друзьями мы вдруг вспоминаем что-то и сами не знаем, как это удалось без видимой связи с местом прогулки или темой разговора. Бывает и так, что человек напрягает все свои усилия, чтобы припомнить какую-то дату, фамилию, но это никак не удается, и когда он уже потерял надежду, занялся другим делом, вдруг «случайно» вспомнит то, чего не мог вспомнить, когда сосредоточил на этом все внимание. Тактически использовать на допросе это явление памяти представляется возможным в нескольких аспектах.

Если допрашиваемый никак не может припомнить важную для следствия деталь и никакие приемы освежения его памяти не дали результата, нецелесообразно просить допрашиваемого, чтобы он «еще немножко подумал», «постарался припомнить» и т. д., потому что это приводит только к усталости и не дает ожидаемого результата. В таких случаях лучше переменить тему разговора, побеседовать с допрашиваемым, может быть о постороннем, потом продолжить допрос по другим пунктам и только через некоторое время вернуться к тому вопросу, который допрашиваемый не мог припомнить.

Бывает и так, что допрашиваемый не может ответить на какой-то вопрос в начале допроса, а потом сам вспоминает его. Поэтому в конце допроса, перед составлением протокола, еще раз рекомендуется повторить те вопросы, которые остались в ходе допроса без ответа.

Если допрашиваемый в конце допроса или на повторном допросе сообщит о таких обстоятельствах, которые

он не смог припомнить, когда ему в первый раз был задан относящийся к ним вопрос, то следователю нужно подумать и проверить: не является ли такое «освежение» памяти результатом внушения со стороны следователя, других участников процесса или посторонних лиц. Но огульно проявлять недоверие к таким фактам припоминания нельзя.

Забывание — не механический процесс и обычно оно не является окончательным. Забытые факты оставляют след в памяти и иногда успешно восстанавливаются даже при случайном возобновлении связей.

Узнавание есть тоже способ воспроизведения. Узнать какое-то лицо, предмет или явление — это значит опознать его как уже бывшего в нашем опыте на основе воспроизведения его черт в памяти. Узнавание значительно более легкий и по объему более широкий процесс, чем воспоминание и припоминание, и поэтому ряд тактических мероприятий следует направлять на то, чтобы облегчить воспроизведение путем сведения его к этой более продуктивной форме.

Венгерской следственной практике известен случай, когда 5 свидетелей видели сбежавшего после совершения убийства преступника. Все они на допросах описали внешность убийцы по-разному и, несмотря на это, опознали его при предъявлении среди других, похожих на него лиц. Это лишний раз подчеркивает сделанный ранее вывод о том, что предъявление для опознания следует проводить и в том случае, если свидетель или обвиняемый на допросе не может описать опознаваемый предмет или лицо и даже если данное им описание ошибочно.

Особенно часто допрашиваемые затрудняются описать приметы разных предметов домашнего обихода, орудий производства и т. д., хотя опознают их уверенно, и даже могут выбрать их из большого количества однородных предметов.

Опознание имеет большее доказательственное значение в тех случаях, когда свидетель или обвиняемый предварительно на допросе смог точно описать опознаваемые предметы. Но из более широкого объема узнавания, чем объем остальных форм воспроизведения, следует, что могут быть случаи достоверного узнавания и без предварительного описания примет опознаваемых лиц, ве-

щей. Опознание рекомендуется производить и в «безнадежных» случаях, в частности если свидетель дает подробный словесный портрет преступника, но не опознает его в лице задержанного. Это еще не исключает виновности последнего. Исходить из того, что «свидетель с такой хорошей памятью обязательно опознал бы преступника», не всегда правильно.

По экспериментальным данным «возрастные различия в продуктивности запоминания обнаруживаются в опытах как с узнаванием, так и с воспроизведением. Однако степень таких различий в обеих группах неодинакова: при воспроизведении они выявляются в большей мере, чем при узнавании»[1]. Это свидетельствует о том, что в отношении допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших нужно стремиться еще больше использовать приемы, покоящиеся на процессах узнавания, в частности предъявление для опознания организовывать и в том случае, когда словесное воспроизведение было слабым.

Иногда у допрашиваемых возникают большие трудности в описании местности. Венгерская следственная практика знает немало случаев, когда взломщики-рецидивисты смогли показать места совершенных ими преступлений, но описать их не смогли.

Узнавание, как самый легкий процесс воспроизведения, может быть использовано следователем еще в ряде случаев с целью облегчить припоминание некоторых, нужных с точки зрения расследования дела данных. По делу о взяточничестве свидетель рассказал, что, когда он был на приеме у бывшего начальника райжилуправления П., тот сказал ему номер телефона и просил позвонить поздно вечером. Он действительно позвонил ему; к телефону подошел П. и предложил встретиться. На встрече, происходившей в сквере, П. попросил взятку и пообещал за это благополучный исход дела.

Важно было установить номер телефона. Свидетель смог назвать только две цифры из шести, и то неуверенно. Следователь записал на лист бумаги 15 телефонных номеров, среди них был и номер телефона, установленно-

---

[1] Э. А. Фарамонова, Возрастное различие в запоминании наглядного и словесного материала, «Вопросы психологии памяти», М., 1958, стр. 43.

го на квартире у П. Свидетель с полной уверенностью заявил, что на листке нет того номера, по которому он звонил П. Были установлены связи обвиняемого, из них три человека имели телефон на квартире. Когда эти номера были предъявлены свидетелю наряду с 5 вымышленными номерами, он указал на один, который являлся номером телефона женщины, с которой, по сведениям следователя, обвиняемый имел интимные отношения. Это показание свидетеля имело большое значение в деле разоблачения взяточника, не отрицавшего своего пребывания в установленное время на данной квартире, не подозревая, насколько это его уличает, решив, что речь идет только о проверке его алиби.

Следственной практике известны и другие факты, когда свидетели или обвиняемые не смогли припомнить отдельных фамилий или имен, но уверенно «опознали» их в списке других фамилий или имен.

То, что узнавание есть более легкий процесс по сравнению с другими видами воспроизведений, широко используется педагогами при так называемой подсказке.

Когда ученик затрудняется прочитать наизусть стихотворение, учитель подсказывает ему несколько слов, и он свободно продолжает чтение дальше. Следовательно, подсказка помогает выявлять имеющееся в памяти, в мышлении содержание.

Возникает вопрос, нельзя ли подсказку использовать и в интересах оживления памяти допрашиваемого.

Подсказка в педагогической практике осуществляется в основном двумя способами. В одних случаях педагог подсказывает следующую часть решения задачи, чтобы убедиться, может ли учащийся на основе подсказанной части решения довести задачу до конца. В других, педагог представляет несколько видов законченных решений, чтобы убедиться, сможет ли учащийся выбрать из них правильное.

Второй вид подсказки по психологическому характеру очень близок с тем тактическим приемом допроса, когда следователь в своем вопросе перечисляет несколько предметов или несколько признаков предмета, чтобы узнать, не видел ли свидетель один из них.

Постановка вопроса в форме перечня предметов или признаков напоминает опознание, только в этих случаях для опознания «предъявляются» не лица или материаль-

ные предметы, а понятия. Несмотря на такую большую разницу, нам кажется, что и здесь должно быть соблюдено требование ст. 165 УПК, указывающее как в отношении предъявления для опознания живых лиц, так и фотокарточек, что их общее количество должно быть не менее трех. Выполнение указанного требования предупреждает возможность догадки со стороны допрашиваемого о желаемом для следователя ответе.

Показание допрашиваемого в ответ на вопрос в форме перечня тем ценнее, чем оно больше содержит признаков, не упомянутых в поставленном следователем вопросе. Как преподаватель судит о знании ученика не просто по пересказу подсказки, а по развитию ее, по новым элементам, содержащимся в ответе, так и с точки зрения следствия доказательственное значение прежде всего имеет та часть ответа, которая выходит за рамки сведений, содержащихся в заданном вопросе.

Проблема допустимости подсказки в допросе неизбежно приводит к постановке вопроса о допустимости наводящих вопросов.

И подсказка, и наводящий вопрос имеют в своей основе психологический процесс узнавания, но при подсказке допрашиваемый узнает содержание своей памяти, а при наводящем вопросе он узнает содержание желаемого ответа, а внушающим действием вопроса является мнимое *воспризнание* того, что на деле отсутствует в памяти. Отсюда категорический ответ на поставленный нами вопрос: недопустимо на допросе задавать вопрос, подсказывающий. допрашиваемому, какой ответ для следователя является желанным.

УПК РСФСР и в ст. 158 о порядке допроса свидетелей, и в ст. 165 о порядке предъявления для опознания указывает, что «наводящие вопросы не допускаются». Запрещает задавать свидетелю наводящий вопрос и ст. 113 УПК ЧССР.

«Наводящим вопросом называется такой вопрос, в самой формулировке которого содержится и ответ на него»[1].

Допустимость или недопустимость наводящих вопросов решается криминалистами по-разному. Одни не воз-

---

[1] С. А. *Голуниский*, цит. работа, стр. 46.

ражают против их применения[1]. Другие считают, что «наводящие вопросы — зло, но без них обойтись невозможно»[2]. Проф. Строгович считает недопустимой постановку наводящих вопросов вообще «потому, что достигаемое такими вопросами наведение свидетеля на ответ, желательный следователю, приводит часто к неправильному ответу: свидетель показывает не то, что он сам знает, а то, что ему подсказал следователь, особенно если сам свидетель не помнит данного факта или помнит его неотчетливо, не уверен в том, что было в действительности»[3].

Требование недопустимости постановки наводящих вопросов польский криминалист Хорошовский считает неосуществимым. Он пишет: «Нельзя так педантично избегать наводящих вопросов, как этого хочет Строгович (несомненно, что сам факт предъявления свидетелю протоколов допроса других свидетелей, как указано у Строговича, является рекомендацией применения сильного внушения). Требование — всегда избегать всякие наводящие вопросы — полностью осуществить невозможно. Не только содержание вопросов, но часто даже сама связь с другими вопросами, даже изменение интонации голоса, акцентирование на отдельные слова, жесты, мимика (выражение удовольствия или разочарования ответом), какие-либо дополнительные замечания — все это имеет элементы внушения. Нормальный допрос полон такими непреднамеренными, непроизвольными наводящими фактами. Действительно, необходимо по мере возможности их избегать»[4].

Возражения проф. Хорошовского нам кажутся не вполне обоснованными. Следователь может и должен скрыть перед допрашиваемым связь между вопросами, желаемыми с точки зрения следственной версии, считаемой им основной, но не должен выдавать свои мысли интонацией голоса, жестами, мимикой, не должен выра-

---

[1] См. Шнейкерт, Тайна преступника и пути к ее раскрытию, М., 1926, стр. 25; Гельвиг, Современная криминалистика, М., 1929, стр. 78.

[2] Глазер, Руководство по уголовному процессу, стр. 176—177.

[3] М. С. Строгович, цит. работа, стр. 312. Такую же позицию занимают Р. Д. Рахунов (цит. работа, стр. 79) и ряд других советских авторов.

[4] Pavel Horoszowskij, цит. работа.

жать удовольствия или разочарования ответом и т. д. И каждый следователь знает, что это возможно. Но прав Хорошовский в том отношении, что внушающе может действовать не только содержание вопроса, но и его связь с другими вопросами, очередность задаваемых вопросов, интонация, жесты и т. д.

В буржуазной литературе есть ряд попыток систематизировать и установить разновидности наводящих вопросов по степени содержащегося в них внушения. Так, Штерн делит вопросы в зависимости от степени внушения «от безразличной до насильственной» в зависимости от их формы и содержания на шесть видов[1].

Основным пороком таких систем является то, что они не учитывают места вопроса в ряде других. При этом не принимаются во внимание метод задавания самого вопроса (акцентирование, жесты, мимика следователя) и личность допрашиваемого. Например, Штерн считает, что «вопрос на выбор, да или нет» («была ли собака на картине?»), содержит в себе самое слабое внушение: «...дано предположение о факте, которого до вопроса, может быть, и не было в памяти свидетеля, и таким образом в этой невинной форме заключается внушение утвердительного ответа»[2].

Но внушающее действие зависит не только от этого одного вопроса. Большое значение имеет также его место в ряде других вопросов. «Внушающее действие всякого вопроса,— пишет Шеварев,— очень усиливается, если мы

---

[1] а) Самый свободный от внушения простой вопрос, начинающийся словами: «который, кто, где, почему и т. п.; какого цвета платье?»;

б) вопросы на выбор: да или нет. («Была ли собака на картине?»);

в) разделительный вопрос: «Было платье синее или желтое»;

г) вопрос, требующий определенного ответа: «Не было ли шкафа на картине?», «Ведь на картине не было шкафа?»;

д) вопрос, сам по себе заключающий определенное предположение: «Какого цвета платье у женщины?» — если свидетель не упомянул еще о женщине. Предполагается, что свидетель знал о ее существовании;

е) вопрос с последствием: «Был ли на картине шкаф?». Кто попался на удочку этого вопроса, должен будет отвечать на вопрос о месте, цвете и т. д. (см. А. Я. Конторович, Психология свидетельских показаний, Харьков, 1929, стр. 29).

[2] О. Голдовский, Психология свидетельских показаний, «Проблемы психологии», вып. I, стр. 98.

сначала задаем внушающий вопрос, наталкивающий на верный ответ, а затем такой же по типу внушающий вопрос, наталкивающий на ложный ответ. Например, мы спрашиваем: «Был ли в комнате шкаф?» (на самом деле он был в комнате). Потом спрашиваем: «Был ли там стол?» (на самом деле стола там не было)»[1].

Приведенный пример показывает, как возрастает внушаемость допрашиваемого с ростом его доверия к следователю, и подчеркивает особую важность требования, предъявленного к следователям социалистических стран,— остерегаться задавать наводящие вопросы в силу особого доверия к ним со стороны допрашиваемых.

Внушающее действие вопросов зависит и от личности допрашиваемого. Малолетние и несовершеннолетние легко поддаются внушению, и на них, как правило, действительно самое большое внушающее влияние оказывают вопросы, содержащие в себе намек на желаемый ответ. Взрослые уже легче улавливают грубые попытки внушения, чем более незаметные, тонкие приемы.

Некоторые авторы, в общем рекомендующие остерегаться задавать наводящие вопросы, в отдельных случаях делают исключения. В частности, проф. Хорошовский считает целесообразным «сознательно использовать наводящие вопросы, например, с целью проверки сопротивления свидетеля внушению, что характеризует его показания в специальном свете»[2]. Авторы книги «Тактика допроса на предварительном следствии» тоже делают из общего правила одно исключение. По их мнению, «наводящие вопросы можно ставить тогда, когда свидетелю уже задавался вопрос о том же факте в правильной форме и он ответил на него, но следователь хочет проверить, насколько допрашиваемый уверен и тверд в своем суждении»[3].

Оба предложения по сути дела сводятся к реконструкции проведения своеобразного психологического эксперимента внушаемости допрашиваемого. Нам кажется недопустимым такой метод проверки показаний, ибо он запутает допрашиваемого и в конце концов лишит возможности даже его самого различать, что он сам

---

[1] А. А. Шеварев, цит. работа, стр. 90.
[2] Horoszovskij, цит. работа, стр. 88.
[3] Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит, цит. работа, стр. 71.

вспомнил и что показал под внушающим действием наводящего вопроса.

Чувство знакомства отличается от узнавания отсутствием связей образа с другими представлениями. В этих случаях человек помнит, что где-то слышал, где-то видел и т. д. Предъявленный предмет или лицо он не может связать ни по времени, ни по месту с другими, с представлениями о других предметах, лицах. Показание о чувстве знакомства не имеет доказательственного значения. Оказание помощи в припоминании связей без подсказки и внушения трудно осуществимо. Помощь в припоминании таких связей нужно попытаться оказать в соотношении данного предмета, лица к определенным группам. Такие вопросы, как «в кругу друзей, родственников, сослуживцев, соседей и т. д. видели ли данного человека?, «давно ли видели его?», «не помните ли, в каком городе?» и т. д., иногда могут помочь освежить память допрашиваемого.

ГЛАВА IV

Некоторые особенности мышления и использование их для получения правдивых показаний

I

Под процессами формирования показаний обычно понимают только процессы ощущений, восприятий и памяти. Нам это положение кажется неправильным. Показание излагается в речевой форме, оно обдумывается перед изложением, т. е. в его формировании значительную роль играет мышление.

Изучение конкретных форм реконструкции сохраняемого в памяти материала показывает, что изменение его происходит вследствие мыслительных операций над ним. Все психологические процессы человека осуществляются в тесной взаимосвязи. Ко всем органам чувств, как и «к нашему глазу, присоединяются не только еще другие чувства, но и деятельность нашего мышления»[1].

Неотделимы от мышления и остальные психологические процессы.

Буржуазные криминалисты и процессуалисты не видели и не видят этого единства психических процессов. Исходя из своих идеалистических положений они резко отделяли мышление от ощущений и других психических процессов и вслед за тезисом Канта о том, что наши чувства не обманывают «не потому, что они всегда правильные, а потому, что они вовсе не рассуждают», считали, что, «пока суждение не замешано в ощущении, в нем не

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1948, стр. 192.

может быть ошибки; только тогда, когда суждение вмешалось в чувство, возможна ошибка».

На основе подобных рассуждений, по которым мышление не «присоединяется» к работе органов чувств, а только мешает им в познании мира, возникло требование, призывающее допрашиваемого к передаче «лично известных ему обстоятельств, а не своих суждений и мнений о них»[1]. Такого же мнения придерживаются и некоторые советские юристы; например Р. Д. Рахунов считает, что «свидетель должен в своих показаниях излагать только факты», хотя и сам признает, что «свидетель обычно не в состоянии избегнуть в своем показании оценки воспринятых им фактов. Суждение свидетеля о воспринятом представляет собою логическую форму выражения мысли, является актом мышления», и, даже «нельзя игнорировать то, что в практике возможны случаи, когда показания свидетеля, носящие характер суждения, не только не подлежат устранению, а представляют значительную ценность для судебно-следственных органов»[2].

Исключение суждения из показания — невыполнимое требование. Понятие и суждение есть начальные формы познания, форма мышления. Допрашиваемый не только в своей памяти должен возобновить образ прошлого опыта, но и словесно оформить это воспроизведение. Поэтому требовать, чтобы в показаниях не было суждений, значит требовать, чтобы показания не состояли из предложений. Но даже если предположить возможность выполнения такого требования ради исключения из показаний продуктов мышления, то после ликвидации предложений еще остаются слова, выражающие понятия, а понятия тоже являются формами мышления, ибо, как учит Ленин, «всякое слово (речь) уже *обобщает*»[3].

При рассмотрении вопросов восприятия мы отметили уже, что условием восприятия является понимание. А понимание как отражение сущности предметов, явлений

---

[1] И. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, СПб., 1896, стр. 302.
[2] Р. Д. Рахунов, Свидетельские показания в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 12—13.
[3] В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1947, стр. 256.

материального мира есть результат обобщений, результат мысли. Язык есть непосредственная действительность мысли[1]. Воспринятые предметы, явления не могут быть воспроизведены на допросе вне форм мышления.

«Суждение,— пишет М. С. Строгович,— является необходимой формой любого высказывания свидетеля также и в тех случаях, когда свидетель только сообщает факт, не делая никакого вывода и не давая никакой его оценки»[2]. Хорошовский тоже считает, что «нельзя требовать от свидетеля, чтобы он давал показания только о том, что он лично воспринял, и не давал некоторых своих суждений; каждый человек, воспроизводящий восприятия, прежде всего высказывает свои суждения, оценку, классификацию и другие мысли». В суждениях проявляется неразрывное единство рационального и чувственного познания.

Для правильного решения данной проблемы следует прежде всего разграничить два вопроса, а именно:

а) что имеет доказательственную силу;

б) что должен и может сообщить допрашиваемый.

Представляется, что из ряда суждений, имеющих доказательственную силу, не следует исключать мнение (оценочное суждение) свидетеля. Когда свидетель дает, например, показание о пространственных отношениях, он почти всегда (за исключением тех случаев, когда в основе показания лежат измерения, произведенные самим свидетелем или другим лицом в его присутствии) излагает свое оценочное суждение. Это не означает, что каждое оценочное суждение имеет одинаковую доказательственную силу. Оценка и проверка их осуществляется по общим правилам оценки и проверки показаний. Однако неправильно было бы исключать их из показаний, имеющих доказательственное значение, без их оценки и проверки конкретно в каждом отдельном случае. Доказательственное значение того или иного суждения зависит не от вида суждения, а от его фактической основы.

Умозаключения допрашиваемого имеют чрезвычайно большое тактическое значение. Из них можно делать выводы о правильности изложения фактов допрашивае-

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 29.

[2] М. С. Строгович, цит. работа, стр. 229.

мым, а еще чаще выводы о наличии таких, иногда очень важных для следствия фактов, о которых еще не было речи в показании. Тактически неправильно поступает тот следователь, который, слушая умозаключения допрашиваемого, постоянно перебивает его: «Вы не рассуждайте!», «Говорите только о фактах!» и т. п. Это, с одной стороны, мешает установить контакт между следователем и допрашиваемым, обижает последнего, а с другой стороны, поскольку допрашиваемый часто не в силах отделить факты от выводов, приводит к тому, что допрашиваемый не сообщает не только выводы, но и сведения об известных ему фактах. Отделить выводы от фактов — это дело следователя, и если он терпеливо выслушает показание допрашиваемого, то получит возможность выяснить нередко даже такие факты, о которых допрашиваемый иначе не рассказал бы и о которых, может быть, сам следователь тоже не догадался бы спросить допрашиваемого.

Многие из допрашиваемых, излагая свои выводы на допросе, не подтверждают их фактами. В аналогичных случаях следователь должен попытаться выяснить у допрашиваемого, какие факты послужили основанием для выводов. Например, характеризуя личность обвиняемого или его отношение к окружающим, в частности к жертве преступления, свидетели часто заявляют, что обвиняемый — грубый человек, пьяница, между ним и жертвой были неприязненные отношения, он жил явно не по средствам и т. д. И в этих случаях требуется конкретизировать данные показания, например выяснить, какие случаи покупки дорогих вещей помнит свидетель и т. д. Конечно, нельзя предполагать, что свидетель расскажет о всех моментах — он может их не помнить, но чем больше перечислит он конкретных фактов, тем яснее будет основание сделанного им обобщения. Возможны и такие случаи, когда допрашиваемый не может указать на фактическую основу своего умозаключения, предположения, когда «человек окончательно помнит».

Такие показания могут иметь определенное оперативно-розыскное значение и служить ориентиром для расследования, но они не имеют никакого доказательственного значения. Так, в одном случае мать изнасилованной, а потом убитой студентки показала, что она подозревает в совершении преступления студента Г. При этом она не

смогла подтвердить ничем свое заявление. Несмотря на то, что Г действительно был еще в тот же день арестован при реализации награбленного имущества и сам признался в преступлении, ясно, что показания матери потерпевшей не имеют никакой доказательственной ценности. Следственная практика знает немало случаев противоположного характера, т. е. когда потерпевшие высказывали необоснованное подозрение в отношении определенных лиц и такое подозрение на следствии не подтверждалось. Поэтому к таким высказываниям следует относиться очень осторожно, в частности на их основе нельзя производить следственные действия, ущемляющие права заподозренных лиц (аресты, обыски и т. д.), и одновременно с их проверкой нужно продолжать работу по проверке всех следственных версий, намеченных следователем.

Встречаются случаи, когда следователь, располагая некоторыми фактами, на допросе прямо так ставит вопрос, чтобы услышать в ответ некоторые выводы допрашиваемого. Этот тактический прием по сути дела тоже направлен на получение нового фактического материала, а не выводов.

Когда следователь задает вопросы такого характера: «По вашему мнению, что может быть причиной аварий?», «Как вы считаете, кто внес эти записи в данный документ?», «Чем вы можете объяснить, как могли ваши пальцевые отпечатки оказаться на месте происшествия?» и т. д., то он интересуется не выводами допрашиваемого, а просто считает, что таким путем легче подойти к интересующему его факту. Ясно, что после ответа на такой вопрос последуют новые вопросы: «Почему считаете так?», «На основе каких фактов объясняете так?» и т. д.

От фактов к выводу и от вывода к новым фактам — таков путь допроса и тогда, когда следователь до начала допроса обвиняемого предъявляет ему собранные доказательства, уличающие его, или рассказывает о них и допрос начинает с вопроса о правильности вывода о его виновности, сделанного следствием на основе перечисленных фактов. Однако такой прием допустим лишь в случае, если эти доказательства достаточно веские, неопровержимые и следователь уверен, что их предъявление приведет к признанию обвиняемого. В противном случае

достигается противоположный результат. Обвиняемый не признается и, ознакомившись с доказательствами, которыми располагает следствие, получает новые возможности затруднить следствию доказать его вину.

Иногда бывает и так: допрашиваемый сообщает о фактах, и на основе их следователь делает выводы и спрашивает о согласии с ним допрашиваемого. Цель этого тактического приема различна. В одних случаях следователь проверяет, правильно ли он понял допрашиваемого, в других — не знает ли допрашиваемый еще о каких-то фактах, о которых он забыл рассказать, в третьих — допрашивающий таким способом демонстрирует противоречивость сообщенных фактов между собой или другим доказательствам, в четвертых, когда обвиняемый отрицает свою вину, а сообщаемые факты указывают на нее, то указанным путем иногда возможно получить искреннее признание. Так, при проверке алиби обвиняемого свидетель не мог назвать время, но в ответ на вопрос следователя подробно рассказал, что он делал до встречи с обвиняемым. Следователь суммировал необходимое для названных обвиняемым действий время и спросил: «Значит ваша встреча с К. состоялась примерно в 12.30?» Свидетель ответил, что нет, «видимо, я о чем-то еще забыл вам сообщить, потому что наша встреча имела место позже. Дайте еще подумать.., да, я чуть было не забыл, что встреча состоялась после кино...»[1].

Выводы свидетеля не имеют доказательственного значения независимо от того, правильны ли они или неправильны. Несмотря на это, следователь предъявляет иногда доказательства или принимает другие меры, чтобы свидетель исправил свои ошибочные выводы. Это может иметь важное тактическое значение, потому что неправильные выводы иногда мешают свидетелю вспомнить некоторые обстоятельства, о которых он может вспомнить в свете правильных умозаключений.

Обвиняемые, особенно по делам о преступлениях, совершенных по халатности, неосторожности, признают факты, подтверждающие их виновность, но в то же время не признают себя виновными. Указание на единственно возможный правильный вывод из таких фактов может привести к признанию обвиняемого.

---

[1] «Следственная практика», вып. 41, стр. 15.

Так, в деле о нарушении техники безопасности обвиняемый не признал себя виновным и в свое оправдание рассказал, что в день несчастного случая находился в командировке. Он рассказал, что не проинструктировал потерпевшего своевременно о соблюдении норм техники безопасности, хотя это и входило в его обязанности. Рассказал он также и о том, что знал о неудовлетворительном состоянии противоаварийной преграды и даже распорядился устранить этот недостаток, но не проверил, выполнено ли это его указание. Когда следователь суммировал эти факты и указал на единственно возможный вывод из них об ответственности обвиняемого, последний понял несостоятельность своего оправдания и признал себя виновным.

Здесь нужно еще отметить и то, что не все выводы, умозаключения допрашиваемого выдают себя сразу как таковые. Иногда допрашиваемый сообщает свои выводы, как бы сообщая о непосредственно им воспринятом факте. Особенно это относится к умозаключению об отношениях времени и пространства. Когда допрашиваемый говорит: «Это было утром в половине девятого», то такие показания могут быть простыми оценочными суждениями, но могут быть также и выводами из сложных умозаключений. Может быть, допрашиваемый оценил расстояние «на глаз», а может быть, рассчитал, что перекрыл бы его медленным шагом за полчаса, и из этого делает вывод, что оно равно 2 км. Может быть, свидетель знает, что событие было утром в половине девятого, потому что посмотрел на часы, или может быть, сделал такой вывод в связи с появлением почтальона, обычно проходящего именно в это время. Выяснить, сообщает ли допрашиваемый о восприятии или факте или он сделал вывод из других фактов, чрезвычайно важно с точки зрения оценки и проверки этого показания.

Если допрашиваемый не помнит какие-то обстоятельства, имеющие значение для расследования преступлений, то нужно стремиться создать «контекст». Рекомендуется задать такие вопросы, которые связаны с данными обстоятельствами и на которые, вероятно, допрашиваемый сможет ответить. Такая тактика обычно оказывается более удачной, чем голословные призывы к допрашиваемому: «Подумайте, может вспомните» — и т. д.

В случае затруднений, возникающих у допрашиваемого в речевом оформлении содержания воспроизведения, нужно попытаться установить с ним контакт, создать непринужденную обстановку, разъяснить допрашиваемому, что может рассказать все своими словами, показать жестами трудную позу или расположение вещей и, наконец, пойти на место. Это может способствовать преодолению указанных трудностей.

Нередко следователь знакомит допрашиваемого с терминологией, например разъясняет свидетелю автодорожного происшествия, что такое проезжая часть, обочина и т. д., чтобы тот мог более точно описать виденное им событие. Последний прием особенно необходим, если допрашиваемый некоторые обозначения употребляет в неправильном значении.

Затруднения, возникающие у допрашиваемого в речевом оформлении при воспроизведении, с точки зрения допроса имеют и некоторую положительную сторону. Дело в том, что они часто помогают следователю различать добросовестное показание от недобросовестного. Нередко слишком гладкие показания и показная уверенность допрашиваемого настораживают следователя и, как впоследствии выясняется, обычно не без основания. Лжесвидетели и обвиняемые, дающие ложные показания, как правило, не затрудняются в речевом оформлении своих показаний. В ложном показании почти всегда все гладко, ничего не забыто, нет пробелов, а в добросовестном показании, как правило, имеются и забытые детали, и пробелы, и речевое оформление его выглядит менее гладко. Нередко лжесвидетель или обвиняемый, бойко и плавно рассказав о заранее придуманном, подготовленном, «затрудняется» ответить на вопросы, особенно если они для него неожиданны, хотя и безобидны, и ответ на которые известен допрашиваемому (например, касается условий или обстоятельств его жизни).

Допрашиваемый, желающий дать правдивые показания, ответит на такие вопросы незамедлительно, уверенно, а те, кто не желает давать такие показания, обдумывают, какое отношение этот вопрос может иметь к делу, какой ответ будет целесообразным с их точки зрения, оттягивают время, переспрашивают и т. д. Следить за изменениями уровня речевого оформления показания тактически очень важно. Исчезновение уверенности в

показаниях, появление паузы, снижение связности — все это сигнализирует о том, что показание перешло из области легкого воспоминания в область трудного припоминания, а при допросе обвиняемого, отрицавшего свою вину, является симптомом того психологического пункта, за которым часто следует признание.

Словесное оформление кроме самого содержания воспроизведения очень часто включает в себя еще определенную оценку допрашиваемым достоверности его показания. Оценка проявляется иногда в уверенном или неуверенном тоне рассказа, нередко в словах «кажется», «если память не изменяет», «вероятно», «наверняка» и т. д., а в отдельных случаях в высказанном суждении допрашиваемого в виде: «Это помню хорошо», «Вижу перед глазами, как будто сегодня было», «Помню очень смутно» и т. д. Естественно, возникает вопрос, какое значение имеет оценка допрашиваемым адекватности его воспроизведения своим восприятиям, как она должна повлиять на ту оценку, которую следователь дает этим показаниям, на их доказательственную силу. Возникновение уверенности в правильности воспроизведения, подтверждение его правильности, как пишет Л. Б. Занков, «нередко... достигается путем рассуждений»[1]. В этих случаях, как правило, допрашиваемый сам или же в ответ на вопрос следователя сообщает о фактах, на основе которых он сделал вывод о правильности своего показания. Проверив наличие указанных фактов, нетрудно убедиться в правильности или несостоятельности суждения допрашиваемого о соответствии его воспроизведения фактам.

Однако уверенность в правильности воспроизведения не всегда подтверждается путем рассуждения. Подтверждение обычно «происходит в виде воспризнания того, что воспроизведено. Человек отмечает, что воспроизведено им — есть то самое, что нужно было припомнить»[2]. Следственная оценка и проверка такого подтверждения, конечно, намного более проблематична, чем подтверждения, основанного на анализе фактов[3].

---

[1] Л. Б. Занков, Память, М., 1949, стр. 135.

[2] Л. Б. Занков, цит. работа, стр. 135.

[3] А. С. Прангишвили отрицает существование случаев подтверждения правильности воспроизведения путем рассуждений: «Наши экс-

Опыт показал, что уверенность даже добросовестного допрашиваемого в достоверности своего показания не всегда совпадает с его объективной правильностью. Бывают случаи, когда допрашиваемый добросовестно заявляет о своей убежденности и полной уверенности в соответствии своего показания, имевшего место на деле, фактам, а впоследствии показание оказывается неправдивым, и наоборот, иногда допрашиваемый заявляет о своей неуверенности, а дальнейшее следствие подтверждает правильность показания.

П. П. Блонский[1] считает, что образная память, несмотря на ее уверенность, характеризуется бессистемностью и большим количеством вариаций, что человеческая память является по преимуществу вербальной, человек прибегает к возможности вспоминать с помощью образов при довольно значительном забывании[2]. Но он не учитывает индивидуальные разновидности преобладания того или иного вида памяти. Поэтому заявления допрашиваемого, свидетельствующие о том, что основой уверенности его высказываний служит образная память, должны повышать в глазах следователя значение такого показания, если он уже имел возможность убедиться в наличии хорошей и сравнительно стойкой «художественной» памяти у допрашиваемого.

С другой стороны к этому вопросу подошел Занков. Его наблюдения свидетельствуют о том, что «уверенность в правильности воспроизведения и ее соответствие

перименты показали, что уверенность в воспоминании, как сознание в достоверности, не строится наряду с репродуцированным комплексом... По нашему мнению, уверенность в воспоминании является непосредственной и в том смысле, что воспоминание в «самом себе» содержит основу уверенности, как конститутивного фактора воспоминания, это есть проблема факторов самого воспоминания, как специфической формы памяти, а не проблема возникновения уверенности после воспоминания («К проблеме основ уверенности и в воспоминании», «Труды Института психологии им. Д. Н. Узнадзе Академии наук Грузинской ССР», т. X, 1956, стр. 339).

[1] См. П. П. Блонский, Память и мышление, М.—Л., 1935, стр. 121.

[2] Прангишвили тоже считает, что не всегда, а только в некоторых случаях содержанием воспоминания является наглядный образ — представление: «Воспоминания, как правильно указывали раньше, тем и характеризуются в первую очередь, что являются историей, рассказом, «преданием» о прошлом» (цит. работа, стр. 399).

объективному положению гораздо чаще при осмысленном воспроизведении материала. Наоборот, когда воспроизведение происходит механически, наблюдается неуверенность, а также расхождения между субъективной оценкой воспроизведения и его объективной правильностью»[1].

Из указанных ранее результатов психологических исследований можно сделать вывод о том, что заявление допрашиваемого об уверенности в правильности своих воспоминаний усиливает доказательственное значение его показаний, если анализ последних указывает на осмысленность памяти. Как правило, невелико значение уверенности воспроизведения в том случае, если оно основано на образной или механической памяти. При этом некоторые виды выражения уверенности в достоверности воспроизведения сами свидетельствуют об образном характере памяти (например, «будто и сейчас вижу» и т. д.). Эти выводы общей психологии нуждаются в дальнейшей проверке их использования в криминалистической практике.

Закон (ст. 160 УПК) предоставляет свидетелю и обвиняемому (ст. 152 УПК) в случае его просьбы право собственноручного написания показания. В таких случаях воспоминание оформляется не в устной форме, а в письменной речи. Возникает вопрос: влияет ли, и если да, то как, на содержание показания такой порядок его оформления.

Несомненно, что письменное показание, как правило, будет более сжатым, чем устное. А это, в свою очередь, отрицательно может влиять на его качество, ибо допрашиваемый может не знать, какие обстоятельства имеют значение для расследования дела, и может упустить в показании очень важное. Письменное оформление показания может быть затруднительным для человека, не владеющего достаточно хорошо пером, что опять отрицательно отражается на качестве показания. Человек, хорошо владеющий пером, старается свое показание стилистически красиво оформить, придать ему логически стройную форму, что даже неосознанно может привести к восполнению пробелов, имеющихся в его воспоминаниях.

---

[1] Л. Б. Занков, цит. работа, стр. 135.

При изложении показаний в письменном виде отсутствует личный контакт между следователем и допрашиваемым, нет возможности по ходу дела выяснять неясные, непонятные части показания, задавать дополнительные, контрольные вопросы и т. д. Все это говорит о том, что письменное изложение допрашиваемым показания не должно заменять допроса. Оно только может дополнять его.

Первое воспроизведение имеет относительно устойчивый характер и налагает свой отпечаток на повторные показания. Особенно устойчивый характер оно имеет, если оформляется письменно. Это подчеркивает значение соблюдения нормы уголовно-процессуального кодекса о том, что письменному изложению показаний должен предшествовать допрос, а не наоборот, и возможность написать свои показания собственноручно допрашиваемому предоставляется только в случае его просьбы после дачи им показаний.

Воспроизведение всегда связано с мышлением. Прошлый опыт воспроизводится в своих ассоциативных связях, а «ассоциация,— пишет Рубинштейн,— сама есть форма синтеза, за которым стоит анализ»[1].

На допросе следователь предлагает что-то вспомнить и рассказать или объяснить какие-то обстоятельства, т. е. ставит задачу. Допрашиваемый излагает не все, что ему «в голову приходит» в связи с поставленной перед ним задачей. Прежде всего решает вопрос о том, хочет ли он или не хочет выполнить задачу, поставленную следователем. И в решении данного вопроса опять-таки основная роль принадлежит мышлению, ибо «все, что побуждает к деятельности отдельного человека, неизбежно проходит через его голову, воздействуя на его волю»[2].

Допрашиваемый рассуждает, обдумывает ответ не только с точки зрения поставленной следователем задачи, но и с точки зрения своих «внутренних» условий. Такими внутренними условиями мышления человека, по мнению Рубинштейна, могут быть «личностные особенности мыслящего субъекта, его мотивация, выражающаяся в том или ином отношении к задаче, его установ-

---

[1] С. Л. Рубинштейн, О мышлении и путях его исследования, М., 1958, стр. 130.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 671.

ки, прошлый опыт и приобретенные знания, его способности»[1].

Учет особенностей личности допрашиваемого является важнейшим условием правильной тактики допроса, но данный вопрос выходит за рамки настоящего исследования. Здесь мы разберем только те тактические вопросы допроса, которые связаны с мотивами допрашиваемого, выражающимися в его отношении к задаче, поставленной перед ним следователем.

II

Основные мотивы, отношение допрашиваемого к задаче, поставленной перед ним, характеризуются положительно или отрицательно. В зависимости от положительного или отрицательного решения вопроса мы и говорим о добросовестном[2] или недобросовестном допрашиваемом. Такое деление носит, конечно, условный характер в том отношении, что общая характеристика добросовестности или недобросовестности не всегда определяет отношение допрашиваемого в равной мере ко всем вопросам, задаваемым следователем, и что недобросовестный допрашиваемый под влиянием правильной тактики допроса может превращаться в добросовестного или, наоборот, добросовестный допрашиваемый под влиянием разных факторов, в том числе и неправильной тактики ведения допроса, превращается иногда в недобросовестного. Вопрос усложняется еще тем, что мотивы допрашиваемого часто противоречат друг другу, между ними идет борьба, в ход которой должен вмешиваться следователь, обеспечивая победу именно тех из них, которые побуждают допрашиваемого говорить правду. Такое вмешательство и является в конечном счете сутью многих приемов тактики допроса. Вот почему на указанном вопросе мы остановимся подробно.

---

[1] С. Л. Рубинштейн, цит. работа, стр. 137.

[2] О добросовестности обвиняемого можно говорить только условно, применив это выражение не к его отношению к совершенному преступлению, а к допросу. Целью тактики допроса обвиняемого является достижение его добросовестности в том отношении, чтобы он давал правдивые показания.

Преобладающее большинство свидетелей, граждан социалистических государств, на допросах руководствуются желанием оказать помощь органам расследования, быть полезными обществу, сознанием важности гражданского долга, что должно проявляться в даче правдивых показаний. Но из этого вовсе не следует, что у добросовестного свидетеля могут быть только такие, с точки зрения допроса благие побуждения. В ряде случаев у него могут появиться боязнь мести со стороны обвиняемого или его приятелей, жалость к обвиняемому или его семье и другие мысли и чувства, побуждающие скрывать истину.

Добросовестный свидетель характеризуется вовсе не полным отсутствием таких мотивов, а именно тем, что у него положительные с точки зрения допроса мотивы настолько преобладают над отрицательными, что между ними даже не возникает борьбы или во внутренней борьбе положительных и отрицательных побуждений верх одерживает гражданский долг — говорить правду. Мотивы деятельности человека направлены на достижения разных целей. П. А. Рудик подразделяет их следующим образом:

«1. Стремление к результату безотносительно к тем действиям, с помощью которых он достигается.

2. Стремление к самой деятельности, иногда безотносительно к ее результату. В этом случае человек находит удовлетворение просто в проявлении своей активности в данном виде деятельности, например, в игре, даже если она и не приводит к определенным результатам.

3. Стремление получить общественную оценку своей деятельности, а через нее и своей личности... Часто отсутствие такой оценки или ее несоответствие ожиданиям человека могут вызвать у него потерю интереса к данному виду деятельности»[1].

В практике допроса стремление к «самой деятельности», т. е. к даче показаний, безотносительно к результату ее встречается у некоторых психопатов (истериков, сутяжников), и это, как выходящее за рамки нормальной психологической деятельности, не является предметом настоящего исследования. Такие лица на допросе обыч-

---

[1] П. А. Рудик, Психология, М., 1958, стр. 328.

но выдают себя, стремясь «показаться», выделиться, обратить на себя внимание, оказаться в центре внимания (истерики) или всех подозревать и обвинять, везде видеть и разоблачать злоупотребления, представлять себя в роли единственного борца за правду и справедливость, всюду и всеми обижаемого и преследуемого единственно за это свое качество (сутяжники).

Следователь в подобных случаях должен направить таких лиц на судебнопсихиатрическую экспертизу. Их показания, как правило, малоценны.

Для определения тактики допроса свидетелей большое тактическое значение имеет учет остальных двух видов стремлений, т. е. стремления к результату действия и к ее общественной оценке.

Если следователь невнимательно слушает свидетеля, к допросу его относится как к ненужной формальности, делает вид, что ему уже все известно, о чем сообщает свидетель, или даже прямо заявляет об этом, то такими тактически неправильными действиями он способствует победе во внутренней борьбе не положительных мотивов, а отрицательных побуждений. Следователь должен понимать, что своим поведением на допросе он дает как бы оценку деятельности свидетеля. Несоответствие оценки ожиданиям свидетеля, отсутствие интереса к его показаниям приводит к потере интереса к ним и у самого свидетеля, что отрицательно может сказаться на результатах допроса. В то же время следует подчеркнуть, что внимание и интерес со стороны следователя к показаниям добросовестного свидетеля должны быть, по возможности, равномерными. Рекомендуется остерегаться всякого внушения: проявленный следователем интерес к отдельным частям показаний и безразличие к другим может показать свидетелю желаемый результат допроса и таким образом стать фактором внушения.

У недобросовестного свидетеля одерживают верх мотивы, отрицательные с точки зрения допроса.

Вопрос о том, дать или не дать правильные показания, часто решается в борьбе нескольких, часто противоречивых мотивов, в активной работе сознания, в зависимости от мировоззрения, установок, идеалов, интересов личности допрашиваемого. Отсюда вытекает важный для тактики допроса следующий вывод: следователь должен и до, и во время допроса изучать личность до-

прашиваемого, его мировоззрение, интересы, мотивы, которыми он руководствуется на допросе. Мотивы эти выявляются путем анализа личности допрашиваемого, его поведения на допросе, взаимоотношений с другими участниками процесса, отношения к факту преступления, сопоставления его показаний с другими доказательствами, а также различных частей показаний данного лица или его показаний, данных в разное время. При этом должны быть выявлены как отрицательные, так и положительные мотивы. Последние в какой-то мере имеются даже у самого недобросовестного допрашиваемого, и их выявление дает ключ следователю для их укрепления. Обычно в работах по криминалистической тактике в отношении допроса недобросовестных свидетелей говорится только о выявлении мотивов лжи. Это не совсем правильно, потому что следователь в борьбе с ними должен знать и те противостоящие им мотивы, на которые он опирается, которые он сознательно укрепляет в борьбе с отрицательными побуждениями допрашиваемого.

Желательно, чтобы следователь выявил мотивы, побуждающие свидетеля к даче неправильных показаний, еще до того, как он изложил показания. Нужно постараться предупредить дачу ложных показаний, потому что свидетелю позже от них труднее будет отказаться, поскольку к прежним мотивам лжи прибавляется еще мотив нежелания признаться в лжесвидетельстве. Часто раскрытие этих мотивов, показ, что они известны следователю, бывают достаточны для отказа от них допрашиваемого.

Так, если следователь, прежде чем приступить к допросу, расскажет свидетелю, например, что он знает, что члены семьи обвиняемого были у него, пытались его уговорить дать ложные показания, но в то же время выражает надежду получить от него правдивые показания, объясняет значение таких показаний, а может быть, и уголовноправовую ответственность за лжесвидетельство — этого обычно бывает достаточно, чтобы изменить возможное намерение свидетеля говорить неправду.

В литературе приводятся попытки составить перечень возможных мотивов лжи или сокрытия истины свидетелем. Но обычно сами авторы признают приводимый ими перечень лишь примерным и далеко не исчерпывающим. Это вполне понятно, так как мотивы человеческой дея-

тельности чрезвычайно многосторонни, различны. Любая классификация приводит к зачислению в одну группу таких разных мотивов, которые требуют от следователя иного тактического подхода.

Перечни основных мотивов лжесвидетельствования, чаще всего встречающихся в следственной практике, могут иметь практическое значение только постольку, поскольку они ориентируют следственного работника на необходимость активного их выявления в ходе расследования. Интересную попытку сделали в свое время проф. И. Н. Якимов и П. П. Михеев в работе «О допросе». Для определения тактики допроса в зависимости от разных мотивов лжесвидетельствования ими были составлены таблицы «Причины лжи или сокрытия истины свидетелем» и «Способы добиться истины в показаниях»[1].

Однако в них отсутствовали такие, на практике относительно часто встречающиеся мотивы, как корысть, подкуп, подговор и т. д.

Тактические указания тоже носят ориентировочный, примерный характер, но тем не менее содержат некоторые полезные советы для следователя.

Положительные моменты у допрашиваемого могут быть подкреплены в зависимости от обстоятельств дела и личности допрашиваемого различными способами. Можно показать несостоятельность, бесполезность дачи ложных показаний, вредность лжесвидетельствования для допрашиваемого и т. п., а также указать на важность и значение тех результатов, которых добивается правосудие.

Некоторые криминалисты разделяют эти приемы практически на две группы: в одну из них входят доводы «к сердцу», а в другую — доводы «к разуму». У них часто противопоставляется сфера мышления и эмоциональных процессов. Такой подход неправильный. Следователь действительно приближается к допрашиваемому то с эмоциональной, то с рациональной стороны, но так как он желает вмешиваться в его рассуждения, способствовать принятию правильного решения — говорить правду, то и эмоциональные доводы должны действовать через мышление. Поэтому всякие уговоры недобросовестного

---

[1] См. И. Н. Якимов, П. П. Михеев, Допрос, практическое пособие для допрашивающих, М., 1930, стр. 19.

допрашиваемого, действующие только на его чувства и не содержащие разумных доводов, тактически неправильны и безрезультатны. Такие уговоры, как «говорите правду, вам будет легче» или «совесть станет чище», как правило, не приводят к желаемому результату. Нужно и убедить, и повлиять на чувства. Только такой подход, как правило, может быть успешным, может воздействовать на психику допрашиваемого и побудить его к даче правдивых показаний.

Психические процессы — ход мыслей подозреваемого на допросе или обвиняемого обычно еще сложнее, чем у свидетелей[1]. Перед ними довольно часто ставят вопросы, направленные на объяснение некоторых фактов, тогда как свидетелю обычно задают вопросы только о наличии или качестве этих фактов и редко о их объяснении.

При допросе свидетелей вопросы обычно начинаются словами: «что?», «кто?», «где?», «сколько?», «какой?» и т. д., а при допросе подозреваемого или обвиняемого кроме этих же вопросительных слов не реже встречаются и «почему», «зачем», «чем вы объясните» и т. д.

С. А. Голунский считает, что ответы обвиняемого на вопросы первого вида носят характер показания, а ответы на вопросы второго вида являются не показанием, а объяснением. Нам кажется, что процессуальный характер ответов обвиняемого зависит не от формы вопроса и даже не от формы ответа. Объяснением является ответ обвиняемого, если он содержит только доводы, предположения, указания на причинные связи между

---

[1] Для психики обвиняемого в отличие от психики свидетеля Кривицкий считает характерными следующие черты:

1) прямая и коренная заинтересованность в исходе дела и вытекающая из этого его активизация на предварительном следствии;

2) состояние страха перед наказанием;

3) состояние нравственной подавленности и душевной депрессии от его роли как подследственного;

4) отсутствие в большинстве случаев доброй воли к сознанию;

5) сознание, что правильные объяснения и показания причинят ему вред;

6) недоверие к следственным органам;

7) стремление к обороне любыми средствами, в том числе и лживыми показаниями;

8) враждебное отношение к свидетелям обвинения;

9) повышенная раздражительность, взволнованность, а иногда и нервное потрясение, близкое к состоянию аффекта;

10) крайняя настороженность, обостренное внимание (самоконтроль).

фактами, уже содержащимися в его показаниях, или между ними и доказательствами, предъявляемыми следователем, или между этими доказательствами. Показанием является ответ обвиняемого, поскольку он сообщает о фактах, до сих пор не фигурирующих в его показаниях. «Поскольку обвиняемый рассказывает известные ему факты, т. е. является источником доказательства, его слова могут быть с полным правом названы показанием по делу. Поскольку же он защищается против предъявленных ему обвинений и высказывает свои доводы и соображения, его высказывания правильнее всего называть объяснением по делу»[1]. С этим нельзя не согласиться, но в то же время ясно, что излагает ли обвиняемый показание или объяснение — зависит только отчасти от поставленного ему вопроса. В ответах обвиняемого очень часто переплетаются элементы показания и объяснения, он нередко объясняет факты без задаваемого ему особого на это вопроса и сообщает новые факты, когда вопрос требует от него объяснения других фактов. Но так или иначе, дает ли обвиняемый показание или объяснение, он, как правило, тщательно рассуждает, какой ему ответ целесообразнее дать, обдумывает его, ибо знает, что выяснение обстоятельств совершения преступления, установление истины по делу чреваты для него тяжелыми последствиями. Именно стремление препятствовать выяснению истины характеризует недобросовестного подозреваемого или обвиняемого. Как метко заметил Луваж, виновник «прежде всего стремится уклониться от вопросов, которые указывают на обстоятельства совершения преступления, а кто не виновен, наоборот, цепляется за такие вопросы, и если допрашивающий хочет его от них отвести, он упрямо возвращается к ним со всеми подробностями[1].

Мышление обвиняемого на допросе идет по общим путям человеческого рассуждения. Первым этапом решения задачи являются актуализация и нахождение принципа решения, и «когда те или иные принципы или теоремы актуализировались, определились, начинается процесс их применения к решению задачи»[3].

---

[1] С. А. Голунский, цит. работа, стр. 77.

[2] F. E. Louwaqe, Psycholoqie und Kriminalistik, Hamburq, S. 284.

[3] С. А. Рубинштейн, цит. работа, стр. 132.

Важной задачей следователя являются вмешательство в этот процесс, способствование актуализации в сознании допрашиваемого принципов социалистического общества, чтобы он, говоря языком логики, подводя под эту большую посылку задачу, поставленную перед ним следователем, обязательно пришел бы к выводу о необходимости давать правдивые показания.

Практика показала, что следователь, умеющий создать соответствующий психический контакт с допрашиваемым, может выявлять и укреплять эти положительные моменты в психике даже преступника-рецидивиста. Следователь, завоевав своим принципиальным и гуманным подходом авторитет у обвиняемого, может апеллировать к его совести, добрым чувствам. Психологический контакт следователя с обвиняемым и проявляемая к нему гуманность должны быть проникнуты принципиальностью. Следователь является представителем социалистического государства, блюстителем социалистической законности, и это должен чувствовать обвиняемый.

Буржуазные криминалисты тоже советуют добиваться на допросе психологического контакта с обвиняемым. Но они советуют это делать на совсем иной основе. Так, американский криминалист Альберт Эллис считает «первым техническим приемом» установление контакта с допрашиваемым и считает, что этого нужно добиться, «убедив его в том, что хотя вы официально допрашиваете его, но вы в сущности на его стороне.., что вы ему симпатизируете»[1]. Он считает, что хорошо, если допрашивающие обвиняемых по половым преступлениям сами имеют «некоторые отклонения в половой области... они должны считать, что таким явлениям, как эксгибиционизму, гомосексуализму или оказывающей вредное влияние сексуальной литературе, не присуще ничего плохого, низкого или злого, у них не должно быть преувеличенного ужаса перед такими антиобщественными явлениями, как изнасилование или сношение с малолетними и несовершеннолетними»[2].

Следователь социалистического государства, наоборот, должен воспитывать обвиняемого в духе уважения

---

[1] Ellis Albert, цит. работа, стр. 40.
[2] Ibid, 41—42.

законов, побудить раскаяние в совершенном преступлении, выявить, укрепить, привить хорошие качества обвиняемому. Следователь должен подчеркивать у обвиняемых их положительные стороны, показать на возможность загладить свою вину правдивым показанием, разъяснить им, что чистосердечное раскаяние считается смягчающим ответственность обстоятельством.

Если по делу проходит несколько обвиняемых, то при допросе следует установить такую очередность, чтобы вначале были допрошены те из них, кто обвиняется в менее тяжких преступлениях, являются второстепенными участниками преступной группы, не являются непосредственными исполнителями преступления.

Следственной практике известны случаи дачи искреннего показания и по противоположному побуждению, когда обвиняемому объяснили, что он своими правдивыми показаниями может спасти человека, невинно обвиняемого, не совершившего преступления.

Не учитывать такие положительные моменты в психике обвиняемого было бы ошибкой и вредным ограничением тактического арсенала следователя.

Но было бы грубой ошибкой впадать и в другую крайность и тактически не вооружаться против преступников, у которых «принцип» самосохранения, защита своей личной свободы, стремление избежать ответственности за совершение преступления окажутся на допросе сильнее, чем голос совести, и особенно против тех, кто ее уже окончательно потерял.

Следователь должен уметь показать обвиняемому безвыходность его положения, собранные доказательства предъявить так, чтобы обвиняемый понял бесполезность дачи ложных показаний. Повлиять на ход рассуждений таких субъектов можно прежде всего путем окружения их цепью стойких, правильных и непререкаемых доказательств, противопоставить которым обвиняемый ничего не может. Но нужно отметить, что большой интерес, проявляемый следователем к получению показания от такого обвиняемого, у последнего создает впечатление, что следствие не располагает против него достаточными уликами. В следственной практике отмечаются случаи, когда обвиняемые не дают показаний, пока следователь этого усиленно добивается, а потом, если заме-

чают, что следователь потерял интерес к их показаниям, сами просят, чтобы их вызвали на допрос.

Конечно, было бы идеальным, если следователь смог бы приступить в каждом конкретном деле к допросу обвиняемого тогда, когда он уже имеет такую цепь доказательств, противопоставить которой обвиняемый ничего не может. Но это трудно осуществимая задача. Следственная практика знает немало случаев, когда именно показания обвиняемого являются источником того доказательства, которое замкнуло цепь улик.

Анализ тактических приемов проведения допроса в случаях, когда следователь располагает недостаточными доказательствами и получил их в результате допроса, показывает, что они с точки зрения оказания влияния на ход мышления допрашиваемого могут быть разбиты на две группы. В одних случаях следователь заведомо ставит задачу (вопрос) перед допрашиваемым в такой форме, чтобы он не мог догадаться или даже ошибся в оценке значения и цели этой задачи. В основе других приемов лежит расчет на решение задачи — с точки зрения обвиняемого, без достаточного основания.

К первой группе приемов относятся, например, такие, когда следователь интересуется жизненным уровнем, количеством предметов одежды, обуви и т. д. обвиняемого, а он, стремясь вызвать чувство жалости к себе, рассказывает, что живет бедно, уже целый год ничего не может приобрести себе, не понимая цель вопросов следователя, направленную на предупреждение дачи ложного показания, например о недавней покупке обуви в случае предъявления изъятых с места происшествия следов обутых ног.

Иногда указанным приемом можно поставить обвиняемого перед такой дилеммой, решая которую он должен или признаться или изменить все свои ранее данные показания.

Но особо следует отметить, что не всякая логическая ошибка допрашиваемого может быть использована для получения признания. Так, на запутывание, на подготовку логической ошибки нацелены вопросы, обычно называемые улавливающими. Примером может служить вопрос, заданный обвиняемому после того, как он признался в краже часов, в следующей форме: «Значит, кроме

пальто и часов, ничего не украли?» Если допрашиваемый не улавливает «хитрость» — и это вполне возможно при его душевном состоянии и, может быть, в результате слабого знания логических законов мышления — и отвечает «да» или «нет», то считается как будто он признался в краже пальто. Такой вывод, конечно, является необоснованным, но этого обвиняемый опять-таки может не заметить и, считая себя уже опороченным в краже пальто, признаться в ней, даже если на деле и не совершил ее.

Такой метод не служит раскрытию истины, и поэтому его нельзя применять на практике как и все остальные «приемы», в основе которых лежит неправильное истолкование показаний обвиняемого, его запутывание.

Как уже отмечалось ранее, в основе других приемов лежит расчет на то, что решение вопроса, говорить или не говорить правду, признаться или не признаваться в совершенном преступлении, может осуществляться с точки зрения обвиняемого, без достаточного основания. Дело в том, что человек не каждое свое решение принимает после тщательного обдумывания, понимая необходимость предпринимаемых действий. Такие, не вполне осознанные решения могут быть привычными или решениями без достаточного основания.

Конечно, вряд ли удастся найти человека, для которого давать показания — это привычное дело. Чаще встречаются такие, которые придерживаются правила — говорить правду, выполнять указания государственных органов, способствовать их нормальной работе. Такая привычность в решениях задач, поставленных перед субъектом государственными органами, может быть тактически использована двояко. С одной стороны, непривычная для субъекта ложь может настолько осложнить его переживания, что она находит свое выражение и в его внешнем поведении и, таким образом, дает наблюдательному следователю определенный ориентир для ее выявления и разоблачения. С другой — привычность говорить правду может быть успешно использована в случае отклонения от этого принципа для убеждения допрашиваемого в необходимости и в данном случае говорить только правду.

Когда следователь не раскрывает свои «карты» перед

обвиняемым, но определенным образом дает понять ему, что у него имеются соответствующие доказательства, то он сознательно держит его в состоянии нерешительности, не давая соответствующих опорных пунктов для взвешивания имеющихся у следствия доказательств, для полного обдумывания своего положения. Когда следователь предъявляет обвиняемому именно те из доказательств, наличия которых тот меньше всего ожидал, а таким чаще всего оказывается признание соучастника или спрятанное вещественное доказательство, и задает ему неожиданные для него вопросы, то он сознательно старается поставить обвиняемого в такое положение, к какому тот не был подготовлен.

Такие приемы создают у допрашиваемого чувство неуверенности, нерешительности и желание покончить с этим положением. Именно в таком положении особенно у слабовольного субъекта оказывается мало выдержки до конца обдумать значение предъявленных ему доказательств, хотя он бывает крайне насторожен, старается тщательно взвешивать свои ответы, но это ему не всегда удается.

Следственная практика знает немало случаев, когда анализ имеющихся у следователя доказательств показывает, что их было мало для полного изобличения обвиняемого, но, несмотря на это и на отсутствие доброй воли дать правдивые показания, обвиняемый все-таки сознался в совершенном преступлении, и его показание стало важным новым источником доказательств по делу. Изучение таких дел приводит к выводу, что в подобных случаях следователь сумел поставить обвиняемого в положение, к которому он не подготовился, сумел использовать его нерешительность, неосведомленность об имеющихся по делу доказательствах для осуществления своей цели.

Признания, психически покоящиеся на «решении без достаточного основания», часто приобретают особую убедительность из-за «недостаточной обоснованности», т. е. из-за того, что обвиняемый имел бы еще возможность опровергать предъявленные ему доказательства и не признаться. Однако это не освобождает следователя от соответствующей проверки таких показаний. Практика знает много случаев ложного самообвинения как по «осознанному решению», так и по решению без достаточ-

ного основания[1]. К первым могут относиться, например, случаи, когда обвиняемый излагает лжепризнание, чтобы освободиться от ответственности за совершенное им более тяжкое преступление, чтобы запутать следствие, спасти соучастников и т. д.

Возможности тактического использования на допросе так называемого решения без достаточного основания свидетельствуют о том, что добиться правдивого показания у обвиняемого возможно и в случае, если нельзя опереться на его добрые побуждения и в то же время следствие не располагает достаточным материалом, чтобы добиться признания обвиняемого путем окружения его цепью доказательств. В этих случаях успех зависит прежде всего от особенностей личности, характера, опыта обвиняемого.

Часто говорят, что обвиняемый признается под тяжестью улик. Но предугадать, каким количеством и каким качеством, какой «тяжестью» должны обладать эти улики, чтобы обвиняемый признался, категорически невозможно, а ориентировочно очень трудно. Для одного достаточны намеки на некоторые обстоятельства, связанные с совершенным преступлением, а другой и при виде замкнутой цепи веских доказательств заявляет: «Я знаю, что меня ждет, а поэтому не ждите от меня пока-

---

[1] М. Геринг считает, что у совершенно ложных признаний «обычно причиной являются душевные болезни, как меланхолия или другие душевные расстройства, главным образом истерического характера. Другие причины очень редкие. Они наблюдаются из хвастливости, чтобы добиться какого-либо приюта, чтобы быть приговоренным к смерти, из хороших мотивов.., наконец, под давлением со стороны допрашиваемого» («Криминальная психология», М., 1923, стр. 58).

При ложных признаниях действительно нельзя упустить из виду возможность наличия душевных заболеваний у допрашиваемого. Когда по делу нужно установить мотивы такого признания, а это часто имеет большое значение с точки зрения дальнейшего хода расследования, и возникает сомнение в отношении душевного здоровья допрашиваемого, его следует направить на психиатрическую экспертизу. Интересно отметить, что в работах буржуазных криминалистов в перечне мотивов ложного признания всегда на первом месте стоят такие, как добиться какого-то приюта, желание покончить с собой и т. д.,— все это характерные симптомы обнищания трудящихся масс в странах капитала.

зания»[1]. Это опять-таки зависит от личности обвиняемого и от его опыта[2]. Изложенное убеждает в том, что следующим шагом по использованию тех особенностей психической жизни допрашиваемого, которые лежат в основе определения тактики допроса и разработки ее приемов, должно быть изучение особенностей личности допрашиваемых. Но это уже выходит за рамки нашей работы.

---

[1] «Следственная практика», М., 1959, стр. 139.

[2] Якимов и Михеев со ссылкой на Шнейкерта отмечают, что «настоящий» преступник сознается в совершенном преступлении только в следующих случаях:

1) когда он изобличается неопровержимыми уликами или пойман врасплох при допросе;

2) когда он рассчитывает при помощи сознания достигнуть смягчения участи или избежать длительного предварительного заключения;

3) когда путем сознания он надеется избегнуть ответственности за другие им совершенные, но еще не известные органам расследования преступления;

4) когда желает взвалить всю тяжесть вины на других, на соучастников, на общество или на сложившиеся обстоятельства и пр. («Допрос», М., 1930, стр. 22).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Имре Кертэс

«ТАКТИКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОПРОСА»

Редактор *Е. Я. Лямина*
Переплёт художника *А. Г. Леонова*
Художественный редактор *З. В. Тишина*
Технический редактор *Н. М. Тарасова*
Корректор *Е. В. Крюкова*

Сдано в набор 23/XII 1964 г. Подписано в печать 26/III 1965 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 5,13; усл. печ. л. 8,61; учет.-изд. л. 8,78. Тираж 8000 экз. А-04891. Цена 53 коп. Заказ № 6314. Объявлено: св. тем. план 1965 г. № 1989.

Издательство «Юридическая литература», Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40.

Областная типография Ивановского управления по печати, г. Иваново, Типографская, 6.

ПОПРАВКА

В выходных сведениях цена ошибочно указана 53 коп., правильная цена 63 коп.

Заказ 6314 И. Кертэс